

Комплекс памятников эпохи раннего железа в районе с. Елунино

В районе с. Елунино (Павловский район Алтайского края) археологическими экспедициями Алтайского госуниверситета в течение ряда лет — 1978–1980 и 1992–1997 гг. — проводились широкомасштабные работы в нескольких пунктах [121, с. 182–188; 124, с. 179–182; 129, с. 78–83; 138, с. 228–229; 139, с. 208–209; 140, с. 66–72; 142, с. 29; 144, с. 100–101; 152, с. 116–119; 158, с. 7–11; 160, с. 181–182; 166, с. 161–180; 317, с. 203–207; 344, с. 8–10; 372, с. 13–15].

Обследованные памятники принадлежат к различным эпохам от ранней бронзы до монгольского времени. К раннему железному веку относятся три курганных могильника (Елунинский курганный могильник I (далее ЕКМ-I); Елунинский курганный могильник (далее ЕКМ-II); одиночный курган Телеутский Взвоз II (далее ТВ-II) и шесть поселений (Елунино I–IV (далее ЕП I–IV), Елунинское культовое место (поздний комплекс) и поселение на площади могильника Телеутский Взвоз I (далее ТВ-I).

Поселенческие комплексы

Поселения Елунино I–IV. Памятники расположены в центре с. Елунино, в приустьевой зоне широкого лога, прорезающего левый берег р. Обь. Культурный слой поселений Елунино II–III перекрывает более древние погребения грунтовых могильников ЕКМ I и II, относящихся к елунинской и андроновской культурам.

Материал, полученный в результате исследования ЕП I–IV, небогат. На площади ЕП I и IV проводились только сборы подъемного материала, а культурный слой ЕП II и III был разрушен в ходе строительных работ. В большинстве случаев материал представлен мелкими фрагментами керамики, костями животных (рис. 1–3–11). На Елунинском поселении III зафиксированы остатки очага, в котором находился развал сосуда (рис. 1–1).

Керамика, обнаруженная на этих памятниках, характерна для поселений V–III вв. до н.э. Барнаульского Приобья. Баночные сосуды с округлым срезом венчика, орнаментированные по краю рядом жемчужника с раз-

делениями, в большинстве случаев относятся к староалейской культуре (рис. 1–4, 7–11). Баночные сосуды с уплощенным срезом венчика без орнамента, или орнаментированные по краю рядом ямочных вдавлений или наколов относятся обычно к каменной культуре (рис. 1–3, 5, 6).

Интересен сосуд из очага на ЕП III. Это закрытая банка, срез венчика скошен внутрь и орнаментирован рядом насечек. Сам сосуд украшен по верхнему краю двумя рядами елочки и рядом жемчужника с разделителем. Причем, жемчужник был нанесен по верху ряда елочки и частично перекрывал его (рис. 1–1). Как отмечает М.Т. Абдулганеев, сосуды, орнаментированные подобным образом, встречаются довольно редко и характерны в основном для староалейской и быстрянской культур [14, с. 36, с. 44]. Похожее оформление среза венчика также известно в материалах этих двух культур. Особенно характерно оно для группы ранних быстрянских поселений: Новозыково 3, Березовка 2, Солонцы I [14, рис. 59]. Наиболее близкая аналогия подобному сосуду обнаружена на поселении Турина Гора I [320, рис. 1–9]. Следует отметить, что оформленные подобным образом закрытые банки встречаются и на поселениях кижировской культуры [278, рис. 8–3, 11–2; 326, рис. 3–3]. В целом сосуды данного типа, видимо, являются довольно ранними и датируются в пределах VI–IV вв. до н.э.

Материалы поселений Елунино I–IV, по всей вероятности, относятся к группе «смешанных поселений» (каменный и староалейский типы, выделенные М.Т. Абдулганеевым на левобережье Оби). Наиболее близки к ним памятники раннего железного века соседнего Гоньбинского археологического микрорайона — Турина Гора I и III, Казенная Заимка I. М.Т. Абдулганеев эти памятники относит к каменной культуре, датирует их VI–IV вв. до н.э. и отмечает, что именно они испытали наибольшее влияние быстрянской культуры [14, с. 53]. Этому не противоречат и материалы поселений Елунинского археологического микрорайона.

В пределах Алтайского края на левобережье Оби наблюдается сходная картина в расположении поселений эпохи раннего железа. Наиболее ярко это проявилось в районах, прилегающих к Барнаулу (от устья р. Калманки и до Новообинцево). Подавляющее большинство поселений размещено в приустьевой зоне логов, прорезающих верхнюю террасу долины р. Обь. Практически в районе каждого более или менее крупного лога имеются поселенческие комплексы. В

большинстве случаев поселения имеют довольно значительную площадь — от 3 тыс. кв. м до 7–8 тыс. кв. м. Культурный слой в большинстве случаев темный, сильно гумусированный. Его толщина не превышает в среднем 0,2–0,4 м. Сооружения представлены небольшими хозяйственными ямами, реже проколами или золистыми пятнами — остатками очагов. Следов долговременных жилищ не обнаружено. Насыщенность культурного слоя находками невелика. Обычно они равномерно распределены по всей площади поселения. Концентрируются в большинстве случаев в районе очагов или хозяйственных ям. Материал представлен в основном керамикой, костями животных, битым камнем. Подобная ситуация характерна для большинства поселений левобережья. Известны памятники близкого типа и на правом берегу. Наиболее крупные раскопки на подобных поселениях производились в Фирсовском археологическом микрорайоне (пос. Обские Плесь I, Фирсово 4, 6, 9, 10 и др.) [378; 14, с. 20–21 и др.]

По всей вероятности, эти памятники представляют собой временные летние поселения. Располагались они в тех местах, где удобнее всего можно было содержать скот. Там, где были наиболее удобные подходы к водопою и заливным лугам. Вероятно, днем скот находился на пастбищах в пойме реки, а ночью — на территории поселения на верхней террасе берега реки. Об этом свидетельствует насыщенный органикой культурный слой этих памятников.

Видимо, несколько по-иному следует интерпретировать находки эпохи РЖВ с территории Елунинского Культурного Места и площади курганного могильника Телеутский Взвоз-I. Основной комплекс первого памятника относится к большереченской культуре переходного времени и датируется VIII–VII вв. до н.э. [166, с. 161–180]. Елунинское культовое место расположено на мысовидном выступе левого берега р. Обь в 3 км к западу от с. Елунино. В 300 м к юго-востоку от этого памятника находится западная группа курганов ЕКМ-I. Материалы раннего железного века на Елунинском культовом месте представлены несколькими фрагментами керамики (рис. 1–2).

На площади курганного могильника Телеутский Взвоз I, погребения которого относятся к эпохе ранней бронзы, ирменской культуре и монгольскому времени, также обнаружены материалы раннего железного века. Памятник находится в 4 км к востоку от с. Елунино на высоком мысовидном выступе левого берега р. Обь. В 200 м к югу от

него расположен курганный могильник ЕКМ-II. К эпохе раннего железа здесь относятся бронзовый наконечник стрелы, два развала сосудов и несколько мелких фрагментов керамики (рис. 2–1, 2, 4–9). Видимо, сосуды и наконечник стрелы представляют один комплекс. Керамика характерна для староалейской культуры и датируется VI–IV вв. до н.э. Наконечник стрелы — бронзовый черешковый с трехгранной боевой головкой. Грани вогнуты. По их нижним краям имеются треугольные вырезы. Насад короткий, округлый в сечении, довольно широкий у боевой головки, постепенно сужающийся к низу (рис. 2–3). Бронзовые наконечники подобных форм в Барнаульском Приобье датируются довольно широко от VII в. до н.э. (Бобровский могильник), до IV–III вв. до н.э. (Новотроицкое II) [254, с. 56, рис. 45, 1–7; 350, с. 140, рис. I; 378, с. 72, рис. 4, 4]. Наиболее близкой аналогией является наконечник из могильника Крохалева 5 [334, табл. XXII, 13]. Памятник датируется V–IV вв. до н.э. и характеризуется смешением черт каменной (большереченской) и кижировской культур. С этого памятника происходит, по мнению Т.Н. Троицкой, «типично кижировский сосуд», который ничем не отличается от староалейской керамики [334, с. 16, табл. XXII, 21]. Со староалейскими этот памятник сближают и другие обнаруженные здесь вещи — бронзовый колчаный крюк, бабочковидная бляха, каменная курильница [334, табл. XXII, 14, 15]. Таким образом, материалы эпохи раннего железа с ТВ-I можно датировать в пределах V–IV вв. до н.э.

Поселения раннего железного века на Елунинском культовом месте и на могильнике Телеутский Взвоз I являются, видимо, кратковременными стоянками. Они вполне могут быть связаны с могильниками этого времени, расположенными поблизости (ЕКМ-I и II), то есть с какими-то проявлениями погребальной обрядности. На это уже обращал внимание А.А. Казаков [129, с. 83]. Мы хотели бы подчеркнуть, что при раскопках курганов эпохи раннего железа в лесостепном Алтае в большинстве случаев исследуется только подкурганное пространство. Остальная площадь памятника выпадает из поля зрения археологов. А ведь при изучении межкурганного пространства может быть получена дополнительная информация о древней погребальной обрядности. Так, известно, что на памятниках раннего железного века Горного Алтая существовали целые системы культовых сооружений вокруг курганов. К сожалению, в лесостепном

степи проведение аналогичных работ требует больших трудозатрат. Поэтому в данном случае может быть более перспективным изучение наиболее выделяющихся на местности участков, прилегающих к курганным могильникам. Так, в нашем случае могильник Телеутский Взвоз-I расположен на самом высоком мысовидном выступе верхней террасы долины р. Обь в данном районе.

Погребальные комплексы

Елунинский курганный могильник I. Памятник находится в 2–3 км к западу от с. Елунино, на краю высокой террасы левого берега р. Обь, который постоянно моется рекой. В результате здесь происходят крупные оползни. Могильник был открыт осенью 1977 г. доктором географических наук А.М. Малолетко. При обследовании этой территории в 1977 г. Ю.Ф. Кирюшиным выяснилось, что он состоит из 32 курганных насыпей, разбросанных на протяжении 2 км вдоль берега реки. Возможно, курганов было значительно больше, но так как территория памятника подвергалась интенсивной распашке, многие насыпи визуально не прослежены. Курганы располагаются группами от 3–4 до 5–6. На ряде из них имеются следы грабительских раскопов. Диаметр насыпей различен от 8–10 до 25 м. Высота колеблется от 0,5 до 0,8 м. Ряд курганов находится в аварийном состоянии. В некоторых случаях часть насыпи к моменту раскопок уже обрушилась в воду. В 1977, 1978, 1979-х гг. экспедицией Алтайского госуниверситета под руководством Ю.Ф. Кирюшина здесь были произведены раскопки нескольких курганов, находившихся под угрозой уничтожения. При обследовании современного состояния памятника в 1997 г. выяснилось, что он вновь находится в аварийном состоянии. Большинство раскопанных в 1977–1979 гг. курганов уже осыпалось в реку. Под угрозой находится еще ряд насыпей.

Всего на памятнике было раскопано 9 курганов.

Курган № 1. Находится в центральной группе курганов. Практически полностью обрушился под обрыв. Размеры сохранившейся части 12,6×2,8 м, высота 20–30 см. В ходе разборки насыпи кургана была найдена бронзовая бляшка с петелькой на обратной стороне (рис. 3–4). Всего здесь было обнаружено три погребения (рис. 3–1).

Могила 1. Почти полностью уничтожена. Судя по оставшейся части погребения, умерший был уложен в прямоугольную яму глубиной 1,9 м от дневной поверхности, вытя-

нуто на спине головой на запад-юго-запад. Сохранились только кости ног и руки. Находок не обнаружено.

Могила 2. Находилась у юго-западного края кургана. Погребение также практически полностью разрушено. Размеры оставшейся части захоронения 1,1×0,5 м. Глубина могильной ямы 1,55 м от дневной поверхности. Сохранились только кости ног и таза погребенного. Сверху погребение было перекрыто повдоль березовыми и сосновыми жердями в три ряда. Судя по костям ног, умерший был положен головой на северо-северо-запад. Инвентаря не обнаружено.

Могила 3. Представляла собой прямоугольную яму размерами 2,4×1 м и глубиной 1 м от уровня материка. В ней была погребена женщина в возрасте 25–30 лет (все половозрастные определения на могильнике ЕКМ I сделаны Д.А. Дремовым). Она лежала вытянуто на спине головой на юго-запад. У левого плеча умершей обнаружена овальная каменная курильница, в которой сохранились мелкие угольки (рис. 3–5), за головой керамическое пряслице (рис. 9–5) и у левой стопы кость животного. Погребение имело перекрытие, состоявшее из двух рядов березовых жердей – верхнего продольного и нижнего поперечного.

Курган № 2. Находился в центральной группе курганов у самого края обрыва. Его диаметр был равен 16 м, высота 0,8 м (рис. 3–6). Грабительских западин не прослежено. Всего здесь обнаружено 15 погребений. Четырнадцать могил (№ 1–12, 14, 15) были расположены вокруг центральной (№ 13). Судя по ориентации костяков, захоронения образуют две дуги. Круг погребений разделен по линии запад-восток. Причем умершие в южной дуге ориентированы головами влево по периметру дуги (по часовой стрелке), а в северной — также влево (против часовой стрелки). Захоронения № 1, 4–7 образуют второй ряд, вторую дугу. Кроме того, следует отметить, что погребение № 11 прорезает насыпь кургана, т.е. оно, видимо, было сооружено несколько позднее, чем основной комплекс могил (рис. 3–6).

Могила 1. Погребение было совершено прямо на материке (глубина от дневной поверхности – 0,8 м). Четких границ пятна не прослежено. Его приблизительные размеры 0,95×0,45 м. В могиле был захоронен ребенок 3–5 лет. Костяк лежал, по-видимому, вытянуто на спине головой на северо-запад. Находок не обнаружено.

Могила 2. Погребение было сооружено на материке. Примерные размеры могилы 1,35×0,6 м, глубина от дневной поверхности

0,5 м. Здесь был погребен ребенок 7–8 лет. Найдены отдельные кости скелета. Судя по их расположению, умерший был положен вытянуто на спине головой на север. Находок нет.

Могила 3. Яма размерами 1×0,6 м и глубиной 0,5 м от уровня материка, имела подпрямоугольную форму. В погребении зафиксировано деревянное перекрытие из березовых жердей. Верхний ряд продольный, нижний поперечный. На дне могилы найдены разрозненные кости ребенка. Захоронение окружало серое пятно подтреугольной формы. Его размеры 2,8×1,5 м, глубина 0,45 м от материка. Здесь были обнаружены несколько костей ребенка и сосуд (рис. 3–6).

Могила 4. Яма размерами 2×0,5 м и глубиной в материке 0,42 м. Здесь вытянуто на спине головой на запад лежал костяк мужчины 35–40 лет. Прослежены остатки продольного дощатого перекрытия. Находок нет.

Могила 5. Яма прямоугольной формы, размерами 1,2×0,7 м. Ее глубина в материке 0,27 м. Костяк погребенной здесь женщины 18 лет лежал на правом боку, головой на юго-запад, ноги согнуты в коленях примерно под углом 90°. Голова и грудная клетка смещены к тазу. На черепе имеется отверстие, видимо, это след удара. Погребение потревожено более поздним захоронением № 7, в результате чего, возможно, и были смещены кости умершего. Предметов нет.

Могила 6. Размеры ямы, имеющей неровные края, приблизительно 0,85×0,5 м, глубина в материке 0,2 м. С северной, восточной и западной сторон на глубине 0,8 м от материка прослежен уступ высотой 0,15 м. На дне могилы на боку лежал сосуд (рис. 3–8). Костей в могиле не обнаружено. Возможно, это кенотаф.

Могила 7. Частично перекрывала могилу 5. Размеры ямы 1,9×0,65 м, глубина в материке 0,35 м. Здесь вытянуто на спине головой на юго-запад лежал мужчина 40–45 лет. Верхняя часть скелета потревожена грабителями. Справа от черепа в юго-западном углу могилы обнаружен сосуд (рис. 4–2). Поперек костяка на уровне шеи находилось березовое бревнышко (остатки перекрытия?).

Могила 8. Размеры ямы 2,9×0,75 м, глубина в материке 0,112 м. Здесь вытянуто на спине головой на юг была погребена женщина 25–30 лет (рис. 5–24). У левого колена обнаружен бочонковидный сосуд (рис. 5–1). У левого плеча – керамическое пряслице (рис. 3–3). В районе груди найдено пять белых пастовых бусин (рис. 5–2–5). Справа у черепа лежал кусочек охры.

Могила 9. Яма имела размеры 2,4×1 м, глубину 1,45 м в материке. В заполнении встречены кости животного. Могила была перекрыта продольными бревнышками или досками, от которых сохранился только тлен. Концы некоторых обожжены, местами прослежена зола. В северо-восточном конце могилы встречено несколько мелких кусочков мела. В основной части захоронения лежало два скелета и остатки третьего – младенца. Еще два костяка были уложены в подбое, который находился с юго-восточной стороны могилы. Его размеры примерно 0,5×1,6 м. Высота 0,2 м (рис. 5–25).

Костяк I. Женщина 25–30 лет. Была положена вытянуто на спине, головой на юго-запад. В районе груди и шеи обнаружены 11 пастовых бусин (рис. 5–6–14).

Костяк II. Новорожденный лежал вытянуто на спине у правого колена первого костяка, головой на юго-запад. Вещей нет.

Костяк III. Ребенок 6–8 лет (девочка?). Лежал вытянуто на спине головой на юго-запад. За головой обнаружены кость животного и несколько правее – глиняный кувшинчик (рис. 5–15), рядом с ним – обломки пряслица из розового рыхлого камня (рис. 5–16). В районе шеи найдено 48 пастовых бусин (рис. 5–18).

Костяк IV. Подросток около 12 лет. Находился в подбое, в вытянутом положении головой на юго-запад. Скелет слегка развернут на правый бок, как бы в пол-оборота к костяку № 5. Левая рука согнута под прямым углом. Находок нет.

Костяк V. Женщина 30–35 лет. Была положена в подбое вытянуто на спине головой на юго-запад. В районе живота прослеживались мелкие кости младенца. Около черепа лежала белая бусина, еще четыре – в районе груди (две белых пастовых, одна – черно-зеленого цвета, каменная, и одна – золотая). Еще одна бусина найдена под черепом (рис. 5–17). Так же под черепом прослежены окислы меди.

Могила 10. Находилась практически вплотную с погребением 4 (рис. 5–26). Яма имела размеры 3,25×1,5 м и глубину в материке 1,6 м. В заполнении встречены кости животного. Прослежено многослойное деревянное перекрытие. Оно опиралось на материковые уступы, сооруженные на высоте 0,8 м от дна могилы. Их ширина 0,2–0,25 м. Перекрытие состояло (сверху вниз) из трех продольных слоев сосновых бревен и двух слоев досок – верхнего поперечного и нижнего продольного. Кора сосновых бревен обожжена. Погребальная камера имела дощатый пол, ее стенки, видимо, были укреп-

лены досками. Умерший (женщина (?)) лежал вытянуто на спине головой на запад. Костяк засыпан мелом. Справа у головы обнаружено глиняное пряслице (рис. 5-22), за головой, в юго-западном углу могилы — раздавленный кувшин (рис. 5-23), рядом — железный нож. Слева у головы стояло деревянное блюдо с бортиком (рис. 5-21). На нем лежали кости животного. В районе шеи и груди погребенного найдены три пастовые бусины (рис. 5-19, 20). За головой стояло еще одно деревянное изделие (блюдо?) очень плохой сохранности. Хорошо были заметны плоское дно и часть бортика.

Могила 11. Была ввпущена в насыпь кургана. Длина могилы 3 м, ширина в южной части — 0,85 м, в северной — 1,2 м. Глубина в материке 1,3 м, с северной стороны ямы прослежен материковый уступ шириной у торца 0,25–0,4 м, по краям — 0,15–0,2 м и высотой 0,15 м (рис. 4-37). В заполнении встречены кусочки бересты и бронзовое изделие с остатками позолоты (рис. 4-9). Погребение, видимо, имело продольное дощатое перекрытие. На дне могилы вытянуто на спине головой на юг лежал скелет женщины 20–25 лет. Под ним прослежены остатки берестяной подстилки. В ногах погребенной стоял небольшой сосуд (рис. 4-2), в головах находились пряслице (рис. 4-3) и раздавленный сосуд с налепными «ушками» (рис. 4-1). У черепа найдены четыре железных стержневидных обломка — два из них с позолотой, один обернут золотой фольгой. Видимо, это остатки заколок для волос (рис. 4-18–21). Здесь же обнаружены три рифленые, золотые трубочки-пронизи. На макушке черепа были зафиксированы остатки головного убора (рис. 4-38): 13 золотых нашивок в виде полусфер из фольги (рис. 4-22–27) и 22 рифленые трубочки-пронизи (рис. 4-28–36). Под черепом была найдена еще одна пронизь и нашивка. В районе шеи располагалось 15 бусин: 10 — пастовых, 2 — стеклянные голубоватые и 3 — из золотой фольги на деревянной основе (рис. 4-4–17). В головах погребенной справа были обнаружены кости животного.

Могила 12. Яма размерами 1,85×0,95 м, глубиной в материке 1,1 м. Здесь на спине головой на северо-северо-запад была погребена женщина 30–40 лет. Левая нога и левая рука вытянуты вдоль туловища. Правые рука и нога откинута в сторону. Нога согнута в колене. У правого плеча погребенной лежали кости барана. Вещей нет.

Могила 13. Центральное погребение кургана № 2. Его размеры 3,65×2,35 м, глубина в материке 1,9 м. На глубине 0,9 м от мате-

рика был сооружен уступ шириной 0,15–0,2 м. На него опиралось перекрытие, состоящее из пяти рядов продольно уложенных сосновых бревен и жердей из осины и березы, между вторым и третьим слоем бревен обнаружена прослойка слежавшейся травы, шестой слой перекрытия представлял собой ряд поперечно уложенных толстых плах. Могилу сильно разрушила береговая трещина. На дне могилы, вероятно, на подстилке из бересты были уложены два костяка — мужчины 40–50 лет и женщины (?) 25–30 лет. Левая кисть мужчины лежала на правой кисти женщины. У головы мужчины находились кости барана, плохо сохранившийся железный нож с кольцевым навершием. В районе черепа обнаружены кусочки охры. Часть мужского скелета провалилась в трещину берега, в которой найдены, кроме костей, обломок железного кольца или пряжки и два костяных, втульчатых наконечника стрел (рис. 6–8, 9). У левой стопы мужчины находился сосуд (рис. 3–9). Слева от черепа женского скелета стоял еще один небольшой сосудик. Рядом с ним находился астрагал барана. Справа (в районе уха) найдена серебряная подвеска с зернью, сильно коррозированная. В районе груди лежало около сотни пастовых бусин зеленого цвета плохой сохранности. У правой стопы найдены пряслице и кусочек мела (рис. 10–16).

Могила 14. Имела яму прямоугольной формы. Ее длина 1,5 м, ширина юго-восточной части — 0,6 м, северо-западной — 0,9 м, глубина в материке — 0,8 м. Здесь обнаружены остатки перекрытия — шесть продольных и четыре поперечных березовых бревнышка. На дне лежал сильно поврежденный скелет женщины. Отсутствовали стопы и берцовые кости ног. Небольшие размеры могилы позволяют думать, что женщина была уложена в могилу уже без ног.

Могила 15. Яма размерами 1,3×1 м и глубиной 0,55 м. Зафиксировано двухслойное деревянное перекрытие из продольных бревнышек и поперечно расположенных плашек. На дне могилы вытянуто на спине головой на юго-запад лежал костяк ребенка до года. В районе черепа найден фрагмент бронзовой проволоочной серьги.

Следующие три кургана (№ 3, 4, 5) находились в западной группе курганов могильника.

Курган № 3. Он состоит из трех насыпей (№ 3,4,5). Диаметр кургана 11 м, высота насыпи 0,5 м. Следов грабительских западин не прослежено. Здесь было обнаружено одно погребение.

Могила. Размеры 2,65×1,95 м, глубина в материке 2 м. При выборке заполнения были найдены две бронзовые подвески (рис. 6–3,4), железный крюк (рис. 6–5), костяной наконечник стрелы (рис. 6–7) и кости человека.

В погребении зафиксировано сильно потревоженное грабителями многослойное перекрытие, состоящее из ряда продольно уложенных бревен и ряда досок, лежащих поперек захоронения. Перекрытие опиралось на сруб. Могила была ограблена еще в древности. На дне погребения обнаружено несколько разрозненных костей человека, кости животных и обломки железного кинжала (рис. 6–10). Кости принадлежали двум погребенным – мужчине (?) и ребенку 9–12 лет.

Курган 4. Насыпь имела неправильную форму и была вытянута с севера на юг. Его диаметр равен примерно 10 м, высота насыпи 0,35 м. С северной стороны кургана зафиксирован ровик, его глубина в материке 0,2 м, ширина – 0,35 м. В других местах ровик не прослежен, т. к. он был не очень глубокий и не прорезал гумусовый слой (рис. 8–1).

Под насыпью найдено одно погребение (рис. 8–1). Прямоугольная яма размерами 2,9×1,45 м, глубина в материке 1,6 м. В 0,5 м от дна могилы прослежены плечики вдоль продольных стенок захоронения. Здесь было обнаружено многослойное перекрытие. Оно состояло из шести слоев бревен – первый, второй, четвертый и пятый лежали вдоль погребения, третий и шестой – поперек. Причем в третьем слое было лишь четыре бревна по два у торцов могилы. Перекрытие опиралось на продольные плечики и снизу в торцах могилы подпиралось двумя столбами. Размеры могилы по дну составляли 2,25×1,1 м. Здесь вытянуто на спине головой на северо-запад лежал костяк женщины 25–30 лет (рис. 8–4). Слева от черепа погребенной обнаружен крестец барана, а около локтя левой руки – керамическое пряслице и курильница (рис. 8–7,8). В ногах прослежено пятно извести или мела диаметром 0,05–0,07 м.

Курган № 5. Его диаметр около 10 м. Высота 0,3–0,4 м. Под насыпью находилось 8 погребений. Расположение могил беспорядочно. Могила № 2 перекрывает погребение № 8 (рис. 7–1).

Могила 1. Была лишь слегка, на 0,2–0,25 м, углублена в гумусовый слой. Ее глубина от дневной поверхности 0,45 м, размеры 0,8×0,6 м. Здесь вытянуто на спине головой на северо-запад лежал разрозненный

костяк ребенка 0–0,5 года. У северного края погребения обнаружен сосуд (рис. 7–7).

Могила 2. Перекрывала могилу 8. Яма, размерами 2,7×1,6 м, имела подпрямоугольную форму. Восточный край закруглен. Глубина от дневной поверхности 0,5 м. На дне вытянуто на спине головой на северо-восток лежал костяк мужчины 30–40 лет. В ногах находилось два сосуда. Один, перевернутый, был у правой стопы, второй стоял у южного края погребения (рис. 7–5, 6).

Могила 3. Яма размерами 2,5×1,5 м и глубиной в материке 0,6 м. Здесь зафиксировано перекрытие из одного ряда продольно лежащих березовых бревнышек диаметром 10–15 см. Оно опиралось на сруб в два венца, также из березовых бревен. В могиле вытянуто на спине, головой на запад, лежал костяк мужчины в возрасте около 35 лет. На черепе у правого виска хорошо видна рубленая рана, от которой, видимо, наступила смерть. В ногах погребенного найден костяной наконечник стрелы (рис. 7–11).

Могила 4. Ее размеры 2×1,2 м, глубина в материке 0,85 м. Здесь зафиксировано однослойное перекрытие из лежащих продольно березовых бревен. Оно опиралось на сруб в три венца также из березовых бревен. Юго-восточная торцовая сторона сруба отсутствовала. На дне могилы лежал вытянуто на спине, головой на юго-восток костяк мужчины около 45 лет. Слева у черепа были обнаружены кости животного. Также, слева у ноги, находились два развала сосудов.

Могила 5. Яма имела подпрямоугольную форму. Стенки неровные. Ее размеры 1,25×0,8 м. Глубина в материке 0,3 м. В погребении были обнаружены остатки продольного перекрытия из березовых жердей. На дне лежало несколько костей ребенка и сосуд (рис. 7–8).

Могила 6. Ее размеры 1,45×1 м, глубина в материке 0,3 м. Обнаружено продольное перекрытие из березовых жердей. В погребении лежал вытянуто на спине, головой на запад костяк ребенка около 0,5 лет. Справа от черепа стоял сосуд баночной формы (рис. 7–9).

Могила 7. Ее размеры 1,5×0,8 м, глубина в материке 0,3 м. Могила была перекрыта одним рядом продольных березовых бревен. На дне вытянуто на спине головой на северо-запад лежал костяк женщины 25–30 лет. Череп имел круглое отверстие, вероятно, это следствие удара чекана. Находок нет.

Могила 8. Перекрывалась могилкой № 2. Ее размеры 2×1 м, глубина в материке 0,8 м. Здесь обнаружено перекрытие из двух рядов продольно уложенных бревен. Умерший ле-

жал вытянуто на спине головой на запад. Неясен пол погребенного, судя по антропологическим определениям, — это мужчина, а погребальный инвентарь характерен для женщин. У левой руки костяка стояла каменная курильница (рис. 7-10), небольшой сосудик (рис. 7-3), рядом находилось керамическое пряслице (рис. 8-6). В ногах располагался еще один раздавленный сосуд (рис. 7-4).

Курган № 6. Находился в восточной группе курганов у самой кромки обрыва и был вытянут с запада на восток. Его размеры 12×10,2 м, высота 0,25 м. В насыпи встречены куски дерева и кости животных (рис. 9-1-3).

Могила 1. Находилась в центральной части кургана. Размеры могилы 3×1,85 м, глубина в материке 1,8 м. В погребении обнаружено деревянное перекрытие, состоящее из трех продольных рядов бревен и одного поперечного ряда. Оно опиралось на сруб в два венца. По торцам могильной ямы стояло по два столбика, также поддерживавших края перекрытия. Могильная яма сужалась к центру, и ее размеры по дну составляли 2,8×1,4 м. В погребении вытянуто на спине головой на юго-юго-запад лежал костяк женщины 30-40 лет. В районе шеи умершей найдено шесть пастовых бусин плохой сохранности. Слева от черепа стоял небольшой горшочек (рис. 9-10), справа лежал железный нож (рис. 9-7). В северо-восточном углу погребения обнаружен еще один сосуд кувшиновидной формы (рис. 9-8), в районе груди найдена обкладка из бронзовой фольги, для какого-то ромбовидного предмета из дерева (рис. 6-10). Кроме того, около черепа обнаружены остатки украшений из золотой фольги очень плохой сохранности.

Могила 2. Находилась в западной части кургана. Ее размеры 3,15×1,55 м, глубина в материке 1,35 м. Здесь было зафиксировано четырехслойное бревенчатое перекрытие. Первые три слоя лежали продольно. Нижний поперечный опирался на уступы вдоль длинных сторон могильной ямы. Уступы сооружены на уровне 0,65 м от дна погребения. Их ширина 0,15-0,2 м. С южной стороны уступ был двойным. Перепад составлял 0,1 м.

В погребении вытянуто на спине головой на северо-северо-восток лежал костяк женщины 30-35 лет. В районе груди найдены 17 мелких пастовых бусин. Справа у черепа находилось керамическое пряслице (рис. 9-6). Также слева у ног стоял небольшой горшок баночной формы без орнамента (рис. 9-9). Кости грудной клетки умершей обожжены.

Курган 7. Расположен в восточной части курганного могильника, к юго-востоку от кургана № 2. Высота кургана 0,3 м, диаметр 12 м. Под насыпью было обнаружено одно погребение. Зафиксирован ровик, его максимальная ширина 0,8 м и глубина 0,5 м. В ряде мест ровик не прослежен, так как не перерезает гумусированного слоя почвы. Диаметр ровика 10-10,5 м (рис. 8-2).

Могила. Находилась в центральной части кургана. Размеры могильной ямы 2,3×0,9-1,1 м. Глубина в материке 0,9 м. С северо-западной стороны на расстоянии 0,6 м от дна захоронения прослежен материковый уступ. Его ширина 0,2 м. Размеры погребения по дну составили 2,1 м на 0,9 м. В заполнении обнаружены мелкие угольки, зола, кусочки охры. В захоронении зафиксировано деревянное перекрытие, состоящее из двух слоев. Верхний продольный — из березовых бревнышек и горбылей, вероятно, опирался на уступ с северо-западной стороны, а с юго-восточной — на второй слой перекрытия, состоящий из лежащих поперечно широких досок. Этот слой в свою очередь поддерживался деревянной рамой из широких (0,20-0,25 м) и толстых (0,15-0,17 м) досок, стоящих на ребре.

На дне могилы вытянуто на спине головой на северо-запад лежал костяк женщины 20-25 лет (рис. 8-5). Около левого плеча погребенной обнаружена каменная курильница (рис. 8-9). Слева от черепа — кости барана в сочленении. Справа около черепа найдена крупная железная заколка (рис. 8-3). У северной стенки захоронения, ближе к ногам умершей, лежал камень, который, возможно, использовался как оселок.

Курган № 14. Находился в западной группе курганов, почти у края обрыва. Его диаметр был равен 12 м. Насыпь кургана слегка асимметрична. Ее высота с северо-восточной стороны составляла 0,6-0,7 м, а с юго-западной — 0,25-0,35 м. Здесь обнаружено пять погребений. Видимо, первоначально была сооружена могила четвертая и, возможно, пятая. Толщина погребенной почвы, прослеженная под материковыми выбросами из этих захоронений, составляла 0,25-0,30 м. Затем над этими погребениями возвели насыпь, высотой 0,4-0,5 м. Через некоторое время в курган были впущены могилы — вторая и третья. Материковые выбросы из этих погребений находятся на высоте 0,7-0,8 м от материка. Видимо, после этого курган досыпали. Причем, в результате этого центр насыпи сместился. Часть земли для новой засыпки была взята над погребением № 5, вследствие чего оно оказалось частично

за пределами насыпи. При выборке насыпи кургана было встречено несколько обломков мелких косточек и венчик сосуда без орнамента.

Могила 1. Находилась в северо-западном секторе кургана и была вытянута с запада на восток. Ее размеры 1,2—0,78 м. Пятно имело подпрямоугольную форму, его углы были закруглены. Дно могилы зафиксировано на глубине 0,2 м от уровня материка. При выборке заполнения в западной части могилы встречены обломки черепа мужчины около 60 лет и позвонок. Здесь же был найден фрагмент керамики без орнамента.

Могила 2. Была обнаружена в юго-восточном секторе кургана. Контуры ямы прослеживались с 0,4 м от дневной поверхности. Она прорезала более раннюю насыпь и до уровня материка имела отвесные стенки. Ее размеры 3,3×2,6 м. Затем стенки ямы полого сужаются до глубины 0,8 м от уровня материка, где было зафиксировано деревянное перекрытие. Размеры ямы составляли 3×1,7 м. Перекрытие состояло из девяти слоев сосновых бревнышек диаметром 0,15—0,20 м. Первые семь лежали повдоль могилы, восьмой — поперек, девятый снова повдоль. По дну длина могильной ямы составляла 2,6 м, ширина 0,9 м. Глубина от материка 1,7 м. В могиле лежал костяк мужчины 20—25 лет, на спине в вытянутом положении, головой на юго-запад. В юго-западном углу погребения стоял высокий сосуд кувшиновидной формы (рис. 10—18). Рядом находились кости барана. Здесь же найден обломок железного ножа, часть железной булавки-заколки, обернутой золотой фольгой, и несколько бусин (рис. 10—1, 2, 5—10, 12—15). Справа от черепа были обнаружены два обломка серебряных серег со следами позолоты. На груди костяка лежало несколько пастовых бусин. У левого плеча находилась каменная курильница со следами охры на ней (рис. 10—17). У северной стенки погребения обнаружен развал еще одного сосуда (рис. 6—2).

Могила 3. Находилась в северной поле кургана. Имела размеры 2,35×1,0 м и глубину от материка 0,75 м. Яма прямоугольной формы с закругленными углами с отвесными стенками. В ней вытянуто на спине головой на запад лежал костяк без черепа. Инвентаря в могиле не обнаружено.

Могила 4. Располагалась в центре кургана, ее размеры 1,9×0,85 м, глубина в материке 1,1 м. Пятно имело подпрямоугольную форму и закругленные углы, на дне погребения обнаружено два костяка: женщины 20—25 лет и ребенка 8—9 лет. Умершие ле-

жали вытянуто на спине головой на юго-запад. Причем ребенок был подхоронен в могилу несколько позже, в результате женский костяк был сдвинут в сторону и частично поврежден. В головах умерших обнаружены кости барана. В могиле повсеместно встречались кусочки бересты. Ею, возможно, покрывались погребенные.

Могила № 5. Находилась на краю восточной полы кургана. Ее размеры 2,3×1 м, глубина в материке 1 м. Яма имела подпрямоугольную форму с закругленными углами. На глубине 0,8 м от материка было зафиксировано поперечное перекрытие из сосновых плах, шириной 0,15 и толщиной 0,1 м. На дне могильной ямы вытянуто на спине головой на юго-восток лежал костяк женщины 40—50 лет. Слева от стопы левой ноги располагался развал сосуда. В области грудной клетки обнаружена глазчатая бусина темно-синего цвета (рис. 10—4) и в области черепа — бронзовая серьга (рис. 10—3).

Курган 18. Находился в центральной группе. Реконструирована следующая последовательность действий при его сооружении. Видимо, на небольшом всхолмлении высотой 0,15—0,2 м была выкопана яма. После совершения в ней погребения яму засыпали. Затем на уровне древней дневной поверхности над могилой, видимо, соорудили какую-то деревянную конструкцию из тонких жердей и плах, которые были уложены вдоль и поперек могильной ямы. После этого здесь был разведен огонь. Частично сгоревшую конструкцию засыпали мешанкой, оставшейся от выборки ямы для погребения. В результате этого образовался невысокий холмик диаметром 3 м и высотой около 0,15 м. Затем он был обложен дерном на высоту 0,15—0,2 м. Диаметр насыпи после этого составил 5—6 м, высота — 0,3—0,35 м. Единственное захоронение находилось в центре кургана. Его размеры по материкам 2,7×1,5 м. Погребение ограблено в древности. Сохранилась только его северо-восточная часть. Могила была перекрыта четырьмя продольными рядами бревен диаметром 0,1—0,15 м и одним рядом плах, уложенных поперечно. Перекрытие опиралось на раму из стоящих на ребре горбылей и досок. Вдоль юго-восточного края могилы на глубине 1,4 м имелся небольшой уступ шириной 0,2 м. Яма по дну имела размеры 2,7×1,2 м. Ее глубина в материке 1,6 м. На дне могилы и в ее заполнении обнаружены разрозненные человеческие кости. Положение и ориентацию погребенного установить не удалось. В северо-восточном углу захоронения найдены остатки железного кинжала, возможно, находившегося в де-

ревянных ножнах (рис. 10–19). Кроме этого, в заполнении могилы найдена половина синей пастовой бусины (рис. 10–11).

В целом погребальный обряд Елуинского курганного могильника I характерен для памятников каменной культуры. Очень близок он к обряду погребения, прослеженному в могильниках Камень II, Рогозиха I, Андроново I и др. [254, с. 15–29; 256, с. 113–134; 257, с. 127–139; 342, с. 51–59; и др.].

Мы остановимся здесь лишь на некоторых особенностях погребальной обрядности рассматриваемого могильника.

Обращает на себя внимание наличие здесь как многомогильных курганов, так и таких, где под насыпью располагалось только одно погребение. Отмечены случаи, когда в одномогильные курганы были впущены дополнительные погребения. Это курганы 5, 7, 14.

В данном случае зафиксирована, возможно, как раз та стадия, когда традиция сооружения одномогильных курганов еще до конца не исчезла, но уже в ряде случаев появляются многомогильные курганные некрополи. Это наблюдается в могильниках каменной культуры, датирующихся в пределах IV–III вв. до н.э. Это Камень II, Рогозиха I, Андроново I [254, с. 15–29; 256, с. 113–134; 257, с. 127–139; 334, с. 25; 342, с. 51–59].

Круговое расположение могил под курганной насыпью широко известно в памятниках каменной культуры и ранних сармат с IV–III вв. до н.э. Позднее в III–II вв. оно распространяется на всю степную часть Западной Сибири, Северный Казахстан, Приуралья и Зауралья [334, с. 25; 350, с. 64–65]. До конца еще не решен вопрос о происхождении данной черты погребального обряда. Отмечалось лишь то, что это эпохальное явление характерно для памятников раннего железного века.

Круговое расположение могил вокруг центральной, под курганной насыпью было отмечено и в более ранние периоды: в памятниках эпохи бронзы (новокумакско-синташтинского типа и срубной культуры); в материалах VIII–VII вв. до н.э. Тувы (алдыбельской культуры) и ряде других памятников [45, рис. 8, 14; 65, рис. 135; 72, рис. 104; 273, табл. 4–31, 5–10, 9–1, 1 1–1; и др.]. По-видимому, появление такой специфической детали погребального обряда в скифское время следует связывать с более древними традициями индо-иранской погребальной обрядности.

Из других особенностей погребального обряда ЕКМ I следует отметить большое разнообразие деревянных внутримогильных кон-

струкций. Перекрытие захоронения опирается как на заплечики, так и на сруб или раму. В захоронении 10 кургана 2 стенки и пол погребальной камеры были облицованы досками, в могилах 4 и 13 этого же кургана пол устлан берестой.

В погребении 9 кургана 2 было захоронено пять человек. Здесь был сделан и небольшой подбой. В данном случае он, видимо, носил скорее утилитарный характер, чем обрядовый. Так как в погребальную камеру не входили все умершие, она была расширена.

Практически все умершие, похороненные в могильнике, лежат вытянуто на спине. Вероятно, в скорченном положении была погребена девушка до 18 лет (к. 2, м. 5). В памятниках каменной культуры подобных захоронений мало. Это погребения в могильниках: Рогозиха I (к. 16, м. 1), Камень II (к. 21, м. 1), Казенная Заимка I, Масляха I (к. 4, м. 1) [256, с. 191; 258, с. 30; 375, с. 54]. В большинстве случаев это могилы подростков. Очень часто они были впущены в насыпь. Инвентаря в этих захоронениях практически нет. Во всех рассмотренных выше случаях мы, возможно, имеем дело с могилами социально-неравноправных людей. Погребения подобного типа, людей в скорченном положении (зависимых людей или детей), характерны для большинства культур скифского мира, где преобладало положение погребенных вытянуто на спине [271, с. 101–154; 351, с. 124–125].

В парном захоронении 13 кургана 2 зафиксирована следующая деталь обряда: кисть погребенного здесь мужчины лежала на кисти женщины.

В целом конструкция погребальных камер, расположение в них умерших, состав и размещение инвентаря в могилах во всех курганах очень близки. Видимо, они были оставлены одной группой населения, и больших хронологических разрывов между ними, вероятно, нет.

Погребальный инвентарь

Вооружение представлено двумя железными кинжалами очень плохой сохранности (к. 3 и к. 18) (рис. 6–6; 10–19). О форме можно говорить только у кинжала из к. 3. Восстанавливается широкое брусковидное перекрестие, массивная рукоять. Отсутствует перекрестие. Но вполне возможно, что оно не сохранилось (рис. 6–6). Наиболее близок вышеописанному изделию кинжал из Новокумакского могильника. М.П. Мошкова датировала его IV–началом III вв. до н.э. или

IV в. до н.э. [265, с. 42, рис. 6-4]. К.Ф. Смирнов кинжалы с подобным навершием также относит к IV-III и IV вв. до н.э. [298, с. 26].

Кроме кинжалов обнаружены и четыре костяных наконечника стрел. Два из них втульчатые ромбические в сечении с прямым основанием из м. 13 к. 2 (рис. 6-8,9). Такие наконечники характерны, в основном, для переходного времени от поздней бронзы к раннему железу [378, с. 72-73]. В более позднее время IV-III вв. до н.э. они встречаются очень редко. В материалах Барнаульского Приобья этого периода подобные вещи нам неизвестны.

Два других наконечника небольшие, черешковые (к. 3 и к. 5, м. 3) (рис. 6-7; 7-11). Это традиционная находка для памятников раннего железного века верхнего Приобья.

Также в широких пределах ранним железным веком может быть датирован плохо сохранившийся железный колчаный крюк, округлый в сечении из к. 3 (рис. 6-5).

Из украшений наиболее интересны два бронзовых костылька, найденные в кургане 3. Они имеют кольцевое расширение в верхней части с отверстием для подвешивания и подтреугольное расширение с отверстием в средней части (рис. 6-3-4). Костыльки являются распространенной находкой для лесостепного Алтая, начиная с VI-V вв. до н.э. и до III-II вв. до н.э. [210, с. 138-139; 254, с. 70-71]. Наиболее близкие аналогии подобным подвескам происходят из Семиречья (могильник Бешкатыр; Кызыл-Ауз I, III). Датируются они здесь V-II вв. до н.э. [22, табл. 2-14; 92, табл. 29-36, 78-41]. Из материалов каменной культуры наиболее близок костылек из могильника Камень II (IV-III вв. до н.э.). Он имеет три кольцевых расширения с отверстиями по середине [256, рис. 4-18]. Подобные изделия также находят аналогии в материалах саков Семиречья [92, табл. 29-38], несмотря на то, что, как отмечают некоторые авторы, находки костыльков для саков Средней Азии и Казахстана довольно редки [254, с. 70]. Следует отметить, что костыльки, подобные найденным в к. 3 ЕКМ-I, являются специфической находкой, характерной для памятников саков Семиречья.

Интересны нашивные украшения головного убора из м. 11 к. 2. Это — полусферические бляшки-нашивки из штампованного золотого листа с двумя отверстиями для пришивания и рифленые (гофрированные) трубки-пронизи, также из свернутого золотого листа. Эти предметы располагались компактной группой округлой формы в районе теменной части черепа. Они, видимо, образо-

вывали кант из перемежающихся нашивок вокруг органической основы (рис. 4-22-37) [158, рис. 1-13-15, с. 10-11]. Подобные изделия были широко распространены в погребениях знати культур азиатской части скифского мира. Рифленые пронизи и нашивные бляшки подобных форм найдены в кургане Иссык V в. до н.э., в памятниках чиркирабатской культуры IV-III вв. до н.э. [21, табл. 16, с. 98; 43, табл. 14-1, 2, 14, 16, 18, 19, 60]. Встречены они и в богатых захоронениях тагарской культуры, датирующихся IV-III вв. до н.э. Причем, здесь они происходят из комплексов, где большинство золотых изделий авторы раскопок связывают с сакскими материалами [283, с. 64-65, рис. 4-12-22; 5-30-48]. Тонкие рифленые золотые пронизи, украшающие головные уборы, обнаружены в могильнике Саргамыс I (Восточный Казахстан), по погребальному обряду близком к памятникам каменной культуры. Датируется он второй половиной I тыс. до н.э. [24, с. 386-387]. Рифленые золотые пронизи известны и в памятниках быстрианской культуры V-III вв. до н.э. [91, рис. 7-16]. В могильниках каменной культуры найдены нашивные полусферические бронзовые бляшки, сходные с бляшками из ЕКМ-I. Это также украшения головного убора. Датируются они III-II вв. до н.э. В.А. Могильников считает, что их наличие в материалах каменной культуры отражает межэтнические связи «скорее всего с населением саргатской культуры» [256, с. 75, рис. 55а, 8, 12, 13]. На наш взгляд, вряд ли следует так однозначно связывать появление подобных блях с саргатской культурой. Не исключено, что для нашивок из Масляхи I (III-II вв. до н.э.) послужили прототипами бляшки, подобные найденным в ЕКМ-I, т.е., возможно, появление таких украшений головного убора как в каменной, так и в саргатской культурах обусловлено их южными и юго-западными связями с саками Средней Азии и Казахстана. Тем более, что в III-II вв. до н.э. полушаровидные бронзовые и серебряные бляшки служили традиционными украшениями одежды и головных уборов в джетысарской культуре (Восточное Приаралье) [222, табл. 24-26, 42]. Кроме вышеописанных украшений головного убора, в погребении 11 к. 2 и могиле 2 к. 14 найдены железные заколки-шпильки, обтянутые гофрированными золотыми листками (рис. 4-8-21; 10-1). Заколка из м. 2 к. 14 имеет шаровидную головку-навершие, выполненное из золотой фольги и украшенное несколькими небольшими цилиндрическими выпуклостями. Не исключено, что другие биметалличе-

ские булавки имели органические навершия, не сохранившиеся до наших дней (рис. 4–18–21) [158, с. 11, рис. 1–16–19]. Подобные изделия довольно часто встречаются в погребениях каменной культуры. Наиболее близка булавке из к. 14 могильника ЕКМ-I шпилька из к. 12 могильника Новотроицкое I, который датируется IV–началом III вв. до н.э. В.А. Могильников связывает распространение таких изделий в Верхнем Приобье со Средней Азией и приводит аналогии им в Горном Алтае, быстринской культуре и Семиречье [253, с. 78, рис. 57, 1–3]. Кроме этого, близкие по форме булавки обнаружены в Туве. Здесь они датируются VI–III вв. до н.э. [229, рис. 2; 282, рис. 6–7].

Кроме железных заколок, обложенных золотом, в ЕКМ-I найдена обычная железная заколка из м. 1 к. 6. Она имеет шаровидное навершие (рис. 8–3). Подобные изделия являются характерным украшением женщин в раннем железном веке Верхнего Приобья. Особенно они распространены в староалейских памятниках, реже встречаются в каменных [349, с. 141].

В той же могиле 11 к. 2 ЕКМ-I обнаружено ожерелье из разнотипных бус. Здесь прежде всего следует отметить три крупные цилиндрические бусины из плотной золотой фольги, которой была обтянута деревянная основа (рис. 4–4–6). Еще одна подобная бусина найдена в м. 9 этого же кургана. Такие изделия встречаются довольно редко. Так, бусина близкого типа обнаружена в могильнике Богданово III саргатской культуры (V–III вв. до н.э.) [253, табл. 126, 50]. Похожие пронизи-бусины найдены П.И. Шульгой в могильниках Локоть 4а (к. 4 м. 1). Они датируются V–IV вв. до н.э.

Кроме этого, в комплекте с золотыми бусинами из м. 11 встречены одна бирюзовая бусина и одна стеклянная (рис. 4–7, 8). Остальные бусы, обнаруженные в могильнике ЕКМ-I, являются обычными украшениями каменной культуры. Они встречаются в основном в IV–III вв. до н.э. Это пастовые бусины различных форм и размеров, в основном цилиндрические и дисковидные – мелких и средних размеров белого, зеленого и синего цветов (рис. 4–10–17; 5–2–14, 17–20; 10–5–15). Ожерелья из бус и отдельные бусины встречены у девяти погребенных. Все они женские (к. 2 – м. 8, м. 9, кост.-1, 2, 5; м. 10, м. 11, м. 13; к. 6 – м. 1, м. 2; к. 14 – м. 2, м. 5; к. 18). В.А. Могильников отмечает, что бусы имели большую ценность и встречались довольно редко в каменных памятниках [254, с. 79–80]. В нашем случае – бусы обнаружены у большинства взрослых

женщин. У нас создается впечатление, что ожерелья из бусин различного типа являлись традиционным и довольно распространенным украшением каменных и староалейских женщин в VI–II вв. до н.э. По крайней мере, они встречаются в женских погребениях не реже, чем другие украшения. Бусы из могильника ЕКМ-I находят ближайшие аналогии в материалах могильников IV–III вв. до н.э. каменной культуры – Камень II, Рогозиха I; Новоалтайский могильник и др. и в материалах староалейской культуры [54, с. 111–112; 254, рис. 55а–33, 38, 45, 46, 47, 49; 256, рис. 6, 10]. В погребениях могильника ЕКМ-I найдено и несколько серег. Сохранилась только бронзовая проволочная восьмерковидная серьга с нижней маленькой петлей для крепления подвески (рис. 10–3). Это также типичное изделие для памятников V–III вв. до н.э. верхнего Приобья [254, с. 75–76].

Из насыпи кургана 1 происходит бронзовая бляха, щиток которой оформлен в зооморфной манере. Вероятно, эта бляха относится к украшениям конской упряжи или к предметам поясного набора. Ее щиток выполнен в форме «запятой» – имитации головы хищной птицы. На обратной стороне изделия имеется небольшая петля для подшивания (рис. 3–4). Полные аналогии подобному изделию нам неизвестны. Наиболее близкие по оформлению деревянные застежки конской упряжи происходят из II Башадарского кургана и датируются VI–V вв. до н.э. [286, рис. 129–4, 5, с. 252]. Похожа бляшка и из Минусинской котловины V–IV вв. до н.э. [365, с. 138–139, табл. 34, 12]. Трудно сказать, относилась ли бляха из ЕКМ-I к украшениям конской упряжи или входила в состав поясного набора. Так, близкие по форме изделия происходят из поясных наборов, обнаруженных в могильниках Обские Плесы II и Кумуртук [54, рис. 14–4; 167, табл. 30–10].

Из предметов быта найдено четыре железных ножа. Все они очень плохой сохранности (к. 2, м. 10; к. 7; к. 14, м. 2). Ножи небольших размеров, с прямой спинкой и невыделенной или слабо выделенной рукоятью (рис. 5–7; 10–2). Видимо, они являются имитациями более ранних бронзовых изделий. На это указывает и отверстие в рукояти ножа из к. 14 (рис. 10–2). Эти изделия типичны для памятников IV–III вв. до н.э. каменной культуры [254, с. 66–67].

Ничем не выделяются из общей массы каменных предметов IV–III вв. до н.э. и пряслица, обнаруженные в материалах ЕКМ-I. Их здесь обнаружено 10 экземпляров

(рис. 3-3; 4-3; 5-10; 8-6, 8; 9-5, 6; 10-16). Почти все они без орнамента, уплощенной дисковидной формы. В одном случае верхняя часть изделия орнаментирована ямочными вдавлениями м. 3 к. 1 — это характерно для более позднего периода (рис. 9-5) [254, рис. 53-12]. Довольно редка находка двух прямоугольных деревянных блюд из м. 10 к. 2, на которых лежали кости барана (рис. 5-21). В большинстве случаев подобные изделия не сохраняются. Скорее всего, большинство погребений каменной культуры, где обнаружены остатки мясной пищи, были снабжены подобной утварью. Кроме этого, еще два деревянных блюда происходят из могильников Камень II и Новотроицкое I [254, рис. 63, 2; 256, рис. 2, 1].

Типичен для памятников каменной культуры IV—III вв. до н.э. и керамический комплекс могильника. Здесь обнаружено 19 сосудов. Три из них баночные: два небольших размеров (рис. 7-5, 9) и один более крупный (рис. 9-9). Один из небольших сосудов орнаментирован рядом редких наклонных насечек. Банки подобных форм обычны для каменных памятников [254, рис. 28-12, 15, рис. 29-3; 334, табл. XLVII-1-7; XXXVIII и т.д.]. Найден один бочонковидный сосуд небольших размеров. Обращает на себя внимание оформление плоских сторон сосуда. По их краям прочерченными линиями образован небольшой уступ, напоминающий края деревянного бочонка. По-видимому, это одна из самых ранних находок подобных сосудов. Его можно датировать IV—III вв. до н.э. В.А. Могильников такие сосуды датирует III—II вв. до н.э. [254, с. 34-35].

Остальные 16 сосудов — кувшиновидной формы. Одиннадцать из них — миниатюрны — высотой до 10-12 см (рис. 3-7-9; 4-1-2; 5-15; 7-3, 6-8; 9-10), другие 5 — средних размеров (рис. 5-23; 6-1, 2; 7-4; 9-8; 10-18). Обращает на себя внимание значительное количество небольших сосудов. Они численно преобладают во всей серии, что определяет специфику керамического комплекса ЕКМ-I. Отмечена следующая особенность: если в погребении присутствуют два сосуда, то один из них обязательно небольших размеров. Вообще значительное количество сосудов небольших и миниатюрных размеров — особенность каменных памятников IV—III вв. до н.э.

Три сосуда кувшиновидной формы имеют по два отверстия для подвешивания (рис. 7-7, 8; 10-18) и один — налепные «ушки» (рис. 6-1). Орнаментированы четыре кувшиновидных сосуда. Три — несколькими рядами елочки по шейке и верхней части тулова

(рис. 3-8; 7-7, 8), сосуд с «ушками» орнаментирован рядом редких наклонных насечек (рис. 6-1). Все сосуды кувшиновидной формы обычны для каменных памятников IV—III вв. до н.э. Единственное исключение составляет сосуд, орнаментированный ногтевыми вдавлениями по краю венчика (рис. 10-18). В памятниках раннего железного века Барнаульского Приобья подобные изделия нам неизвестны.

Предметы культа представлены несколькими курильницами. В ЕКМ-I встречено пять таких экземпляров. Все они подпрямоугольной формы без ножек (рис. 3-5; 7-10; 8-7, 9; 10-17). Обращают на себя внимание их небольшие размеры и грубая обработка. Видимо, это изделия местного производства. Они типичны для памятников VI—III вв. до н.э. Верхнего Приобья [254, с. 88-89]. Следует отметить, что на одной из курильниц видны следы растирания красной краски — охры (к. 14, м. 2) (рис. 10-17). Это в данном случае говорит в пользу гипотезы, в которой подобные изделия интерпретируются как краскотерки. Это пока единственный отмеченный нами подобный случай в Барнаульском Приобье. В подавляющем большинстве на курильницах, обнаруженных как на поселениях, так и на могильниках, визуалью не фиксируется следов какого-либо использования. И наличие одного изделия, используемого как краскотерка, проблему не решает.

В целом большинство аналогий позволяет датировать ЕКМ-I IV—началом III вв. до н.э., но возможна и более поздняя дата — IV в. до н.э.

Набор инвентаря и его типы характерны для памятников каменной культуры. Сходство инвентаря, образующего единый комплекс, говорит о том, что, видимо, все исследованные курганы были сооружены в небольшой промежуток времени одной группой населения.

Судя по приведенным аналогиям, население, оставившее этот памятник, имело довольно тесные контакты с саками Семиречья. ЕКМ-I — памятник, где данные взаимосвязи проявились довольно отчетливо. Особенно это касается таких специфических предметов, как костыльки. Вряд ли они являлись предметом импорта. Их находка говорит скорее в пользу гипотезы о непосредственном проникновении саков из Средней Азии и Казахстана в верхнее Приобье.

По особенностям погребального обряда и инвентаря ЕКМ-I обнаруживает наибольшее сходство с могильниками, расположенными в непосредственной близости. Это Рогозиха I,

Камень II, Казенная Займка, Гоньба II и т.д. Все они датируются IV–III вв. до н.э.

Выше по течению р. Обь в окрестностях с. Елунино расположено еще несколько курганных могильников, относящихся к раннему железному веку. Это одиночный курган Телеутский Взвоз II и Елунинский курганный могильник II.

Здесь следует отметить, что памятники в этом районе были обследованы в 1956 г. А.П. Уманским. Здесь им было открыто шесть курганных могильников Телеутская I–VI [344, с. 8–10].

Работавший здесь в конце 70-х гг. Ю.Ф. Кирюшин, а затем в 90-е гг. А.А. Казаков посчитали необходимым дать новые названия исследуемым ими памятникам. Так как деревня Телеутская, к дорогам в которую были сделаны все привязки А.П. Уманским, ко времени их работ прекратила свое существование, стало невозможно с полной достоверностью соотнести те или иные курганные группы с памятниками, выявленными А.П. Уманским. По всей видимости, могильник Телеутский Взвоз I – это, по мнению А.П. Уманского, Телеутская IV; одиночный курган Телеутский Взвоз II – Телеутская VI; Елунинский курганный могильник II – Телеутская III. Точно идентифицирован лишь один могильник Телеутская V. Не обнаружены могильники Телеутская I и II.

Все обследованные в этом районе курганы расположены на краю высокой обрывистой террасы левого берега р. Обь. Это одна из самых высоких точек в данном районе. К востоку, югу и западу местность постепенно понижается.

Одиночный курган Телеутский Взвоз II

Памятник зафиксирован Ю.Ф. Кирюшиным под названием Елунинский курганный могильник III. Курган расположен в 3,5 км к юго-востоку от с. Елунино. Раскопки здесь проводились в 1993 г. под руководством А.А. Казакова [121, с. 8–11; 124, с. 182]. Курган имел диаметр 25 м и высоту около 0,3 м. Под насыпью было обнаружено одно погребение, которое окружал кольцевой ровик шириной 0,7–1,5 м. Его размеры по внешнему контуру с севера на юг составили 21,5 м и с запада на восток – 24,5 м. Глубина ровика – 1,3–1,8 м от дневной поверхности. В разрезе он, как правило, имел трапециевидную форму, незначительно сужаясь по кругу. В заполнении ровика были встречены фрагменты керамики, относящиеся к ранне-

му железному веку, и кости крупного рогатого скота и лошади.

Захоронение, находящееся в центре кургана, было ограблено, вероятно, не один раз. В ходе работ зафиксировано несколько контуров грабительских раскопов.

На уровне материка размеры могильной ямы составляли 4,78×3,2 м, она имела в плане овальную форму и была ориентирована по линии северо-запад-запад-юго-восток-восток. С глубины 3,9 м яма приобрела прямоугольные очертания. Ее ширина составляла 1,2 м и 4,5 м от дневной поверхности. Погребение было полностью разграблено. В заполнении ямы встречены мелкие угольки и фрагменты дерева. Вероятно, от разрушенного грабителями перекрытия. Кроме них обнаружены мелкие фрагменты керамики, как минимум, от двух сосудов и разрозненные обломки костей человека и лошади. Также найдены три мелких обломка от железных предметов.

Елунинский курганный могильник II (ЕКМ II)

Расположен в 4,5 км к северо-востоку от с. Елунино. Могильник в своем составе насчитывал 14 курганов, разбросанных без особого порядка на протяжении 1 км вдоль берега р. Обь. Прослеживается одна цепочка из крупных курганов (1, 3, 4, 13), ориентированная по линии северо-северо-восток–юго-юго-запад. По величине выделяется две группы курганов: курганы крупных размеров от 29 до 40 м и высотой от 0,4 до 2 м (1, 3, 4, 6, 8, 10, 11, 13) и – небольших размеров, диаметром от 10 до 18 м и высотой 0,4–0,5 м (2, 5, 7, 9, 12, 14). Курган № 1 был раскопан Ю.Ф. Кирюшиным в 1978 г., курганы 2, 5 и 8 – А.А. Казаковым в 1992–1993 гг. [139; 124, с. 179–182; 121, с. 12–21; 129, с. 182–188].

Курган № 1. Диаметр насыпи 29 м, высота 2 м. Прослежена западина от грабительского раскопа. В центре кургана обнаружено единственное погребение. Могильная яма имела прямоугольные очертания и размеры 4×2 м. Пятно ориентировано по линии восток–запад. В погребении зафиксировано сильно обожженное деревянное перекрытие. Оно состояло из восьми рядов бревен, уложенных вдоль погребения, продольного ряда толстых плах и нижнего поперечного ряда бревен. Причем бревна в верхнем накате были уложены следующим образом: первый ряд – сосна, второй ряд – кедр, затем – пихта, опять сосна, кедр, пихта, седьмой ряд – сосна и восьмой – кедр. Перекрытие опира-

лось на бревенчатый сруб в три венца. Его размеры 1,9×4 м. Сруб был толщиной в два бревна. Внутри него с торцовых сторон были сооружены пирамиды из бревен. С восточной стороны пирамида состояла из трех слоев (уровней). В нижнем находилось три бревна, в следующем — два и в верхнем — одно. С западной стороны пирамида состояла из трех бревен — два внизу и одно сверху. Погребальная камера имела ширину 1,10–0,8 м, длину 2–1,8 м и высоту 1,2 м. Дно камеры было выстелено широкими плахами (толщина около 0,05 м), лежащими поперек захоронения. Ближе к восточному краю могилы находился грабительский лаз, разрушивший северо-восточную стенку сруба. Погребение было полностью ограблено. Дно зафиксировано на глубине около 4 м от дневной поверхности. Здесь встречены отдельные кости человека. У восточной стенки сруба найдена золотая серьга с фигурными подвесками (рис. 11–1).

Курган № 8. Находился в центральной части могильника, его диаметр 40 м, высота 1,45 м. Здесь обнаружено одно погребение, располагавшееся по центру кургана. Оно было окружено кольцевым ровиком диаметром 37–39 м и шириной 2–2,5 м. Он имел трапециевидную, в разрезе, форму и глубину 1–1,5 м (здесь и далее все глубины даны от дневной поверхности), в заполнении ровика встречены кости лошади и фрагменты керамики, орнаментированные наколами и насечками. Могильное пятно имело подпрямоугольную форму. Его размеры по уровню материка 5×4,2 м. Яма ориентирована длинной осью по линии запад–восток.

На глубине 3,5 м зафиксированы заплечики, на которые опиралось первое деревянное перекрытие. Ширина уступов равна у южной стенки 1,4 м, у западной — 0,5 м, у северной — 0,8 м. У восточной уступа не обнаружено. Это перекрытие состояло из трех слоев продольно уложенных бревен. На глубине 4,9 м зафиксированы еще одни заплечики по торцам могильной ямы. На них опиралось второе перекрытие — пять продольных слоев бревен. Шестой слой перекрытия из лежащих поперек захоронения бревен опирался на раму из брусьев высотой 0,25–0,3 м и шириной 0,16–0,2 м. Дно погребальной камеры устлано поперечно уложенными досками толщиной 0,04–0,05 м. Все деревянные конструкции были сильно обожжены.

Могила полностью ограблена, на дне найден неорнаментированный фрагмент керамики и разрозненные кости человека.

Курган № 2. Насыпь была снесена в ходе строительства автодороги. Ее диаметр, вероятно, составлял около 15 м, высота — 0,3–0,5 м. Обнаружено одно погребение, находящееся скорее всего по центру кургана. Размеры могильного пятна 1,9×0,85 м. Погребальную камеру перекрывали два ряда березовых бревен, лежащих продольно, и ряд досок, уложенных поперек захоронения. Перекрытие опиралось на раму из досок шириной 8–10 м, которая в свою очередь опиралась на уступы, сделанные с торцовых сторон погребальной камеры. Их размеры — 0,07–0,08 и 0,1–0,2 м. Дно погребения зафиксировано на уровне 0,8 м от дневной поверхности. Размеры захоронения составляли 1,63×0,5 м. В могиле лежал, вытянуто на спине головой на запад костяк женщины. В головах и в ногах погребенной находились два сосуда (рис. 11–3, 4). В головах также обнаружены кости от курдючной части барана, на дне могилы зафиксирована меловая подсыпка.

Курган № 5. Насыпь уничтожена во время строительства автодороги. Его приблизительный диаметр 10–15 м.

Здесь было обнаружено три захоронения. Они располагались в ряд по линии север–юг. Расстояние между крайними и центральным погребениями составляло 4 и 3,5 м.

Могила 1. Яма подпрямоугольной формы с закругленными углами. Ее размеры 2,3×1,1 м. Зафиксировано деревянное перекрытие. Три верхних слоя состояли из трех–четырёх березовых бревен, уложенных поперек погребения. Их диаметр от 0,1 до 0,4 м. Верхний накат обожжен. Четвертый слой состоял из досок толщиной 0,4–0,5 м, уложенных поперек захоронения. На глубине 1,35 м от дневной поверхности прослежены заплечики. Их ширина в восточной и западной частях 0,15 и 0,2 м, в северной — 0,3 м, в южной — 0,05–0,07 м. По дну могила имела размеры 1,7×0,6 м. На дне захоронения (1,6 м от современной дневной поверхности) вытянуто на спине головой на запад лежал костяк женщины. В изголовье и ногах погребенной стояли керамические сосуды (рис. 11–2, 5). Возле колен обнаружен кусок ожелезненной породы и костяная подвеска (рис. 11–9, 5). По дну погребения зафиксирована меловая подсыпка.

Могила 2. Пятно прямоугольной формы, размеры 1,1×0,45 м. Перекрытие состояло из трех продольно уложенных бревен. Они опирались на две доски толщиной до 0,05 м, стоящие у торцов могилы. На дне, на глубине 5,5 м обнаружены берцовые кости ребен-

ка. Судя по их расположению, он лежал головой на запад.

Могилы 3. Центральная. Имела подовальную форму. Ее размеры 2,65×1,65 м. Так как могила была ограблена в древности, конструкцию перекрытия проследить не удалось. Видимо, оно состояло из слоя продольно и слоя поперечно уложенных плах толщиной до 0,09 м. На дне могилы, на глубине 2,16 м обнаружены разрозненные кости человеческого скелета. Видимо, он был погребен головой на запад. Вещей нет.

Как отмечалось выше, курганы ЕКМ II разделяются на две группы. Все погребения в крупных курганах ограблены полностью. Единственной интересной находкой из больших курганов ЕКМ II является золотая серьга (рис. 11-1). К кольцу в полтора оборота, вдевающемуся в мочку уха, приварена целая композиция из вырезанных и спаянных между собой символических фигур. Верхняя, соединенная петлей с уплощенным кольцом, является стилизованным образом скифского звериного стиля — головой хищной птицы, оформленной в виде «запятой». Следующим прикреплен солярный знак — диск с четырьмя припаянными петельками (верхняя и нижняя — звенья основной конструкции серьги, а боковые, видимо, содержали утерянные мелкие детали). Завершает композицию серьги овально-«семечковидная» подвеска из трех спаянных частей, образующих своеобразные «лопасти». Кончик подвески украшен четырьмя шариками зерни, а также несет следы починки в виде нескольких аккуратных заплаток из золотой фольги (рис. 11-1) [158, с. 8].

Полных аналогий подобная серьга не имеет. Наиболее близкой является концевая, «четырёхлопастная», семечковидная подвеска серьги из могильника Малый Гоньбинский Кордон I, 1. Она датируется VI в. до н.э. [158, с. 8, рис. 1,1]. Подвески подобного типа известны у савроматов в V в. до н.э. [299, рис. 32-12, 1д; 71-10, с. 142]. Сходную конструкцию имеют более крупные деревянные подвески к конской упряжи из первого Туэктинского кургана. Вполне возможно, что они являются имитацией изделий, подобных серьге из ЕКМ II. Так, пирамида из выточенных из дерева шариков на концах этих подвесок, возможно, имитирует зернь. Эти подвески датируются в пределах VI-V вв. до н.э. [286, рис. 125-м, н, о, табл. LXXVI-1-4; 240, табл. 1, с. 30, 31]. Видимо, близка к ним подвеска из Тувы. Она имеет «семечковидную» форму, конец ее украшен пирамидкой из зерни. Судя по сопровождающему инвентарю, ее можно дати-

ровать VII-VI вв. до н.э. [282, рис. 6,6]. Шумящие привески конусовидной формы, украшенные на концах зернью, известны и на серьгах из Причерноморья V-IV вв. до н.э. Сходные по конструкции серьги происходят из могильника Юстыд II к. 4. Здесь к центральной дисковидной подвеске прикреплены по три семечковидных привески. Эти серьги датируются V-IV вв. до н.э. [179, табл. XXI-12, 13]. Из Юстыда происходят аналогии к подвеске в виде запятой [179, XLVII-15]. Также золотые серьги с длинными подвесками из соединенных колечек различной формы обнаружены в могильнике Кер-Кечу. В.А. Могильников датировал их VI-V вв. до н.э. [250]. Похожие изделия найдены П.И. Шульгой в могильнике V-IV вв. до н.э. Локоть 4а.

Таким образом, как видно из приведенных аналогий, серьгу из ЕКМ II следует датировать в пределах VI-V вв. до н.э. Наибольшее количество аналогий происходит из крупных богатых курганов Тувы и Горного Алтая. Следует отметить, что находки серег с подобными подвесками единичны для всех этих районов. Предложенной датировке не противоречит и радиоуглеродная дата кургана № 1 ЕКМ II — 560±25 до н.э. [272, с. 203].

Обращает на себя внимание сам факт существования в Елунинском микрорайоне отдельного могильника с крупными курганами (25-40 м в диаметре). В Барнаульском Приобье подобных памятников отмечено немного. Раскопки проводились на трех курганных могильниках Шелаболиха 3, Кучук I и Гоньба II [377, с. 72; 376, с. 53]. Кроме размеров насыпи эти могильники объединяет и сходный способ устройства погребений в кургане. Одиночная могила в этих памятниках обычно располагалась по центру курганной насыпи. В большинстве случаев погребение довольно крупных размеров, глубина от 2 до 5 м от материка. Обычно захоронение окружает широкий и глубокий кольцевой ровик без разрывов. Возможно, к этой группе курганных могильников можно отнести и глубокие погребения на МГК I,3 [211, с. 95-97]. Близки к ним и некоторые курганы из могильника Михайловский VI, в Кулунде [373, с. 60-69]. Все эти курганные могильники датируются в пределах VI-IV вв. до н.э. А.Б. Шамшин считает, что именно для погребального обряда населения Барнаульского Приобья в VI-V вв. до н.э. характерны одиночные глубокие, колодцеобразные захоронения под курганами. Подобные памятники он рассматривает как более ранние, предшествующие памятникам «каменского типа (культуры), для которых харак-

терно кольцевое расположение могил вокруг центральной и более поздний инвентарь» [377, с. 72].

Следует еще раз отметить, что все раскопанные на левобережье Оби курганные могильники VI–V вв. до н.э. состоят из очень крупных курганов. Создание подобных погребальных сооружений требовало больших трудозатрат, и не для каждого рядового члена общества можно было возвести подобный курган. Практически все известные рядовые погребения этого периода расположены на правобережье Оби. Это курганные могильники: Ордынское I, Новый Шарп II и грунтовые могильники староалейской культуры. Подобную ситуацию довольно трудно объяснить. Возможно, мы пока не нашли рядовые погребения VI–V вв. до н.э. на левобережье, но также можно предположить, что вышеописанные крупные курганы оставлены какой-то обособленной этнической группировкой, господствовавшей над этой территорией в VI–V вв. до н.э. и подчинившей остальное население. Эта группа может в этнокультурном плане сильно отличаться от рядовых членов общества. Подобные случаи известны для более позднего времени, например, кыргызы в Хакасии [217, с. 52–53]. Близкая картина наблюдается в скифское время в Горном Алтае, где погребальный обряд знати довольно сильно отличается от обряда погребения рядового населения. Возможно, наличие в Верхнем Приобье в VI–V вв. до н.э. нескольких групп разнородных памятников отражает довольно сложные этнокультурные процессы интеграции различных этнических образований в одно целое. К IV–III вв. до н.э. по археологическим материалам прослеживается нивелировка большинства черт культуры населения Верхнего Приобья. Особенно ярко это проявляется в материалах староалейской культуры, которая к IV–III вв. до н.э. утрачивает свои самобытные черты. Не исключено, что начиная с IV–III вв. до н.э., все памятники в Барнаульском Приобье следует рассматривать в рамках одной, каменской, культуры.

До конца неясна ситуация с группой небольших курганов из ЕКМ II. Ни погребальный обряд, ни инвентарь не позволяют отнести эти погребения к VI–V вв. до н.э., хотя это было бы логично, так как они образуют единую группу с крупными курганами.

Здесь найдено четыре сосуда: три баночных и один кувшиновидной формы (рис. 11–2–4, 6). Все они характерны для каменных памятников IV–III вв. до н.э. Интересен баночный сосуд из кургана № 2 – это закрытая банка, орнаментированная по краю венчика двумя рядами наколов и тремя спускающимися вниз широкими поясками, каждый из которых образован тремя рядами наколов. Пространство между рядами заполнено прорезанными линиями (рис. 11–6–8). Подобная орнаментация на сосудах раннего железа нами встречена впервые. Из других предметов, обнаруженных в курганах № 2 и № 5, представляет интерес только одна костяная пронизь с утолщениями-уступами на концах и круглым поперечным отверстием из кургана № 2 (рис. 11–5). Близкие по форме изделия найдены в могильниках каменской культуры IV–III вв. до н.э. – Андроново-I и Леонтьевка [25, табл. V–II, с. 92; 257, рис. 2, 3, с. 130]. II–I вв. до н.э. датируются аналогичные предметы из Горного Алтая и Приишимья [242, рис. 30–25, с. 3; 353, рис. 3, 3, с. 60]. Наибольшие черты сходства эта группа небольших курганов обнаруживает с могильниками каменской культуры IV–III вв. до н.э. (ЕКМ I, Рогозиха I, Камень II и т.д.). Не исключено, что малые курганы были сооружены несколько позднее, чем крупные в IV–III вв. до н.э.

В заключение следует отметить, что памятники Елунинского микрорайона (прежде всего могильники) входят в группу курганных могильников каменской культуры, расположенных к северу от Барнаула. В материалах памятников наблюдается наиболее близкое сходство по сравнению с другими могильниками этой культуры. В них ярко и в наиболее «чистом» виде проявились черты каменской культуры. Это – могильники Андроново I, Камень II, Быково I; Рогозиха I, Гоньба I, Казенная Займка, Кучук I, Шелаболиха 3 и др.

Материалы Елунинских памятников эпохи раннего железа отражают два этапа существования каменской культуры VI–V вв. до н.э. и IV–III вв. до н.э. Первый этап – период формирования культуры (интеграция различных культурных компонентов), а второй – время расцвета (стабилизация) каменской культуры.

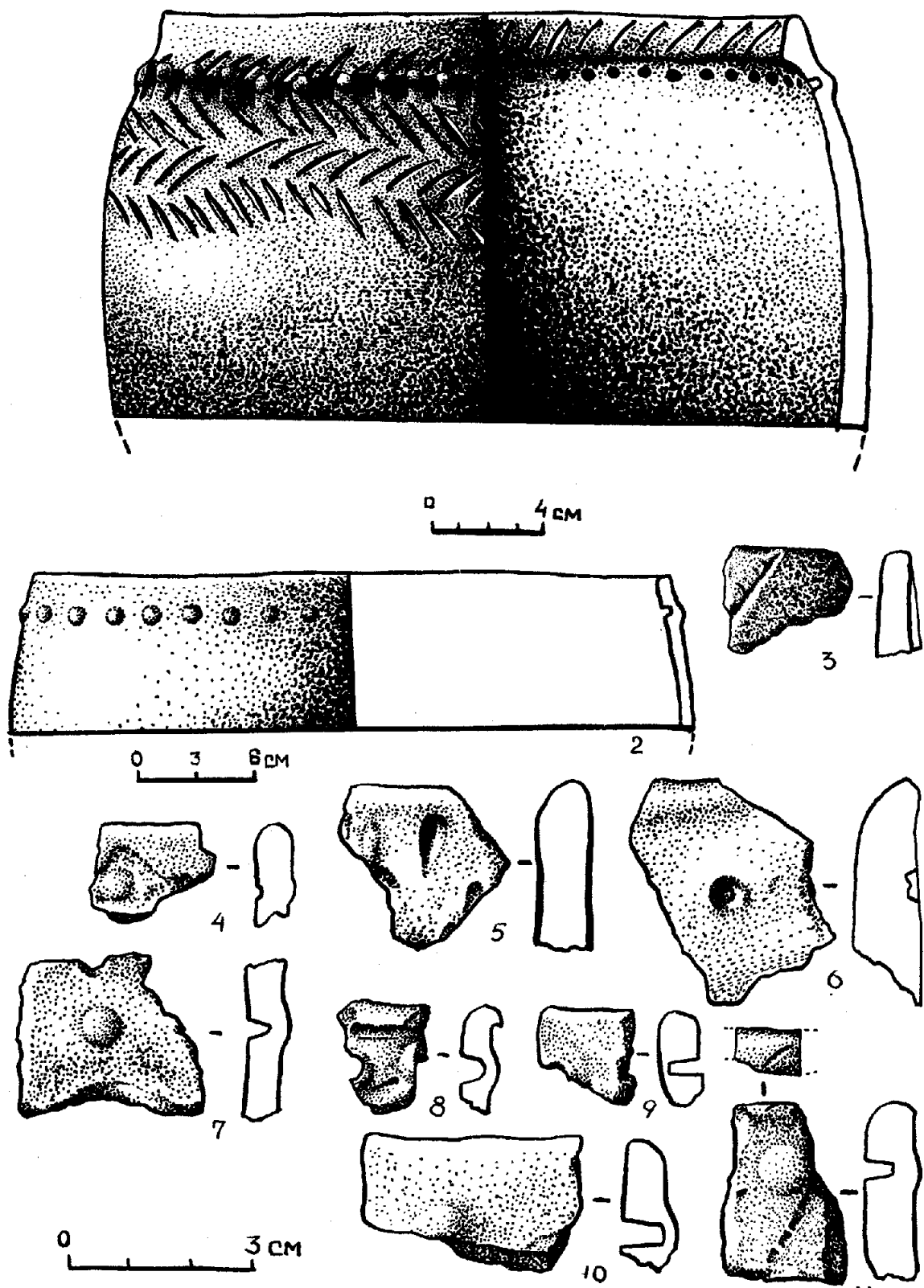

Рис. 1. Керамика с поселений Елунино I-IV (1,3-11) и Елунинского Культурного Места (2)

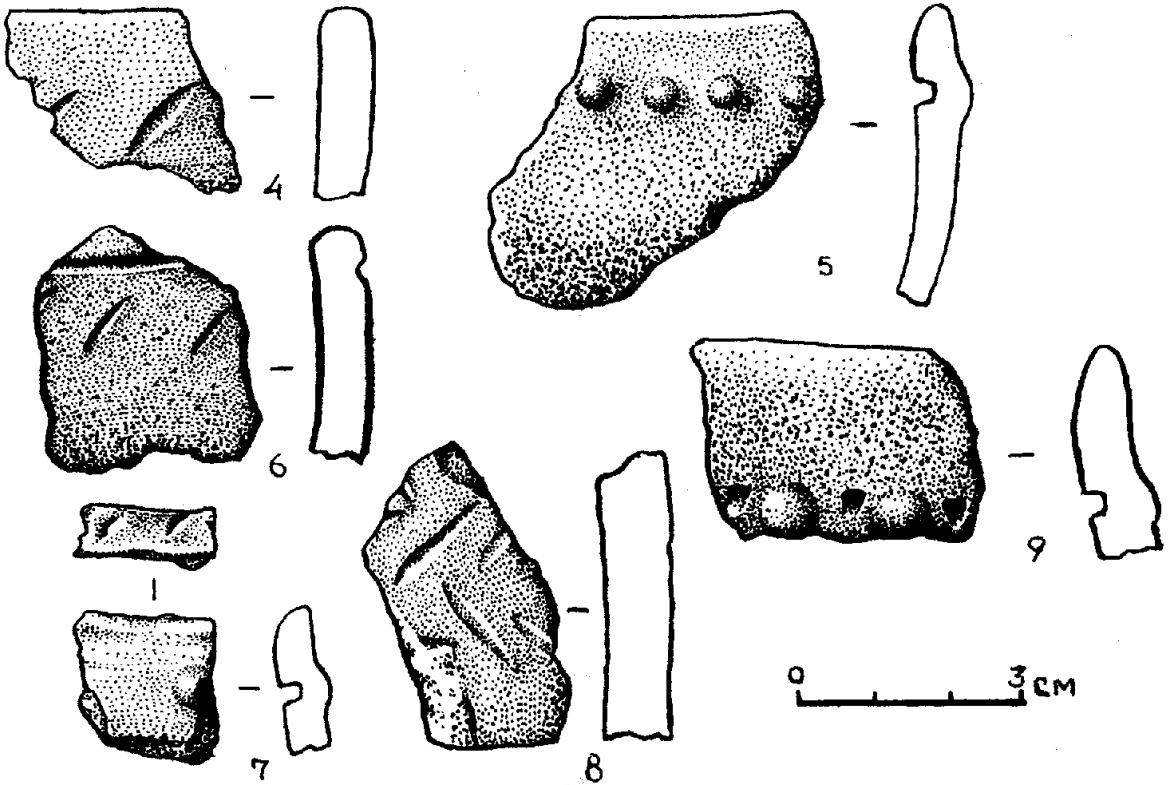
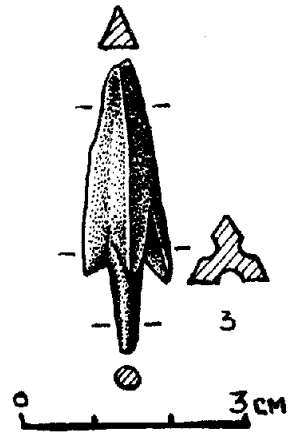
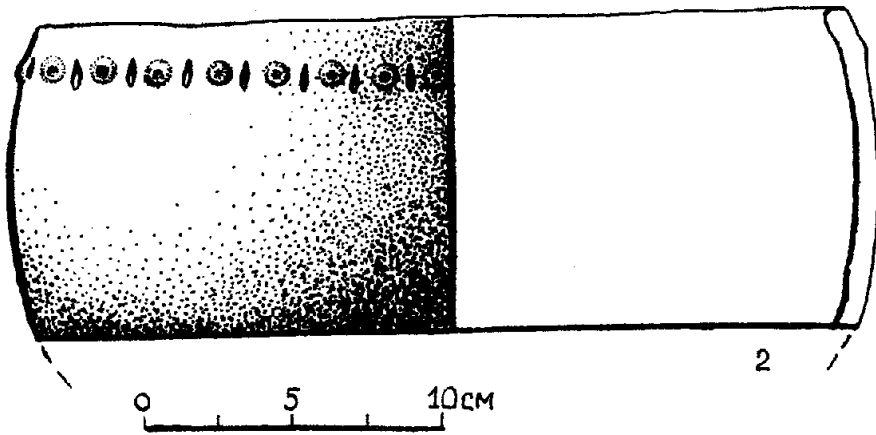
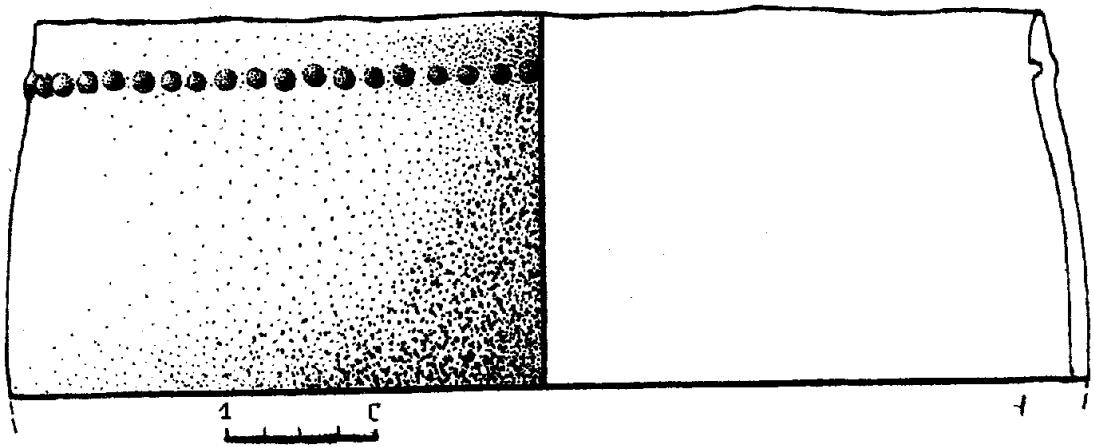

Рис. 2. Находки с площади могильника Телеутский Взвоз-I.
1,2,4-9 — керамика; 3 — бронза

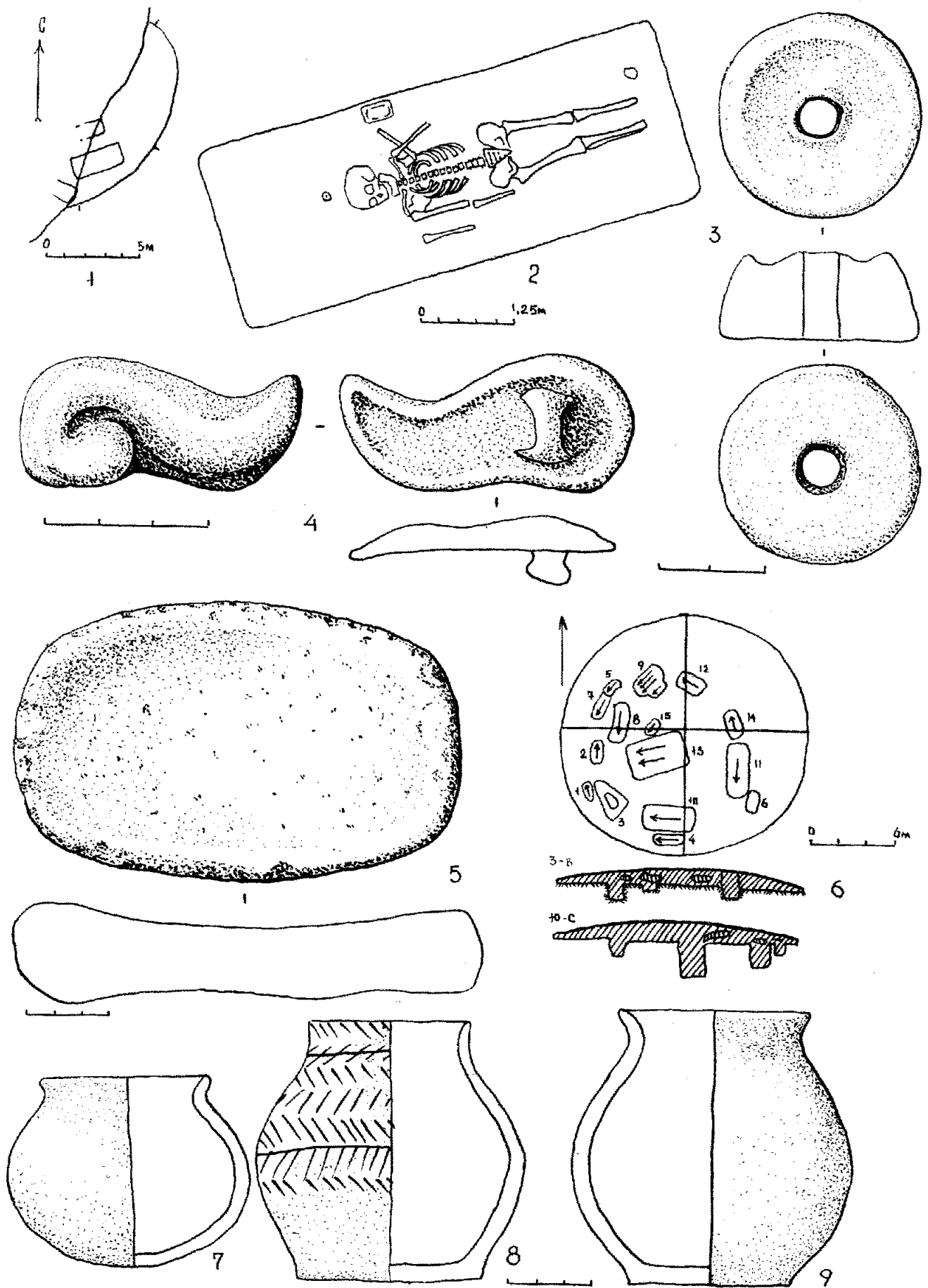

Рис. 3. Елуинский курганный могильник I.

1 — к. 1; 2 — к. 1, м. 3; 3 — к. 2, м. 8; 4 — к. 1 (насыпь);

5 — к. 1, м. 3; 6 — к. 2; 7 — к. 2, м. 3; 8 — к. 2, м. 6;

9 — к. 2, м. 13 3,7-9 — керамика; 4 — бронза; 5 — камень

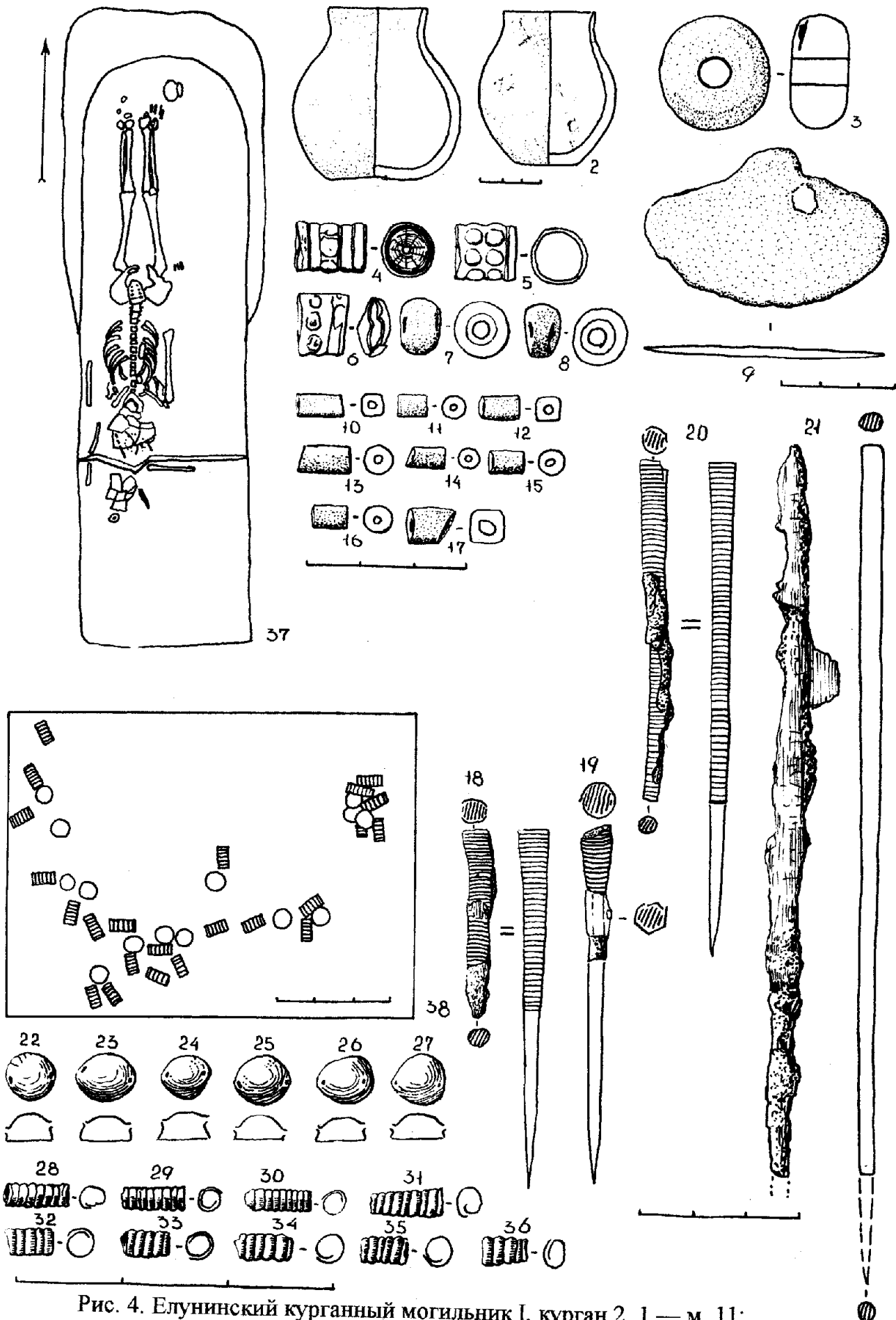

Рис. 4. Елуинский курганный могильник I, курган 2. 1 — м. 11; 2 — м. 7; 3-36 — м. 11; 37 — м. 11, план погребения; 38 — м. 11, размещение золотых изделий в районе черепа. 1-3 — керамика; 5-6, 22-36 — золото; 4 — золото, дерево; 9 — бронза, позолота; 10-17 — паста; 18-21 — золото, железо

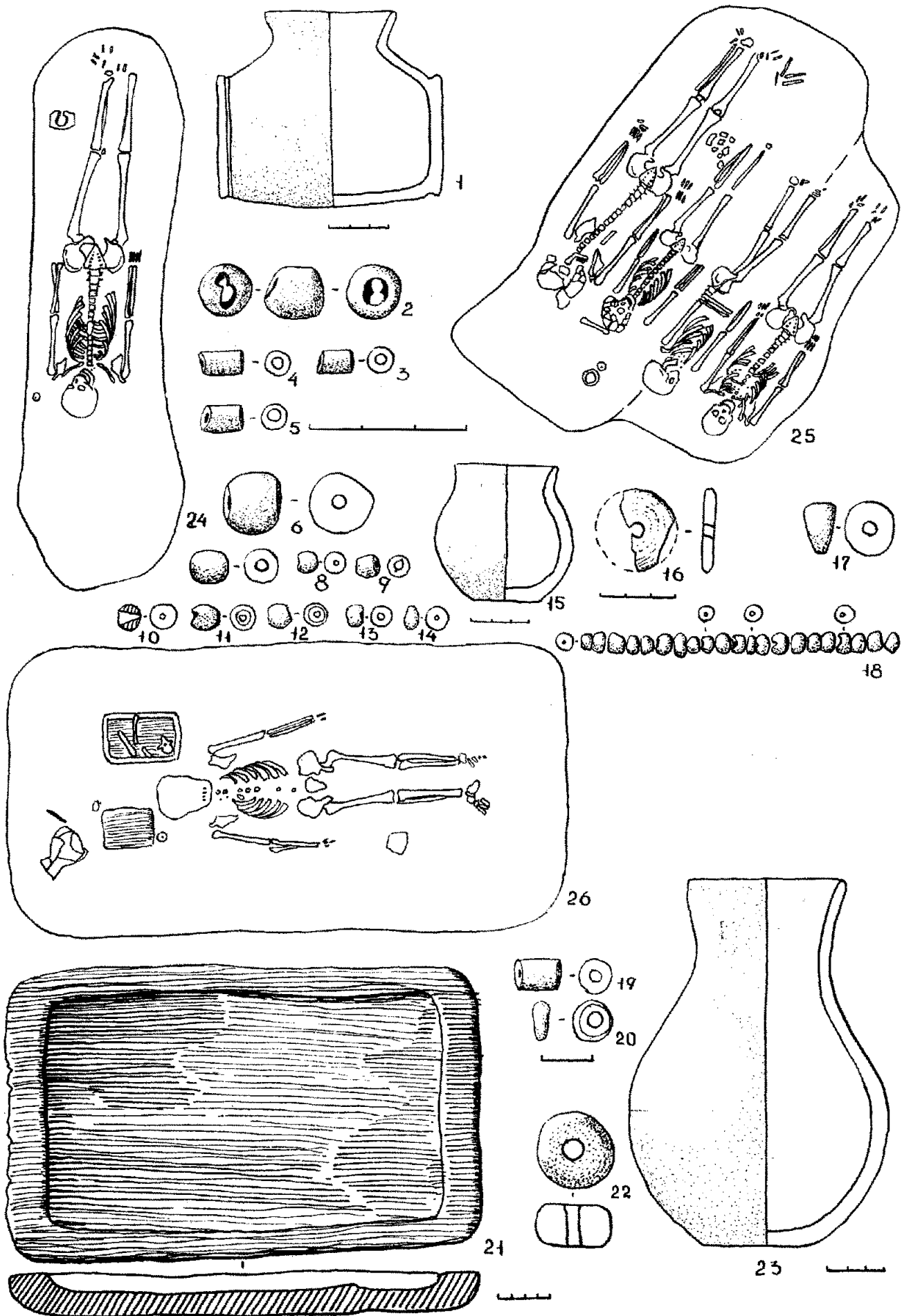

Рис. 5. Елуинский курганный могильник I. Курган 2. 1-5 — м. 8; 6-14 — кост. 1, м. 9; 15, 16, 18 — кост. 3, м. 9; 17 — кост. 5, м. 9; 19-23 — м. 10; 24 — м. 8; 25 — м. 9; 26 — м. 10. 1, 15, 22, 23 — керамика; 24, 17, 19, 20 — паста; 16 — камень; 21 — дерево

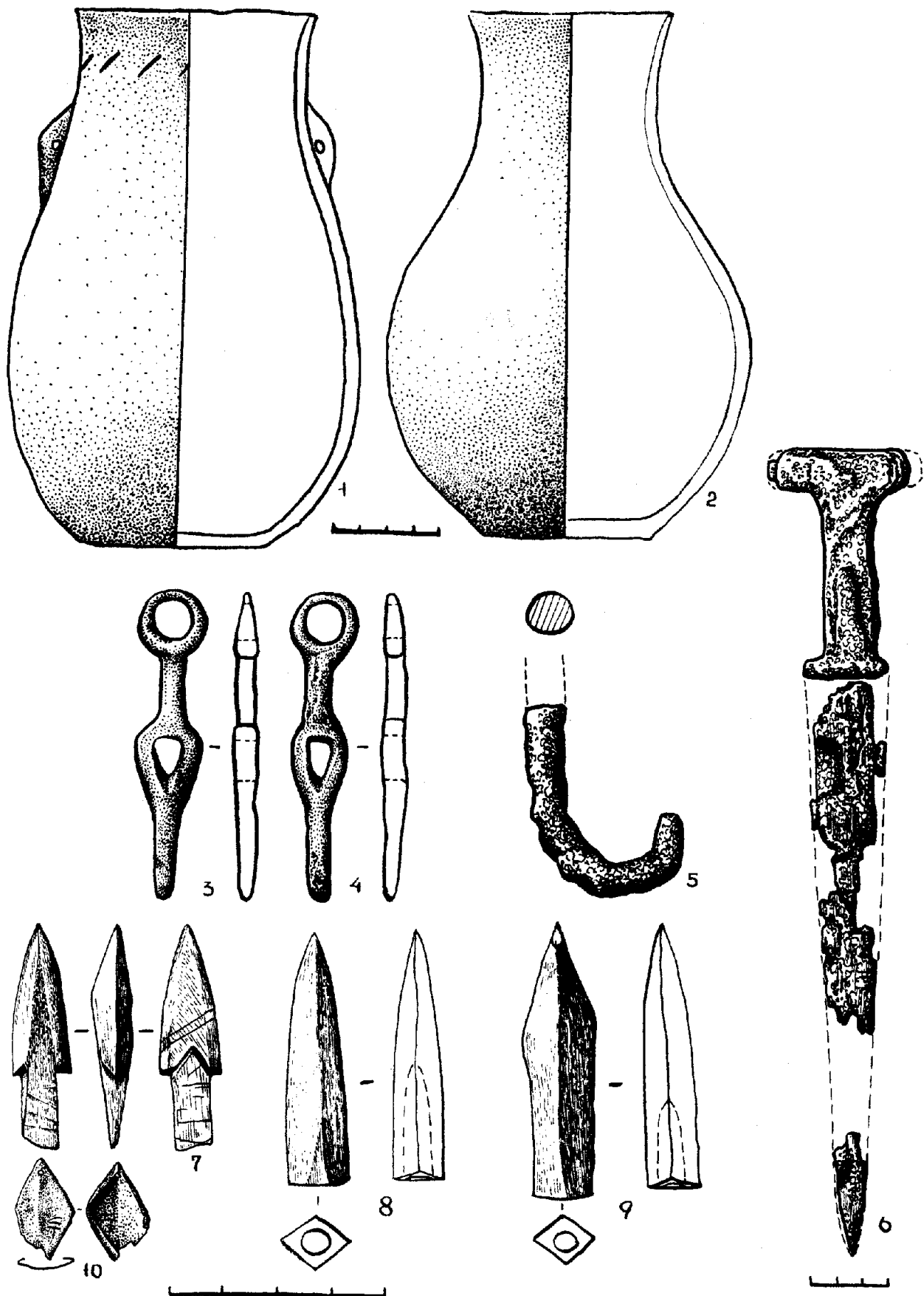

Рис. 6. Елуинский курганный могильник I. 1 — к. 2, м. 11; 2 — к. 14, м. 2; 3–7, 10 — к. 3; 8, 9 — к. 2, м. 13. 1, 2 — керамика; 3, 4 — бронза; 5, 6 — бронза; 7–9 — кость; 10 — золото.

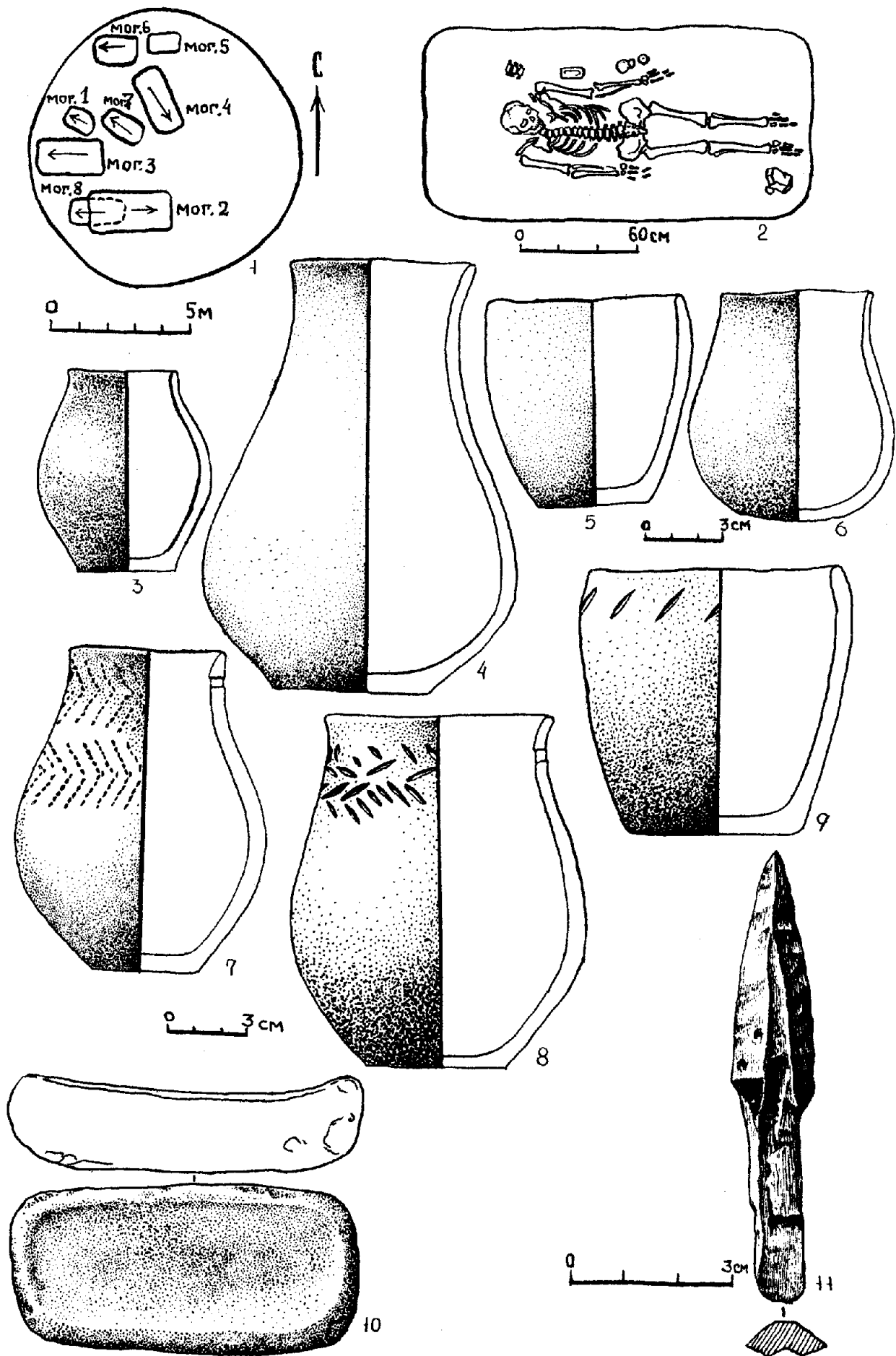

Рис. 7. Елунинский курганный могильник I. Курган 5.

1 — к. 5; 2 — м. 8, 3, 4, 10 — м. 8; 5, 6 — м. 2; 7 — м. 1;
 8 — м. 5; 9 — м. 6; 11 — м. 3. 3-9 — керамика;
 10 — камень; 11 — кость

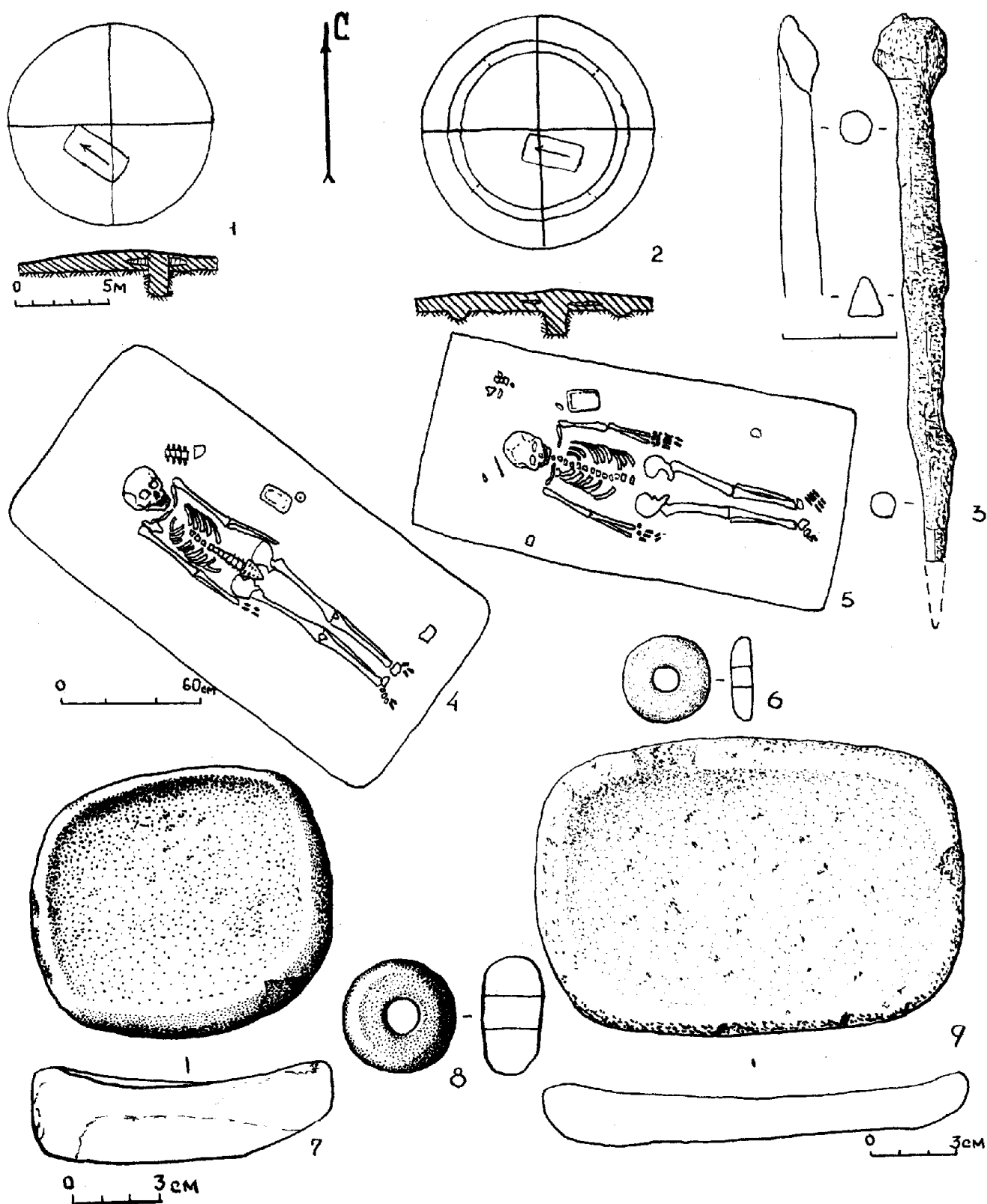

Рис. 8. Елунинский курганный могильник I. Курганы 4,7.

- 1 — к. 4; 2 — к. 7; 3 — к. 7; 4 — к. 4, могила;
 5 — к. 7, могила; 6 — к. 5, м. 8; 7 — к. 4; 8 — к. 4;
 9 — к. 7. 3 — железо; 6,8 — керамика; 7,9 — камень

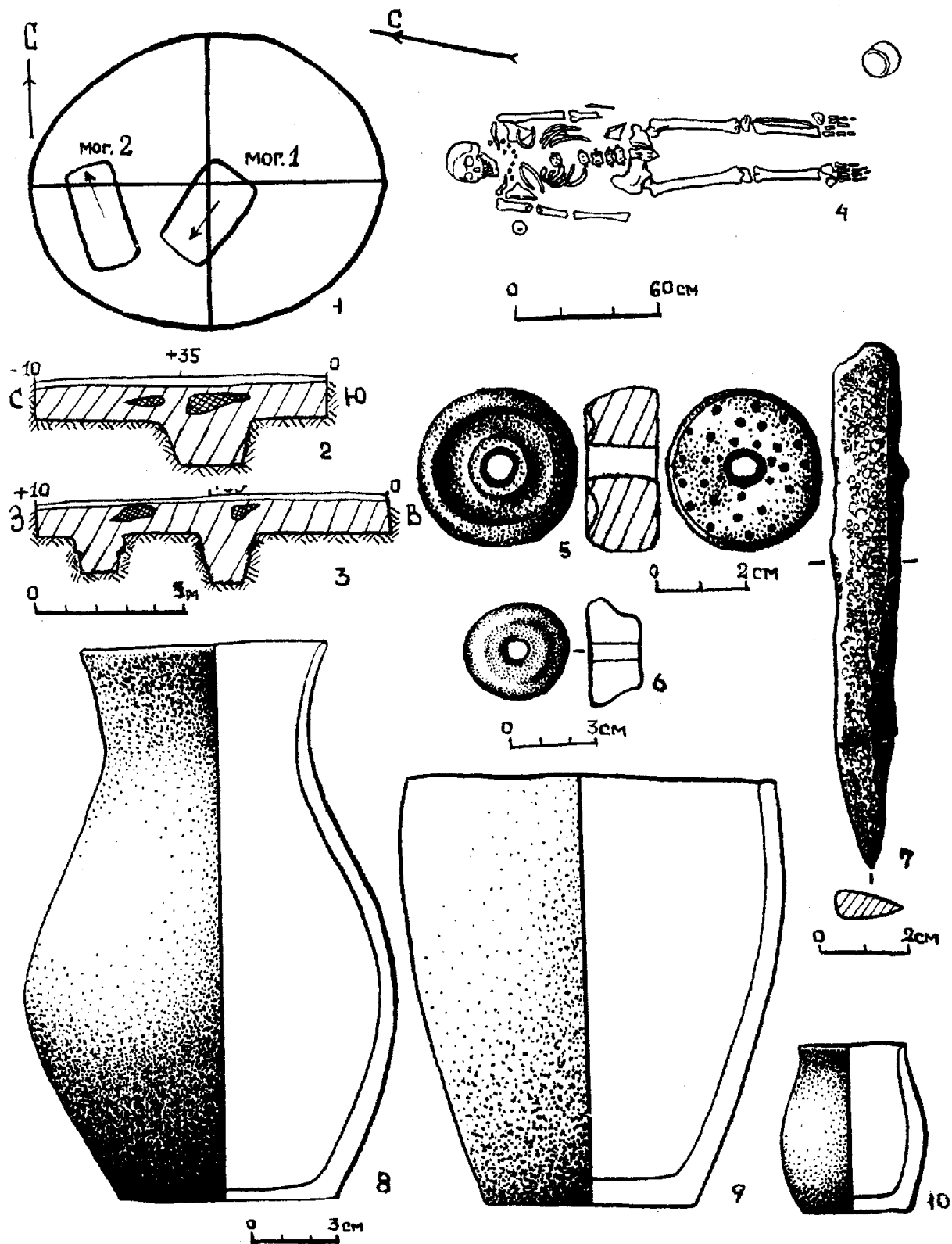

Рис. 9. Елуинский курганный могильник I. 1-3 — к. 6;
 4 — к. 6, м. 2; 5 — к. 1, м. 3; 6, 9 — к. 6, м. 2.
 5, 6, 8-10 — керамика; 7 — железо

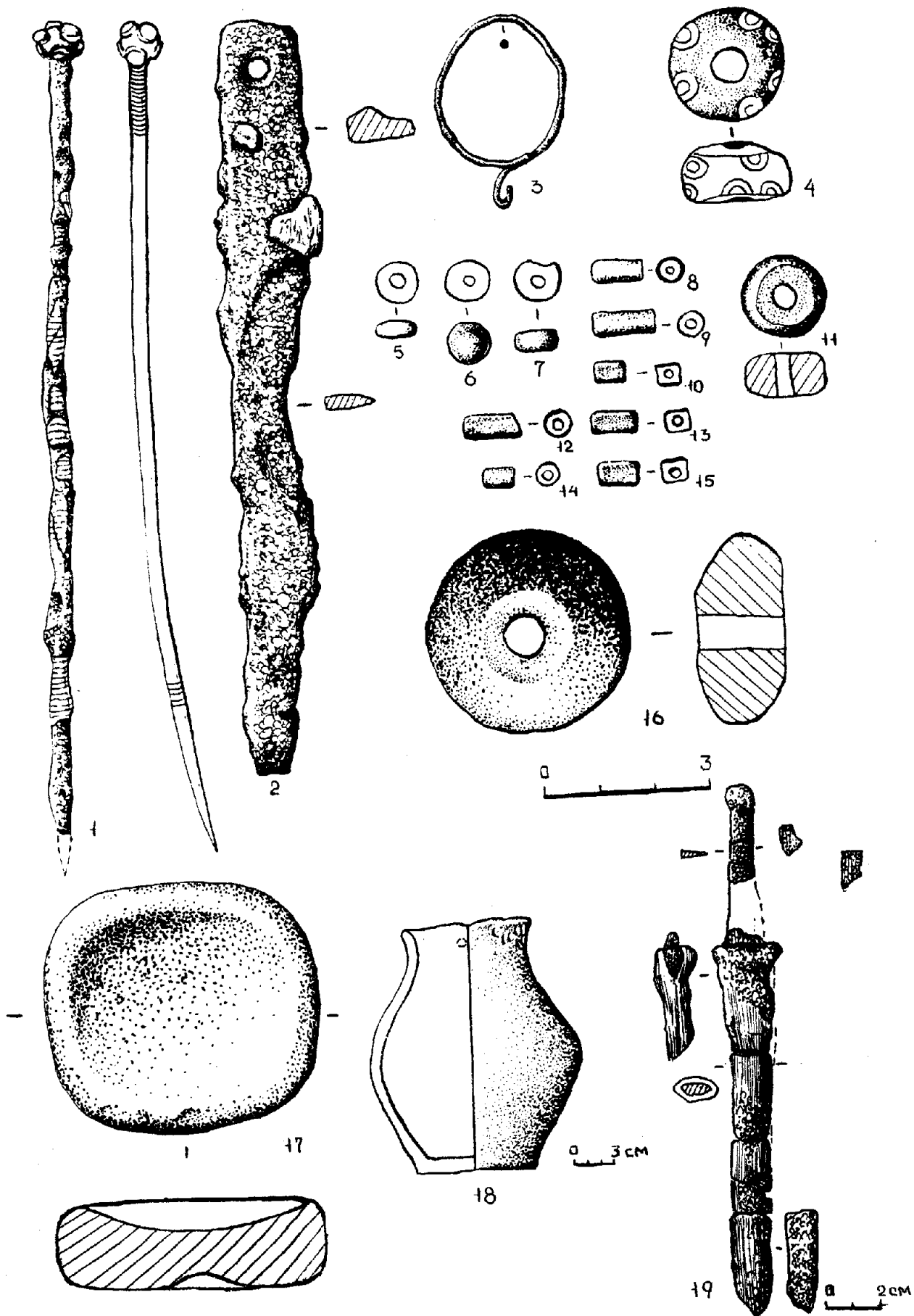

Рис. 10. Елунинский курганный могильник I. 1, 2, 5-10, 12-15, 17 — к. 14, м. 2; 11, 19 — к. 18; 16 — м. 13, к. 2. 1 — золото, железо; 2 — железо; 3 — бронза; 4-15 — глина; 16, 18 — керамика; 17 — камень; 19 — железо, дерево

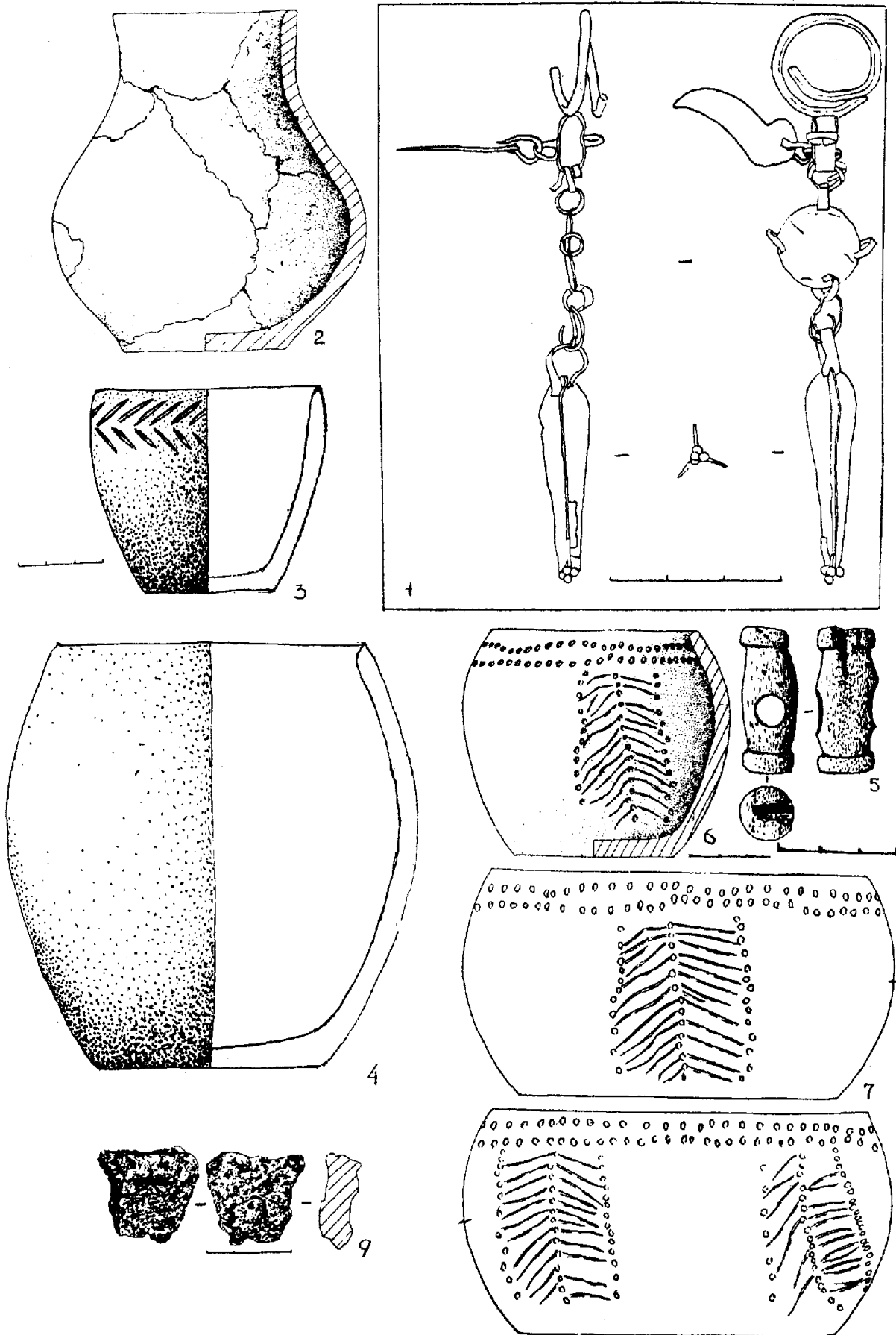

Рис. 11. Елунинский курганный могильник II.

1 — к. 1; 2, 5, 6, 9 — к. 5, м. 1; 7, 8 — развертка сосуда — к. 5, м. 1; 3-4 — к. 2; 1 — золото; 2-4, 6 — керамика; 5 — кость; 9 — железо

К вопросу о терминологии и типологии керамики раннего железного века Горного Алтая

Керамика — один из наиболее важных и достоверных источников информации о населении, ее изготовившем. Применительно к эпохе раннего железа Горного Алтая эта категория находок наименее изучена. В настоящее время накоплен значительный материал из погребальных и поселенческих комплексов. Исследование керамики становится одной из важных задач, но оно невозможно без решения проблем терминологии и типологии.

Типология керамики раннего железного века Горного Алтая и его северных предгорий наиболее полно разработана А.С. Суразаковым. Исследовав сосуды из погребальных комплексов, он выделил горшки, кувшины, миски, плошки, кружки, корчаги, сосуды баночного типа и т.д. В целом термины горшок, кувшин, кринка, горшковидный, кувшиновидный и кринкообразный сосуд, плошка, миска, банка и другие прочно вошли в употребление при описании керамики раннего железного века [91; 178; 255; 301; и др.]. Однако под одним термином часто понимаются совершенно разные типы посуды, например, к горшкам относят сосуды из могильников Талдура I, Кызыл-Джар III, Айрыдаш III и могильников из долин Уландрыка, Сайлюгема и Юстыда [175, рис. 2-2; 4-5; 6-2; 177, с. 43, рис. 15-5-7; 179, с. 58, рис. 13; 180, с. 42, рис. 14; 255, с. 105, рис. 2-13]. Из-за путаницы с терминологией делаются неверные выводы, в частности, при решении вопросов датировки. В связи с этим необходимо конкретизировать, что понимается под каждым термином.

Проблемы терминологии и типологии вызваны разными причинами, в том числе и тем, что скифская керамика отличается большим разнообразием форм, и ее трудно классифицировать. В терминологии же русской керамики, используемой при описании скифской из-за сходства форм, также имеются расхождения, связанные с тем, что население некоторых территорий имеет свои собственные названия посуды, не только не совпадающие с общепринятыми, но иногда и противоречащие последним. Кроме того, со временем подлинные названия стали забы-

ваться и заменяться другими, например: «Колыванка. Глиняный сосуд для молока. — Есть такие посуды без ручек, старинные, называли колыванками, молоко в них держали, горшками сейчас зовут.» [292, с. 115]. Подобных примеров можно привести достаточно много. Кроме того, в некоторых случаях отличительным признаком для русской керамики служит не форма, а наличие таких дополнительных деталей, как ручка или ручки, т.е. если сосуд по форме относится к кринкам, но из-за того, что у него есть ручка или ручки, он считается кувшином.

Общие определения горшка, кувшина, кринки, корчаги даны в толковом словаре В.И. Даля.

Горшок — округлый, облый глиняный сосуд различного вида [84, с. 382].

Кувшин — глиняный, стеклянный или металлический сосуд, сравнительно высокий, бочковатый с пережабиной (суженным местом, перехватом) под горлом, с ручкою и носиком, иногда с крышкою, урна, ваза [85, с. 210].

Крынка (кринка) — узкий, высокий молочный горшок с раструбом (расширением отверстия) [85, с. 194].

Корчага — большой глиняный горшок или чугуи, чугуи, развалистей горшка. Корчага щипная, пивная [85, с. 170].

По этнографическим материалам очевидно, что горшком можно назвать любой сосуд, т.е. термины «горшок» и «сосуд» можно рассматривать как синонимы, но в то же время горшками называется определенный тип посуды. Суммируя данные из разных источников, можно дать следующие определения.

Горшок — это сосуд с невысокой шейкой, прямым или отогнутым венчиком, приземистый, с сильно раздутым туловом. Диаметр венчика обычно превышает диаметр дна или равен ему, но меньше диаметра тулова, хотя разница не очень велика. Диаметр венчика больше 1/2 высоты всего сосуда, а иногда и равен ей. Высота от края венчика до максимально раздутой части тулова обычно около 1/3, реже 1/2 от всей высоты [84, с. 382; 99, с. 138; 223, с. 311; 295, с. 78; 296, с. 183; 297, с. 238; и др.] (рис. 1-1, 2, 7-8, 10, 13).

Кувшин — это сосуд с высокой шейкой, сильно раздутым туловом и узким дном. У кувшинов диаметр тулова значительно превышает диаметр венчика. Диаметр дна также обычно больше диаметра венчика, последний меньше 1/2 от общей высоты сосуда. Высота от венчика до самой раздутой части тулова меньше, чем от последней до дна. Кувшины бывают или с ручками, или

их должно быть удобно брать рукой, чтобы содержимое не проливалось [85, с. 210; 221, с. 148; 223, с. 311; 284; и др.] (рис. 1-4).

Кринка (крынка) – кувшин без носка и ручки, высокий узкогорлый горшок для молока. Сосуд с высокой шейкой, прямым, но чаще отогнутым венчиком. Тулово слегка раздуто. Большой разницы между диаметрами венчика, тулова и дна нет, хотя диаметр венчика обычно больше диаметра дна и около 1/2 или немного больше от всей высоты сосуда. Высота от венчика до самой раздутой части тулова обычно больше, чем от последней до дна [99, с. 138; 221, с. 148; 223, с. 311; 295, с. 258; 34; и др.] (рис. 1-5, 6, 9, 11, 14).

Корчага – это сосуд горшковидной формы больших размеров, по некоторым данным, вместимостью около 9-10 литров, высотой 30-35 см [99, с. 138; 221, с. 148; 285, с. 187; 291, с. 251; 292, с. 79; 293, с. 51; 295, с. 29; и др.] (рис. 1-3, 12).

Однако существует много переходных форм сосудов как в русской, так и в скифской керамике. Визуально не всегда можно определить, к какому типу посуды отнести то или иное изделие. Поэтому для того, чтобы выявить дополнительные признаки, нами проведена серия измерений русских горшков, кувшинов, кринок, происходящих с территории Алтайского края, Новосибирской и Омской областей, а также отдельных изделий других территорий. Измерялись диаметры венчика, тулова (наиболее раздутой части тулова), дна, а также общая высота, высота от максимально раздутой части тулова до венчика и дна. Два последних параметра просто сравнивались между собой, т.е. больше – меньше. Остальные измерения рассматривались таким образом: высчитывался коэффициент – диаметр венчика к общей высоте сосуда (Дв:Но), диаметр тулова к общей высоте сосуда (Дт:Но), диаметр дна к общей высоте сосуда (Дд:Но), диаметр венчика к диаметру тулова (Дв:Дт).

Горшки отличаются от кувшинов по всем четырем коэффициентам, но особенно по первым трем. От кринок горшки отличаются по первым трем, но особенно по 1 и 2 (табл. 1). Кувшины от кринок отличаются прежде всего по четвертому коэффициенту (совпадение минимально), затем по первому (табл. 1). Наиболее сложно различить кувшины и кринки по второму и третьему коэффициентам, хотя некоторые тенденции есть и здесь. В целом первый коэффициент у кувшинов составляет от 0,05 до 0,53, но у большинства он в пределах от 0,34 до 0,45, у кринок – от 0,40 до 0,85, но преимущественно

в пределах от 0,44 до 0,66, у горшков – от 0,76 до 1,28, преимущественно от 0,76 до 1,02. Вторым коэффициентом – у кувшинов от 0,58 до 0,91, преимущественно от 0,63 до 0,81, у кринок от 0,52 до 0,99, преимущественно от 0,56 до 0,78, у горшков от 1,0 до 1,52, преимущественно от 1,16 до 1,23. Третьим коэффициентом – у кувшинов от 0,3 до 0,51, преимущественно от 0,38 до 0,45, кринок от 0,3 до 0,58, преимущественно от 0,35 до 0,5, у горшков от 0,46 до 0,87, преимущественно от 0,56 до 0,76. Четвертым коэффициентом – у кувшинов от 0,4 до 0,8, преимущественно от 0,46 до 0,63, кринок от 0,69 до 0,96, у горшков от 0,67 до 0,88, преимущественно от 0,67 до 0,83 (табл. 1). Возможно, если серию сосудов увеличить в несколько раз, то в таблице появятся некоторые уточнения, но основные тенденции тем не менее сохраняются.

В тех случаях, когда вышеперечисленных признаков недостаточно, чтобы однозначно отнести тот или иной сосуд к определенной категории, так как по одним признакам он может относиться к кувшинам, по другим – к горшкам и т.д., по-видимому, справедливо будет сохранить для промежуточных типов посуды термины горшкообразные или горшковидные, кувшинообразные или кувшиновидные и т.п. в зависимости от того, какие признаки преобладают.

Горшки, кувшины и кринки различаются по назначению: каждый тип русской керамики был приспособлен для определенной цели: варки или хранения пищи, т.е. посуда делится на кухонную и столовую. К кухонной относятся горшки и кринки, к столовой – кувшины [315]. Горшки служили для приготовления горячей пищи, кринки – для хранения пищи, обычно молочных продуктов. Кувшины – посуда для питья. Обычно в кувшинах хранились вода или другие жидкие продукты, которые находились в постоянном употреблении. Возможно, близкие формы скифской и русской глиняной посуды свидетельствуют и о сходном предназначении.

Итак, в качестве образца для классификации керамики эпохи раннего железного века Горного Алтая взяты формы русской посуды. Конечно, нельзя не отметить, что несмотря на большое сходство форм, посуда не идентична полностью. Однако на основании вышеперечисленных признаков среди скифской посуды выделяются кувшины, кринки, горшки, корчаги, сосуды переходных форм, т.е. кувшиновидные, кринкообразные и горшкообразные (рис. 2-4).

Всего учтено 270 глиняных сосудов из погребений (находки из насыпей рассматривались отдельно). Кувшины составляют 55,19%, кувшиновидные — 11,11%, кринки — 7,4%, кринкообразные — 10,87%, горшки — 2,96%, горшкообразные — 4,81%, банки — 1,11%, корчаги — 0,74%, сосуды с трубчатым носиком-сливом или чайникообразные — 1,48%, сосуды редких типов, в т.ч. некоторые из круглодонных — 3,7% (табл. 2).

Каждый вид посуды разделяется на несколько типов. Кувшины делятся на 4 основных типа: 1) высоко- и узкогорлые (рис. 2-3, 4, 6, 8, 9); 2) низко- и узкогорлые (рис. 2-5); 3) высоко- и широкогорлые (рис. 2-2, 7); 4) низко- и широкогорлые (рис. 2-1). Необходимо отметить, что выделяется группа изделий, занимающая промежуточное положение между широко- и узкогорлыми. Внутри типов могут быть выделены варианты по венчикам (прямым или отогнутым), по степени раздутости тулова, хотя здесь наблюдается прямая зависимость от ширины горла — сосуд с узким горлом, вероятнее всего, будет отнесен к изделиям с раздутым туловом; а также по некоторым другим признакам, которые носят частный характер. Наиболее часто встречаются кувшины с высоким горлом, реже экземпляры с узким и низким горлом.

Для кувшиновидных изделий характерно наибольшее количество вариантов. Многие экземпляры индивидуальны, некоторые объединяются в группы до 4-5 сосудов. Все изделия объединяет один общий признак — они широкогорлые.

Горшки различаются по высоте и форме венчика, а также некоторым другим признакам более частного характера (рис. 3-1, 5, 8, 10, 11).

Горшкообразные сосуды по сравнению с горшками более вытянутые (последние приземистые). Между собой горшкообразные сосуды различаются по высоте и форме венчика, профилированности, соотношению диаметров венчика, тулова, дна к общей высоте (рис. 3-3, 4, 7, 9).

Кринки также разделяются на приземистые и вытянутые, слабо и резко профилированные, высоко- и низкогорлые (рис. 4).

Кринкообразные сосуды отличаются от предыдущей группы изделий большей разницей между диаметрами венчика и тулова, степенью профилированности. Между собой кринкообразные сосуды разделяются на приземистые и вытянутые, по высоте венчика или горла, по форме венчика, профилированности. У некоторых экземпляров имеются

ручки или ушки, один сосуд круглодонный (рис. 3-2, 6, 12).

В целом преобладающей формой керамики по материалам погребений Горного Алтая являются кувшины. Однако для Горного Алтая и Средней Катуня наблюдаются разные тенденции, если сравнить каждый тип керамики в процентном отношении с общим количеством сосудов. На территории Горного Алтая (без учета находок со Средней Катуня) кувшины составляют 69,47%, кувшиновидные — 11,58%, на Средней Катуня — кувшины 21,25%, кувшиновидные — 10% (табл. 2). Кринки и кринкообразные в Горном Алтае по 6,32%, а на Средней Катуня — 10% и 22,5% соответственно (табл. 2).

Горшков в Горном Алтае найдено всего 2 — на могильниках Талдура I, к. 4 [255, с. 105] и Кызыл-Джаре III, к. 1, что в процентном отношении составляет — 1,05%, а на Средней Катуня — 6 изделий, что составляет 7,5%, горшкообразных сосудов — 14, или 17,5%. Горшки, выделенные В.Д. Кубаревым по материалам Восточного Алтая, и среднекатунские представляют разные типы керамики, в первом случае — это широкогорлые кувшины, реже — кринки [177, с. 43, рис. 15-5-7; 179, с. 58, рис. 13; 180, с. 42, рис. 14; 182; 175, рис. 2-2; 4-5; 6-2].

Таким образом, на Средней Катуня наблюдается отличная от Горного Алтая традиция, поскольку кринкообразные сосуды, кувшины и горшкообразные изделия находят практически одинаково часто (18, 17 и 14 экземпляров соответственно). Это свидетельствует, что у населения Средней Катуня существовала традиция ставить в могилу посуду разных форм, в том числе горшки и горшкообразные сосуды. Пока трудно ответить на вопрос, с чем это связано. Можно лишь отметить, что кринкообразную посуду находят в захоронениях предгорного Алтая, в том числе в районе Бийска [91; 206]. Похожие по форме горшки находят на сопредельных территориях, например, в погребениях чандманьской культуры в Монголии, в памятниках тасмолинской культуры Казахстана и др. [356; и др.].

Керамика из насыпей, как правило, не опубликована. Если же судить по имеющимся материалам, обычно это горшки или горшкообразные сосуды, миски, сосуды баночного типа, корчаги, кринкообразные изделия — Второй Бапшадарский курган, Боротал II, Верх.Еланда-2 и др. [267; 286; 311]. В целом, это иной набор форм по сравнению с керамикой из могил.

На поселениях находят сосуды баночного типа закрытой формы, горшкообразные и

кринкообразные, горшки, миски, чаши и некоторые другие [384; 392]. Исследователями высказываются разные точки зрения по поводу того, что по формам, да и по другим признакам, керамика из погребальных и поселенческих комплексов различается, в том числе что это разнокультурные и разновременные комплексы. Однако подобная ситуация наблюдается и на сопредельных территориях [254, с. 30]. Разница лишь в про-

центном отношении по сравнению с горноалтайскими находками.

В целом хотелось бы особо отметить, что подобное разнообразие форм керамики в Горном Алтае отмечено с эпохи раннего железного века, по крайней мере с к. VI–V вв. до н.э. К сожалению, о типах посуды раннескифского времени пока известно очень мало.

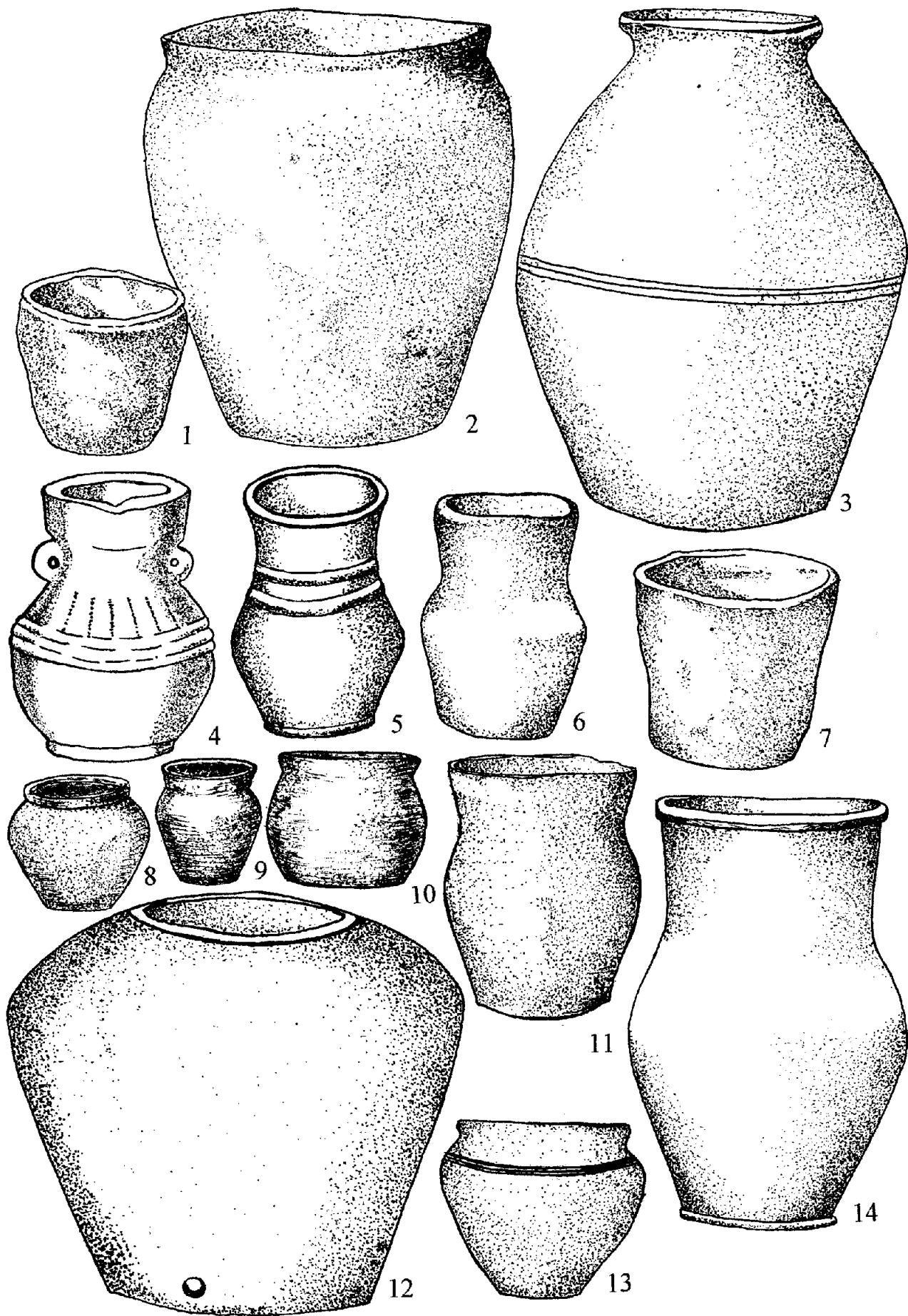

Рис. 1. Русская керамика. Горшки — 1,2,7,8,10,13;
 корчаги — 3,12; кувшин — 4; кринки — 5,6,9,11,14

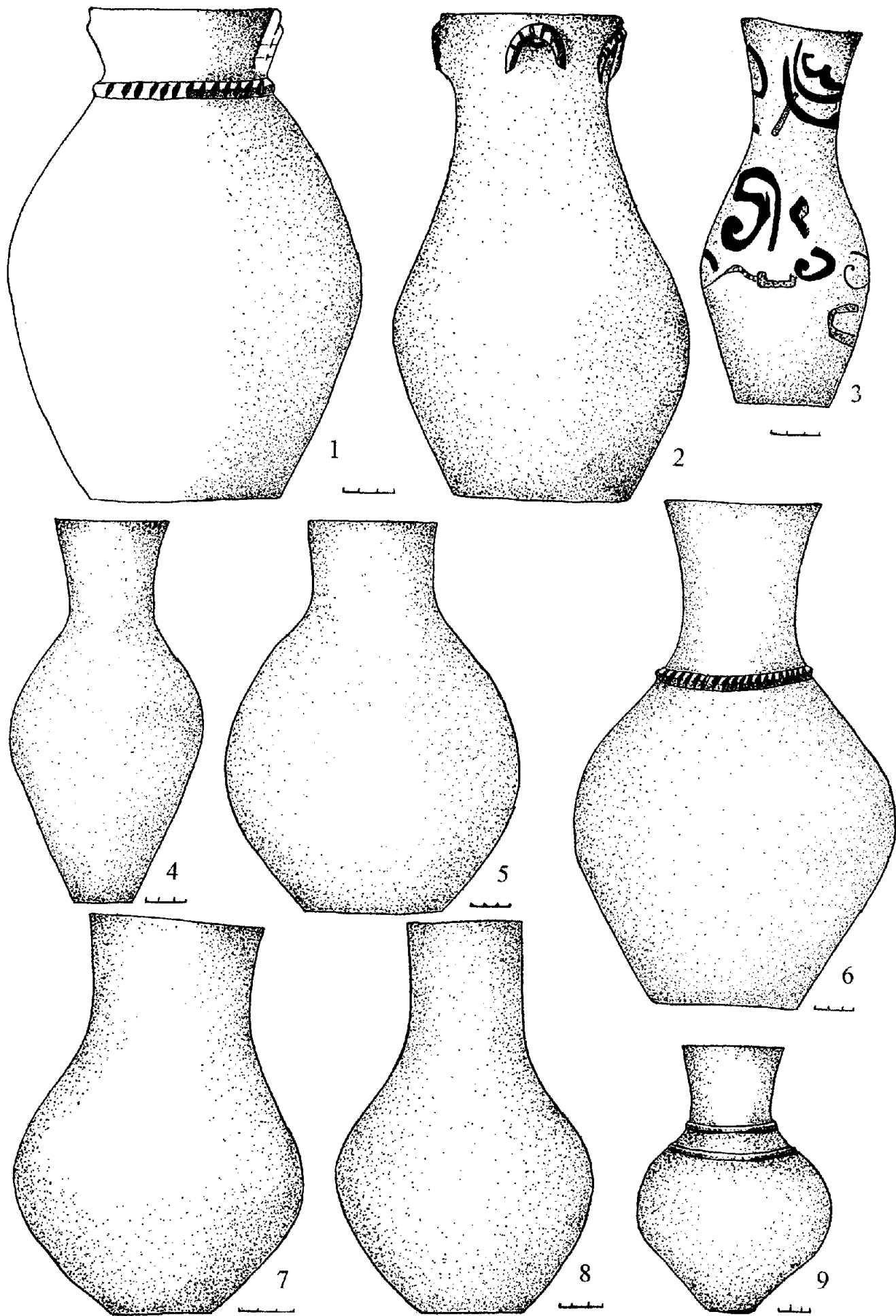

Рис. 2. Кувшины. Могильники Верх-Еланда-II (1,2); Тыткескень-VI (3); Юстыд-XII (4); Кастахта (5,6); Юстыд-I (7,9); Уландрык-I (8)

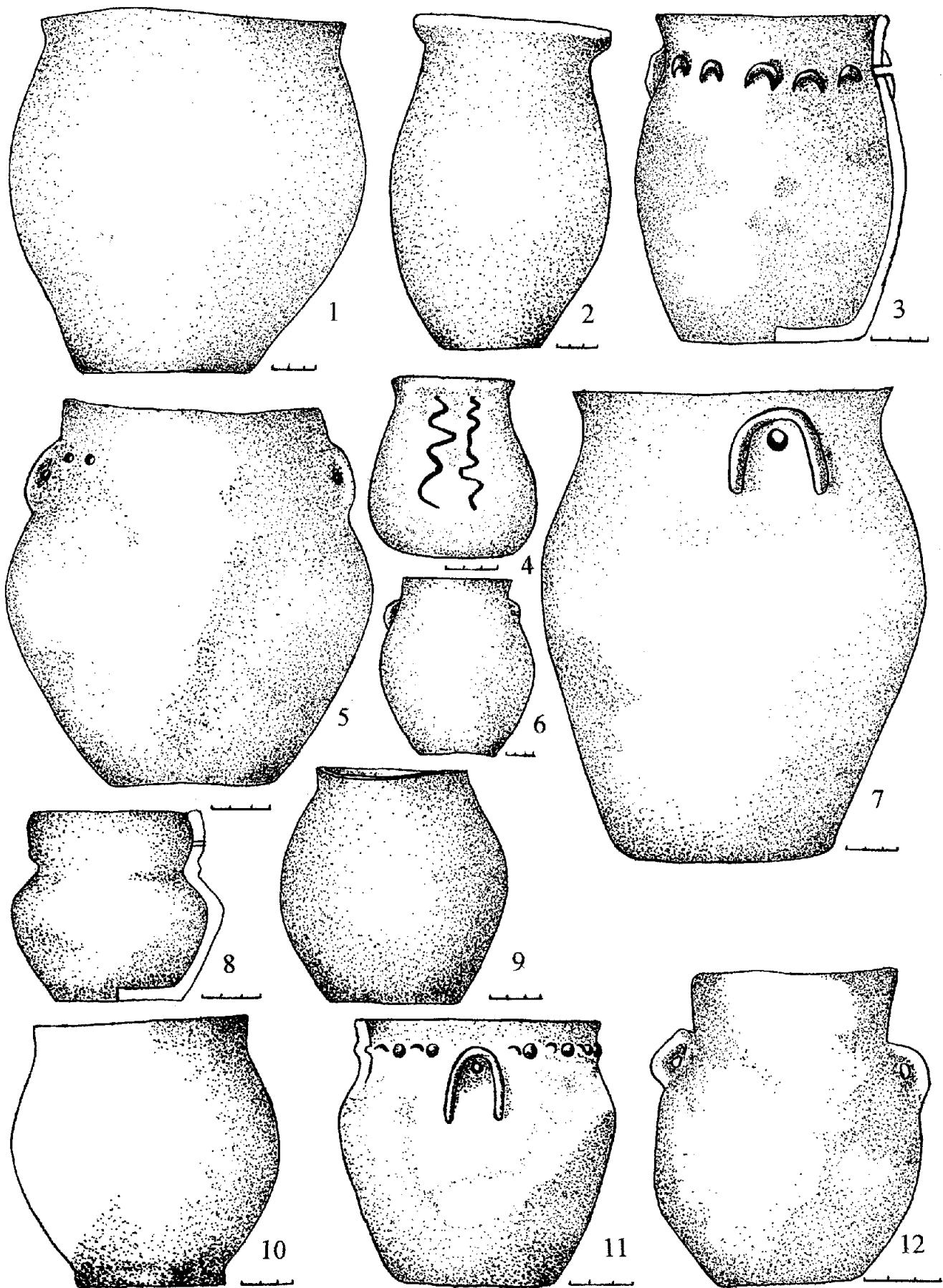

Рис. 3. Горшки — 1,5,8,10,11; горшкообразные — 3,4,7,9;
 кринкообразные — 2,6,12. Могильники Айрыдаш-III (1,2,7);
 Бике-I (3,12); Кайнду (5,8); Бике III (4); Айрыдаш-IV (6);
 Верх-Еланда-II (9); Кызыл-Джар-III (10); Талдура-I (11)

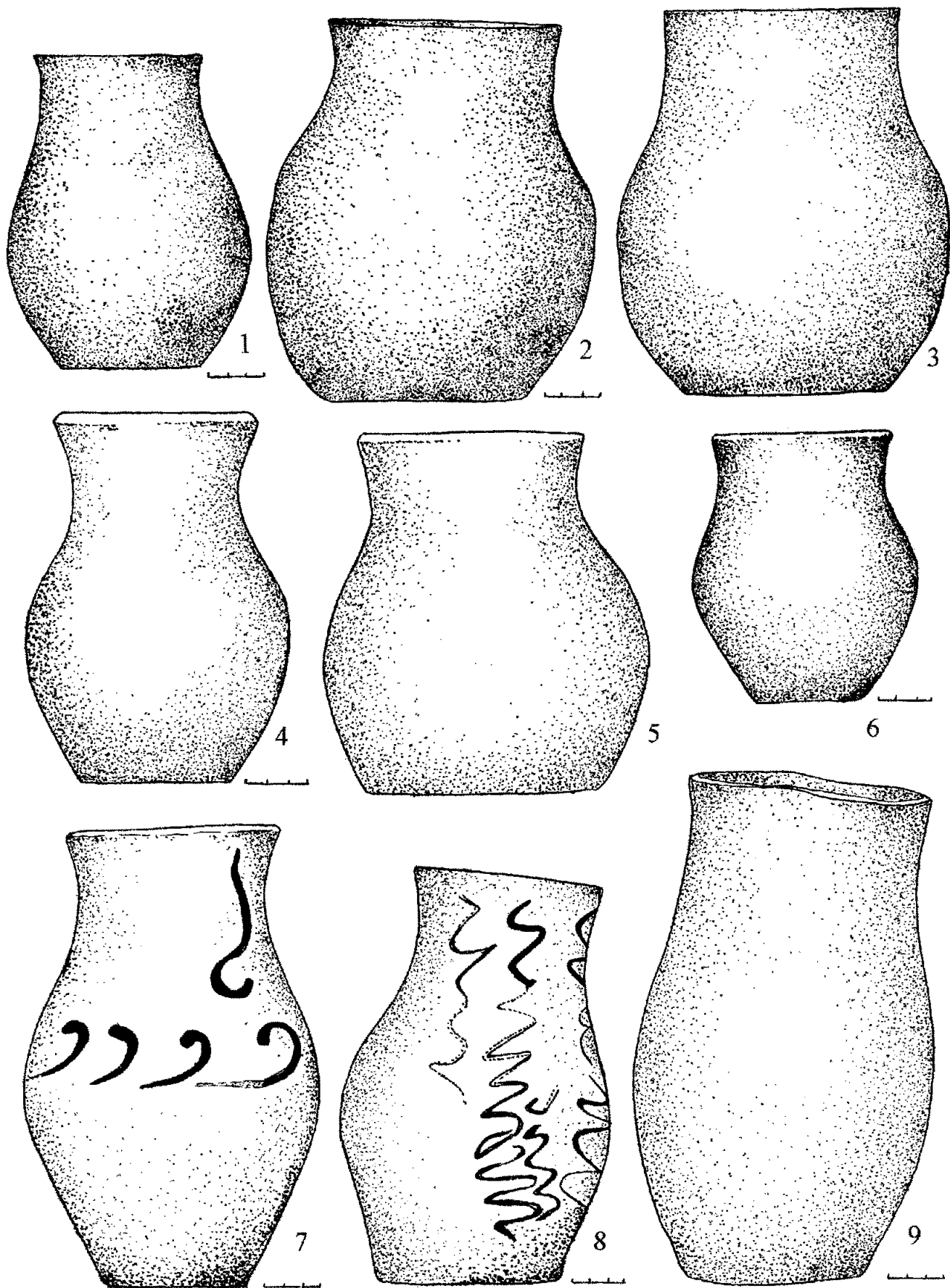

Рис. 4. Кринки — 1–4, 6–9. Могильники Кайнду (1,4,6);
Верх-Еланда-II (2,3,9); Орокто-Эке (5); Тыткескень-VI (7,8)

Таблица 1

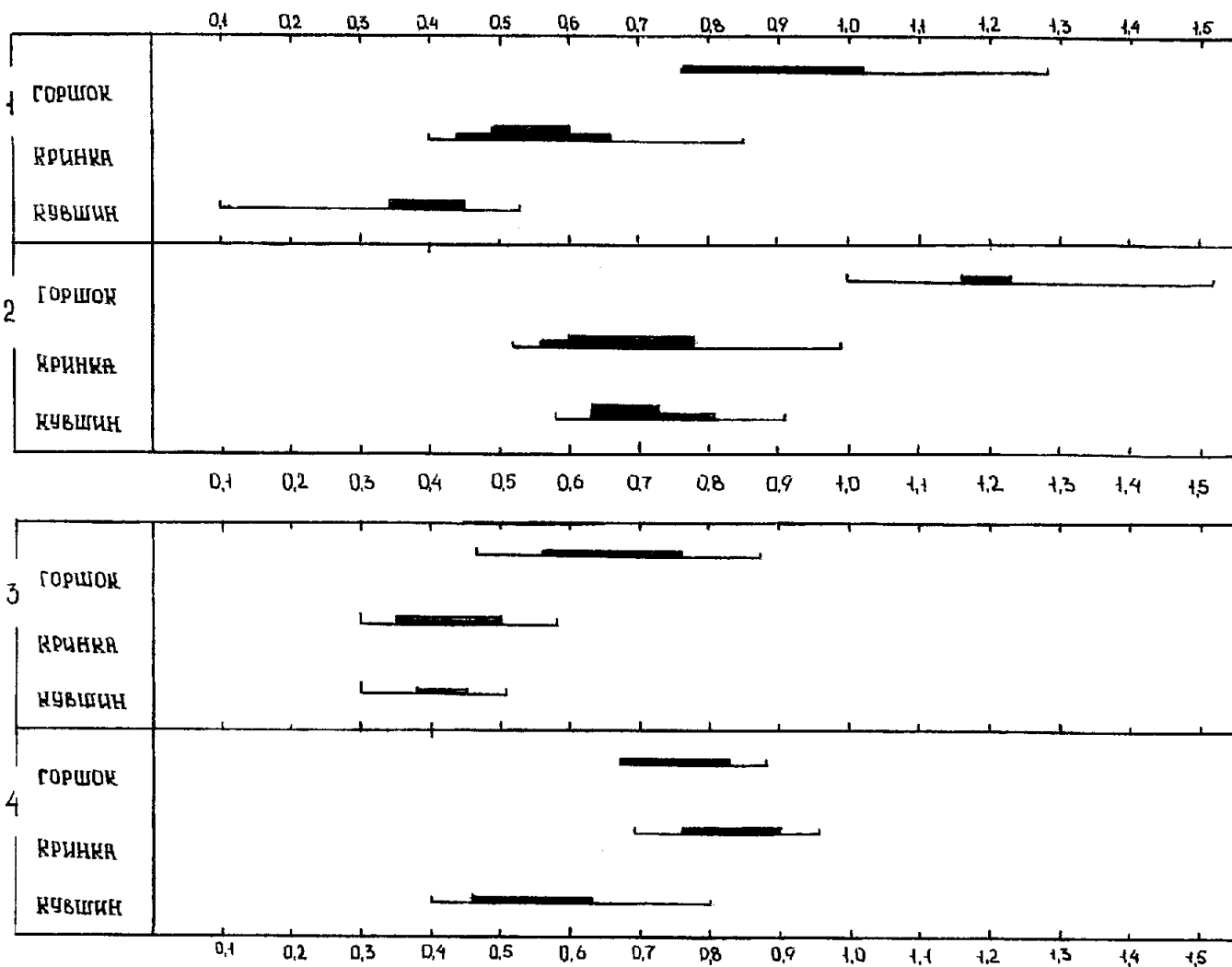

Таблица 2

	Общее кол-во сосудов	Кувшины		Кувшино-видные		Кринки		Кринко-образные		Горшки		Воронко-образные		Корчаги		Банки		Чайники-образные		Редкого типа	
			%		%		%		%		%		%		%		%		%		%
ГОРНЫЙ АЛТАЙ	190	132	69,47	22	11,58	12	6,32	12	6,32	2	1,05					1	0,53	2	1,05	7	3,68
СРЕДНЯЯ КАТУНЬ	80	17	21,25	8	10	8	10	18	22,5	6	7,5	14	17,5	2	2,5	2	2,5	2	2,5	3	3,75

Поселение Партизанская Катушка на Катунь

Поселение Партизанская Катушка обнаружено автором в 1985 г. в ходе обследования правого берега р. Катунь между селами Чемал и Чепош [392, рис. 1-1]. Оно расположено в 1 км к северо-западу от с. Узнезя, между скалой «Партизанская Катушка» и Чемальским трактом (рис. 1-1, 2). Площадь его сравнительно невелика — 60×40 м (2400 кв.м). Шурфовка, осмотр обнажений и кротовин показали, что керамика встречается вдоль склона горы почти до окраины с. Узнезя. В некоторых местах концентрация находок довольно высока — до 10 фрагментов на один кв.м. В 250 м к северо-западу от с. Узнезя на поселении Узнезя 7 в шурфе у скопления речного камня (выкладка?) обнаружен развал баночного сосуда, украшенного рядами ямочных вдавлений (рис. 2-13). Керамика на рассматриваемом участке относится к различным эпохам и при дополнительном обследовании здесь может быть выделено несколько одновременных поселений.

В северо-западной части поселения Партизанская Катушка в 1988 г. вскрыт одиночный раннескифский курган с ограбленным погребением в каменном ящике и подхоронением лошади (материал не опубликован). Тогда же на поселении изучена площадь 300 кв.м. В связи с ожидавшимися работами по расширению дорожного полотна раскоп был заложен от кювета по направлению к горному склону (рис. 1-2). Количество находок в южных квадратах у дороги незначительно. По мере продвижения к скале слой гумуса увеличивался, количество керамики и костей животных также возрастало, что объясняется расположением многих поселений раннего железного века как можно ближе к скале или крутому склону. На всей площади раскопа фиксировалось три культурных слоя: эпохи энеолита (афанасьевский), раннего железного века и средневековья.

Эпоха энеолита представлена немногочисленными фрагментами керамики афанасьевского облика и костями животных, располагавшихся в слое гумуса и гумусированной супеси на 50-75 см ниже современного уровня поверхности почвы. Всего найдено 25 фрагментов стенок, три венчика (рис. 11-22-24, 26-31), часть днища остродонного сосуда

(рис. 11-25) и каменный скребок. Несколько фрагментов находились в среднем слое и один — в верхнем. Необходимо отметить, что в третьем (нижнем) слое обнаружено значительное количество скоплений керамики раннего железного века, находившейся преимущественно в слабобразличимых ямках, впущенных из среднего слоя. Афанасьевская керамика имеет на внутренней поверхности характерные следы заглаживания. По определению Н.Ф. Степановой, в некоторых случаях заглаживание производилось орнаментом с зубчатым рабочим краем. Судя по трем венчикам и фрагменту днища, сосуды были остродонными с круто изогнутой шейкой в месте перехода от венчика к тулову. Орнамент наносился штампованием (рис. 11-22-24, 31), шаганием с протягиванием (рис. 11-27-29) и протягиванием (рис. 11-31). Обнаруженный на глубине 58 см в квадрате Е6 очаг можно отнести к этому же времени (рис. 1-3), так как в его заполнении и рядом найдено несколько фрагментов афанасьевской керамики (рис. 11-27, 29-31) и отщепы кремнистого сланца. Очаг имел овальную форму размерами 80×72 см (рис. 1-3). Мощность скопления золы и углей достигала 20 см, глина под очагом была сильно прокалена. С западной стороны находился камень размерами 48×40×18 см.

Находки раннего железного века встречались на глубинах 25-55 см, а в древних ямках и выборках — почти до материка. В материковом суглинке ям или жилищных котлованов не отмечено. К этому времени относятся венчики 160-170 сосудов. Для статистической обработки отобрано 136 венчиков (табл. 1). Ранним железным веком датируется большая часть из 1090 неорнаментированных фрагментов стенок сосудов и 71 фрагмента днищ. Все сосуды лепные, плоскодонные (рис. 3). Большинство достаточно крупных фрагментов и развалов, по которым устанавливается форма сосудов, принадлежит к банкам — 16 сосудов (рис. 2-1-12) и чашам — 8 сосудов (рис. 3-1-8). К кринкообразным можно отнести крупные фрагменты двух неорнаментированных сосудов, один из которых имел налепное ушко для подвешивания (рис. 3-9). Пропорции тулова, основания шейки и придонной части сосуда с ушком близки керамике из погребений КараКобы [248, рис. 4-1, 2] и Бике [182, рис. 4-1; 11-1]. Высота его не превышала 24 см. Сосуд с короткой шейкой и сильно отогнутым венчиком (рис. 3-10), по-видимому, занимает промежуточное положение между кринками и горшками, ближе к последним.

На других поселениях раннего железного века обломки сосудов, близких к кувшинам или кринкам, также встречаются редко, ни один из них не реконструируется [387, с. 9; 394, с. 74]. Очевидно, в жизни пазырыкцев Горного Алтая эти сосуды преимущественно связывались с погребальной обрядностью, совершением различных ритуалов. С этим, по-видимому, связана явная непрактичность размеров и форм кувшинов из Пазырыкских курганов с малым дном, использовавшихся только с войлочными кольцами [Руденко, 1953, с. 90–91], обычай расписывать или украшать их спиральным и змеевидным орнаментом [Суразаков, 1994, с. 73–74].

Баночные сосуды относятся к типу закрытых (рис. 2–1–10): диаметр тулова (18–22 см) всегда превышает диаметр по венчику (12–19 см). Приблизительная высота сосудов – 16–20 см. Два сосуда имели диаметр по венчику 8 см и 3 см (рис. 2–9, 11). Величина банок соответствует среднему показателю для таких сосудов из других поселений раннего железного века с валиковой керамикой [387; 394]. Сосуды с валиками имеют слегка намеченную шейку (рис. 2–1–7). Эта особенность отличает их от большинства банок на упомянутых поселениях. Венчики на срезе овальные (рис. 2–1–3) или приостренные с округлым скосом внутрь (рис. 2–4–7). Все реконструируемые баночные сосуды орнаментировались по венчику строчкой округлых вдавлений или жемчужин (рис. 2–1–10; табл. 1). Больше половины банок имеют налестные валики.

Всего осмотрено 24 венчика с валиками и фрагменты с обломанными венчиками от 15–18 сосудов. Валики в сечении овальные (рис. 4–1, 4, 9), подтреугольные (рис. 4–6; 2–12), уплощенные трапецевидные (рис. 4–2, 3, 7). Форма последних – следствие окончательного заглаживания (рис. 4, 7) или часто расположенных вдавлений (рис. 4–2, 8). Один валик не орнаментирован (рис. 4–10). На большинство валиков орнамент наносился техникой штампования. Судя по отпечаткам, орнаментир представлял собой удлиненную палочку с заостренным (рис. 4–6) или немного заovalенным (рис. 4, 9) рабочим краем. На трех сосудах (рис. 4–1–3) обнаружены следы орнамента с рубчатой поверхностью рабочего края. Длина рабочей поверхности орнамента колебалась от 8 мм (рис. 4–5) до 22 мм (рис. 4–7). Вдавления производились под прямым углом к поверхности сосуда или с небольшим наклоном к венчику. В последнем случае на нижней, обращенной к днищу стороне валика образовывались наплывы (рис. 4–1, 2, 8). В некото-

рых случаях после вдавления имело место протягивание орнамента вправо (рис. 4–2, 11) или влево. На фрагменте из Аската-2 протягивание совершалось вправо и влево (рис. 4–8). Валики на сосудах из пазырыкских погребений украшались также по-разному [301, рис. 7–25; 177, табл. VIII, 1; XXVII, 1; XXXIII, 5; 58, рис. 2–13; 88, рис. 63 и др.]. Способы орнаментации этих валиков не изучались, но, судя по известным автору образцам и рисункам, на большинстве из них разрезания с протягиванием (протягивания) не происходило. Общепринятая характеристика «пазырыкских» и предгорных валиков как «рассеченных» не совсем верна. Под это определение подпадает лишь часть валиков, передавленных до уровня стенки сосуда (рис. 4–6, 7; 5–5), если иметь в виду такие значения слова «рассечь»: «разрубить», «глубоко поранить» [268, с. 576]. На валиках с поселения Партизанская Катюшка, а также на рассмотренных фрагментах из поселения Аскат-2 [394, рис. 6–4–11] прослеживаются три способа нанесения орнамента: 1) штампование (рис. 4–1–3); 2) рассечение (рис. 4–6, 7, 9) и 3) комбинированный, проводимый в два приема штампованием или рассечением с последующим протягиванием (рис. 4–8, 11). Вдавления наносились преимущественно с наклоном вправо, в единичных случаях – влево (рис. 4–4), иногда оба приема фиксируются на одном сосуде, образуя зигзаг или косые кресты (рис. 2–3; 5–4; 394, рис. 3–7, 10, 12; 6–4, 6, 8, 11). В одном случае на Партизанской Катюшке вдавления поперечные (рис. 2–12). После орнаментации валика его края снизу, сверху или с обеих сторон заглаживались. Валики располагались на 2–3 см ниже венчика, в одном случае – 1,5 см, в трех – до 4 см (рис. 2; 4; 5).

Часть относимых к банкам венчиков имела более сложную орнаментацию. В разных частях раскопа на 1, 2 и 3 штыках встречены обломки сосуда, аналогичного найденному на поселении Аскат-2 (рис. 4–8; 5, 1; 387, рис. 1–1). Это один из вариантов валиковой керамики элекмонарского типа [390, с. 65, рис. 4–3, 4; 308, рис. 2–7 на с. 177], где уголки вдавления между жемчужинами заменяются уголками, выполненными двумя оттисками гладкого штампа (рис. 4–2, 8; 5–1–4). За пределами района Элекмонар-Чепош аналогии элекмонарской валиковой керамике автору неизвестны, а достоверность орнамента на сосуде из поселения Малоугренево [14, рис. 56–5] вызывает сомнения (сравнить с [13, рис. 5–3]). На фрагментах от двух сосудов отмечена орнаментация жемчужником с уголковым разделителем

(рис. 2-7; 7-1), еще на четырех фрагментах от трех сосудов — орнаментация из чередующихся округлых и уголкового вдавлений (рис. 7-2-5). Последовательность завершающих операций на баночных сосудах с валиками была следующей: 1) налеп валика, 2) орнаментация валика, 3) накалывание изнутри или снаружи в зоне между венчиком и валиком, 4) заглаживание поверхности.

Чаши имеют сравнительно небольшие размеры. Их диаметр по венчику равен 14-15 см и 17-20 см, высота сосудов — 6-9 см (рис. 3-1-8). Здесь не встречено крупных чаш, как на поселениях Аскат-2, Элекмонар-4 и Чепош-2 [387; 390, рис. 4; 392, рис. 2], диаметр которых достигает 24-30 см. Днища их плоские, плавно переходящие в тулово. Венчики на срезе округлые, уплощенные и несколько приостренные с плавным скосом внутрь. Как и на других поселениях Горного Алтая, представлены чаши с прямыми, отогнутыми наружу или внутрь венчиками. В отличие от баночных сосудов, на стенках которых встречается нагар, на чашах нет следов огня. Использовались они, по-видимому, под сыпучие продукты и для принятия жидкой пищи. Орнаментация их простейшая: по венчику наносились в одну строчку округлые, иногда овальные вдавления или жемчужник. В общих чертах орнаментация чаш и банок соответствует керамике поселений Аскат-2 и Куротинский Лог-1 (табл. 1).

К раннему железному веку можно отнести обломок пряслица биконической формы с точечными вдавлениями (рис. 5, 12), ближайшая аналогия которому происходит из поселения Аскат-2 (рис. 5, 8; 387, рис. 1, 8). К этому же времени относится очаг в квадрате Е8 (рис. 1, 3), представлявший собой вытянутое с юга на север скопление сланцевых плиток размерами от 12×8×1 см до 40×24×4 см, между которыми встречались крупные куски глиняной обмазки толщиной 1-3 см и угли. Между плитками и под ними найдены фрагменты сосуда с валиком (рис. 2, 3) и другая керамика (рис. 6-39; 7-15, 28). Размеры скопления 140×60 см. Очаг находился на глубине 50-58 см от современной поверхности. По отпечаткам на некоторых кусках обмазки можно предположить, что сланцевые плиты очага промазывались глиной. Часть плиток по краям очага стояла на ребре. Заглубленность очага относительно слоя раннего железного века указывает на наличие неглубокого жилищного котлована, проследить который в слое гумуса не удалось. Здесь же найдена плоская плитка из белого камня в форме круга диаметром 13-

15 см. Из второго слоя происходят два обломка стенок сосудов с просверленными сквозными отверстиями (рис. 5, 6, 7), на одном из них (рис. 5, 6) отверстие проделано аналогично обнаруженному на венчике с рассеченным валиком (рис. 4, 6).

Верхний культурный слой прослежен на глубинах 15-25 см (до 30 см) от современной поверхности почвы. Он хорошо отличим от нижележащего и уверенно может быть отнесен к эпохе средневековья. Подавляющая часть находок — керамика и кости животных. Как и на других поселениях Горного Алтая, основная масса средневековой керамики отличается темным цветом и довольно грубым исполнением с хорошо заметными следами затирания. Степень насыщенности верхнего слоя артефактами скифского и афанасьевского времени незначительна. Здесь найдено два фрагмента из 25 афанасьевских, три венчика с налепными валиками из 24 и три фрагмента с уголкового вдавлениями из 16. Средневековая керамика представлена 60 венчиками не менее, чем от 30 сосудов (рис. 9; 10; 11-1-21). Все они плоскостные, лепные. Преобладали слабопрофилированные горшки с диаметром по венчику 12-18 см с прямыми или слабоотогнутыми венчиками (рис. 9-1, 3, 5, 7 и др.) и банки (рис. 9-2, 4). Приблизительно у 40% сосудов срез венчиков украшался продолговатыми вдавлениями, образующими елочку (рис. 9, 10, 11, 13-15, 17), или две параллельные линии пунктира (рис. 9, 12), чередующимися насечками (рис. 9, 16, 19), подпрямоугольными (рис. 10, 6) и пальцевыми вдавлениями, ногтевыми зацепами, делающими срез венчика волнистым (рис. 10-1-5, 9). На фрагментах от двух сосудов волнистость венчика достигалась формовкой (рис. 10-8). В некоторых случаях елочка или вдавления смещены на внешний или внутренний край венчика (рис. 9, 14, 15; 10-2, 5, 9). Шейка и тулово большей части сосудов не орнаментировались. На украшенных венчиках преобладают неглубокие округлые вдавления в одну строчку (рис. 10-2, 3 и др.), встречаются ногтевые вдавления (рис. 9-7), жемчужник (рис. 11-5) и вдавления в 2-3 строки (рис. 9-14, 18). Некоторые сосуды по венчику и тулову украшались гребенчатым орнаментом (рис. 10-10, 13, 17, 20, 22), зубчатым штампом (рис. 10, 19), прямыми прореченными линиями (рис. 10-10-15), лунками, наколами (рис. 10, 16, 18, 21) и отступающими вдавлениями, образующими узоры (рис. 10-24, 25). Один фрагмент имеет гладкий валик (рис. 11-4). Следует обратить внимание на однотипность большинства вен-

чиков. Как правило, они прямые или несколько отогнуты с уплощенным верхом, иногда немного расширяющимся (рис. 9-4, 5, 7; и др.) или имеющим небольшой карнизик с внешней стороны. Венчики закрытых баночных сосудов — уплощенные с заостренным внутренним краем (рис. 9-2; 11-6, 18-20).

В восточной части раскопа в квадратах Ж12 и Е12 на глубине 20-30 см от поверхности обнаружен очаг и примыкающая к нему с юга овальная хозяйственная яма размерами 120×80 см, контуры которой устанавливались по скоплению в гумусе костей животных, керамики и угольков (рис. 1-3). На дне ямы найдено три венчика от одного сосуда (рис. 9-4), обломок изделия из стенки сосуда округлой формы с зашлифованными краями (рис. 5-9) и мелкие неорнаментированные фрагменты. Контуры жилища и его глубина относительно уровня древней поверхности не прослеживались. Очаг имел округлую форму размерами 44×40 см, мощность скопления золы — около 8-10 см, ниже отмечен проквал. К северо-востоку от очага найден пест из продолговатой гальки с заполированной рабочей частью (рис. 5-10). Из первого слоя происходит и просверленный фрагмент головки бедренной кости животного (рис. 5-11).

Датировка и культурная принадлежность

Находки эпохи энеолита немногочисленны, но, судя по орнаментации имеющихся фрагментов, венчикам и обломку доньшка (рис. 11, 22-31), они могут быть отнесены к афанасьевской культуре, погребения и поселения которой известны на всем протяжении р. Катунь вплоть до с. Чепош [388; 392] и с. Усть-Муны [39]. На участке между селами Узнезя и Чепош керамика афанасьевского облика встречается почти на всех поселениях. Один фрагмент (рис. 11-30), найденный у очага № 1 на поселении Партизанская Катупшка, орнаментирован аналогично афанасьевской керамике с поселения Аскат-2 и, быть может, указывает на синхронность существования здесь небольших энеолитических стоянок.

Керамику раннего железного века можно датировать в рамках VI-II вв. до н.э. Значительная часть слоя отложилась во время существования поселения Аскат-2, относимого к V-IV вв. до н.э., а быть может, и к VI-IV вв. до н.э. [387; 390, с. 64]. В это же время был сооружен очаг № 2. Валиковая керамика этих поселений имеет много общего (см.: 387; 394, рис. 6): только на них встре-

чены венчики сосудов с имитацией уголкового вдавления (рис. 4-2, 8; 5-1-4; 384, рис. 1, 2; 387) и биконические пряслица (рис. 5-8, 12; 387). Различные приемы орнаментации валиков этих сосудов (см. рис. 4-2 и 4-8) доказывают параллельное использование подобных банок на двух соседних поселениях Партизанская Катупшка и Аскат-2. Аналогично датируется керамика, украшенная в одну строчку жемчужником с уголкового разделителем (рис. 2-7) и чередующимися округлыми и уголковыми вдавлениями (рис. 7-2-5). Последняя наиболее полно представлена на поселении скифского времени Кастахта-8 и потому называется нами кастахтинским типом [392, рис. 6-9-27]. О верхней и нижней границах существования рассмотренной керамики говорить трудно. Нами уже указывалось, что орнаментация кастахтинского типа существовала в Горном Алтае по меньшей мере с VII по III вв. до н.э., а, возможно, и с более раннего времени [394, с. 76]. Находки сосудов в Усть-Куюме и Бике подтверждают ее раннюю датировку [309, рис. 1,2; 316, рис. 21]. Имеется она и в слое раннего железного века памятника Кучерла-1 [86, с. 5; 262, с. 235]. Особый интерес представляет обнаружение в насыпи раннескифского кургана № 20 могильника Бийке обломков баночных сосудов, орнаментированных округлыми или уголковыми вдавлениями в одну строчку, а также «рассеченным» валиком в сочетании со строчкой округлых вдавлений [316, с. 23, рис. 21-2, 5, 9, 10]. Исследователь склонен считать эту керамику синхронной захоронениям, хотя не исключает ее более позднего попадания в насыпь [316, с. 51]. Последнему, однако, противоречит нахождение в кургане № 1 целого баночного сосуда, орнаментированного уголковыми вдавлениями «под слоем гумуса и мелкого щебня... на плите перекрытия каменного ящика» [316, с. 22]. Обряд установки сосудов в раннескифские насыпи более поздними народами на Алтае пока не встречался. Вместе с тем, обычай оставлять керамику в виде отдельных фрагментов или целых сосудов после поминальных или иных обрядов имел распространение у ранних скифов не только на Алтае, но и на соседних территориях (см.: 239). Своеобразный обряд, являющийся, возможно, переходным от обычая тасмолинцев укладывать в VII-VI вв. до н.э. керамические сосуды с жертвенной лошастью [118, с. 346, 348; 29, с. 39-40] к более позднему пазырыкскому обычаю — ставить сосуды в могилу — прослежен в погребении VII в. до н.э. в кургане № 2 могильника

Чесноково-1 в северо-западных предгорьях Алтая на р. Чарыш [395]. В заполнении могилы кургана № 2, в 1,7 м выше погребенного мужчины, скорченно на живот были уложены две женщины, с одной из которых находился невысокий круглодонный сосуд сако-усуньского типа. В 60–70 см выше лежали два черепа мелкого рогатого скота и кости крупных копытных животных. В основном погребении кургана № 2 керамики не было.

В середине VI в. до н.э. обычай разбивать сосуды после погребения вождя во время поминок до сооружения каменной насыпи надежно зафиксирован в пазырыкском кургане Башадар 2 (и в более позднем Башадар 1), где под каменной кладкой на земляной насыпи находились многочисленные фрагменты керамики (не менее, чем от 18 сосудов в к. 2 и не менее трех сосудов в к.1; 286, с. 43, 63). С учетом применявшейся С.И. Руденко методики раскопок широкой траншеей, не позволявшей полностью исследовать насыпь, число обнаруженных сосудов могло быть значительно большим. Вся керамика имела форму горшков и профилированных банок, большей частью неорнаментированных. Помимо елочки и зигзага, сосуды в обоих курганах украшались округлыми и треугольными (уголковыми) вдавлениями (рис. 8–13–21; 286, с. 43, 64, рис. 42–б). Сосуды из насыпей курганов VII–VI вв. до н.э. из могильника Бийке, Больших Башадарских курганов и поселения Кастахта-3 представляют одну и ту же традицию (рис. 8), прослеживаемую до III–II вв. до н.э. [300, рис. 18, 13], сохраняемую, по-видимому, автохтонным населением. Валиковая керамика связывается нами с пришлым населением [384, с. 85; 394, с. 76]. Судя по отсутствию в насыпях Башадарских курганов и на поселении Кастахта-3 валиковой керамики, группы пришлого и автохтонного населения долгое время проживали обособленно.

Существует и другая точка зрения на датировку рассмотренного орнамента из округлых и уголковых вдавлений [14]. В разделе, подготовленном М.Т. Абдулганеевым, керамика поселений Кастахта-3 и Чепош-2 (в частности, сосуд на рис. 2–9 см. 392) относится к «хуннскому времени Горного Алтая» [14, с. 36, а также с. 34, 35, 37]. Поражает легкость, с которой М.Т. Абдулганеев передатировал относимые нами к скифскому времени поселения Чепош-2, Узнезя-4 и Кастахта-3 [14, с. 34–37], выделив таким образом в Горном Алтае группу поселений, соотносимых «с буланкобинскими могильниками I пол. I тыс. н.э.» [5, с. 62]. Сделано это без каких-

либо доказательств и сносок, что по меньшей мере странно, учитывая наши крайне незначительные знания о керамике горноалтайских племен в I тыс. н.э. (см. 181, с. 101; 198, с. 46; 354, с. 131). Определение верхней границы существования в Горном Алтае «скифской» керамики, образцы которой встречаются в первых веках н.э. [354], требует дополнительных материалов и серьезной аргументации.

Слой скифского времени на поселении Партизанская Катущка связывается нами с пазырыкской культурой, быть может, с населением, оставившим погребения пазырыкского типа [390, с. 66]. Процентное соотношение орнаментов (табл. 1) на поселениях Куротинский Лог-1, Партизанская Катущка и Аскат-2 почти совпадает. Совпадают и типы встречаемой посуды. Несколько выделяется поселение Партизанская Катущка, особенностью которого является профилированность венчиков у части баночных сосудов. Прекращение работ на древних поселениях Горного Алтая и отсутствие хорошо изученных представительных комплексов однокультурных поселений и погребений не позволяет продвинуться в решении проблемы идентификации скифских поселений с выделенными в настоящее время этнокультурными группами. Положение осложняется тем, что отмечаемые типы погребений (пазырыкский, каракобинский и др.) в большей или меньшей степени представлены во всех частях Горного Алтая, что демонстрирует смежное (но обособленное) проживание отдельных небольших родственных коллективов, сохраняющих обрядность «своей» этнокультурной группы [58, с. 102–103; 250, с. 74–78; 383; и др.].

Поселение Партизанская Катущка, как и Аскат-2, находилось на пути, по которому сообщалось в древности население нижнего и среднего течения Катунь. Тем не менее, инкультурная керамика представлена здесь крайне незначительно: лишь на трех венчиках имеется жемчужник с разделителем округлыми наколами (рис. 7–8–10) и один орнаментирован жемчужиной и уголковым вдавлением (рис. 7–1).

Несмотря на скудный набор орнаментальных мотивов, поселения скифского времени Горного Алтая с керамикой куротинского и элекмонарского типов существенно отличаются от предгорных. Главная особенность «пазырыкской» керамики – незначительное содержание (2–3%) орнаментации жемчужником с разделителем, в том числе и уголковым (табл. 1; сравнить: 14, рис. 5–22 и др.). В керамике элекмонарского типа

(поселение Элекмонар-4) жемчужника с разделителем округлыми вдавлениями и углом лопаточки значительно больше — 14%, а с учетом валиковой керамики — 20% (табл. 1, 390). Однако она также отличается от предгорных поселений [390]. К сожалению, в цитированной работе М.Т. Абдулганеева и В.Н. Владимирова почти все виды жемчужника с разделителем выделены в одну группу № 3 [14, рис. 5–8], то же произошло и с валиковой керамикой, вошедшей в группу № 12 [14, рис. 20–22]. Поэтому сопоставлять на основе этой работы керамику из Горного Алтая с предгорной можно лишь приблизительно. Вопрос о взаимодействии скотоводов Горного Алтая и предгорий требует особого рассмотрения. Отметим, что население, оставившее поселения типа Точильное-1, и «пазырыкцы», по-видимому, представляли собой две родственные племенные группы. Последние исследования в северо-западных предгорьях на реках Чарыш и Алей [393] подтверждают мнение С.С. Черникова о существовании крупного племенного объединения, занимавшего «северную часть территории Восточного Казахстана, Горный Алтай и прилегающие степи» [359, с. 133].

Относительно культурной принадлежности и хронологии керамики из средневекового слоя № 1 что-либо определенное сказать трудно. Поселения этого времени в Горном Алтае почти не исследовались [198, с. 46]. Керамика средневекового облика встречена автором в верхних слоях на 27 многослойных поселениях [386], однако датирующих вещей с ней не было найдено. Не датируются пока два близлежащих средневековых городища у с. Чепош (Нижний Чепош 3, 4) и средневековый слой поселения Карасу-2 (см.: 392, рис. 1а), на которых получено значительное количество материала, в чем-то близкого рассмотренному.

Хозяйство

О наличии земледелия по материалам поселения Партизанская Катущка судить сложно — найден всего один обломок куранта во втором слое. Несравнимо больше данных по скотоводству и охоте.

В результате работ на поселениях с керамикой скифского времени автором было получено около 10000 костей домашних и диких животных. Анализ материала позволил установить зависимость процентного соотношения костей животных от особенностей природно-климатических условий засушливых и увлажненных районов Горного Алтая.

Отмечалось, что видовой состав стада скотоводов I тыс. до н.э. менялся в зависимости от природно-ландшафтных условий примерно в том же диапазоне, что и стадо у алтайцев в XIX в. [61; 389]. Обосновывалось мнение о правомерности расчетов соотношения разводимых и некоторых диких животных по количеству костных остатков [61, с. 96–97].

На поселении Партизанская Катущка было найдено 2488 фрагментов костей животных, из них определимых — 1609 шт. (табл. 2). Группировка материала была произведена по слоям: 1 — средневековый до глубины 27–30 см; 2 — скифского времени (25–55 см); третий слой с керамикой скифского времени и эпохи энеолита (55–75 см).

Поскольку взаимопроникновение керамики верхнего и нижних слоев было незначительным, то вывод об относительной чистоте керамического комплекса средневекового слоя распространяется и на остеологический материал. Перемещение этих артефактов в результате перекопов (человеком, кротами и другими животными) происходит аналогичным образом, с той лишь разницей, что определимые (зачастую более крупные) фрагменты костей перемещаются из первоначального положения труднее, нежели мелкие. Третий слой содержал значительное количество керамики скифского времени, а, следовательно, в той же степени был разбавлен более поздним остеологическим материалом. Вместе с тем, встречаемость значительного количества костей в нижнем слое рядом с афанасьевской керамикой не оставляет сомнений в их отношении к эпохе энеолита. Подтверждается последнее и одинаковой долей диких животных во всех слоях (табл. 2). Соотношение костей из неолитического слоя Партизанской Катущки не соответствует данным по поселениям Балыктыкуль, Узнезя-1, Кара-Тенеш и Тоора-Даш [60, с. 15; 279, с. 97, рис. 6], но и они не согласуются друг с другом. Судя по слабой насыщенности слоя, долговременного поселения в энеолите на Партизанской Катущке не было, но это не означает, что мы имеем дело с летней стоянкой [149, с. 148]. Расположение в этой местности афанасьевских могильников в устье Куюма, у сел Чепош и Муны [39, с. 92] однозначно указывает на использование данного участка реки Катунь в качестве зимника в системе сезонных вертикальных перекочевков. Обнаружение афанасьевских погребений на плоскогорье Укок [88] выше границы леса (около 2400 м над ур. моря), где земледелие невозможно, а охота по сравнению с другими, более низкими районами малопродуктивна, говорит о скотовод-

ческой направленности хозяйства афанасьевцев. Состав их стада должен был в общих чертах соответствовать фиксируемому в скифское время: лошади, овцы (козы) и крупнорогатый скот. По наблюдениям автора в 1976–1978 гг., содержание скота на подножном корме на Укоке сопряжено с большими трудностями. В периоды сохранения высокого снежного покрова на плоскогорье и в долинах рек Акалаха и Калгуты крупнорогатый скот без подкормки или расчистки пастбищ обречен на гибель, так как не способен тебеневать, а традиционных в таких случаях источников питания (высокий камыш, ветви деревьев) здесь нет. Неоднократно приходилось наблюдать известный прием поочередного выпаса на зимнем пастбище: сначала кормились лошади, разбивавшие и разбрасывавшие снег, а затем овцы и коровы. Последние содержались всегда в небольшом количестве. Зимой 1977/78 гг. из-за глубокого снега и сильных морозов, несмотря на незначительную подкормку, погибло большое количество овец. Ослабленных вывозили вертолетами в расположенную ниже долину р. Джазатор. Погибла также и часть чарлыков. Очевидно, без табунов лошадей стабильная хозяйственная деятельность афанасьевцев на плоскогорье Укок была бы невозможна.

Интересны довольно представительные материалы скифского (624 определимых кости) и средневекового (864 определимых кости) слоев. На таблице 2 хорошо видна тенденция к изменению состава стада: на всем протяжении существования поселения растет количество лошадей, а доля крупного и мелкого рогатого скота уменьшается. Стадо, таким образом, становится более подвижным и стойчивым к многоснежным зимам. Состав средневекового стада по материалам многолойдного поселения Тыткескень-3 [198, табл. 1] отличается более высокой долей телкого рогатого скота и меньшей — лошадей, что можно объяснить засушливым климатом этого района. По-видимому, с эпохи неолита и до современности стадо скотоводов Горного Алтая содержало один и тот же набор животных. Менялось лишь их соотношение.

Охота давала жителям поселения мясо, шкуры, меха, рог, кость. Особое значение имел промысел косули, занимавшей значительное место в питании скифского и средневекового населения Горного Алтая [389, с. 55–56]. Судя по костным остаткам, косуля употреблялась в пищу почти в том же количестве, что и овца: соответственно 15% и 19% (табл. 2). Еще выше (до 19%) доля косули на поселении Тыткескень-3 [198, табл. 1, 2].

Обитание в аналогичных природных условиях и близость хозяйственной жизни обусловили одни и те же места проживания древних скотоводов Горного Алтая [384; 385; 386]. На поселении Партизанская Катущка это демонстрируется непосредственной близостью заглубленных относительно древней поверхности очагов эпохи энеолита, скифского времени и средневековья (рис. 1, 3). Картографирование мест расположения в Горном Алтае курганов и поселений выявило их приуроченность к скотоводческой зоне, характеризующейся слабым снежным покровом на долинных и склоновых пастбищах. Многоснежные низкогорья Северного и Северо-Западного Алтая образуют пояс с неблагоприятными условиями для скотоводства и малым количеством памятников [58; 383; 389]. Автором оговаривалась возможность проживания там скотоводов в связи «с климатическими колебаниями или их оттеснением другими племенами» [58, с. 102]. Дальнейшие исследования подтвердили объективность предложенной схемы. Однако афанасьевские, скифские и средневековые памятники во все большем количестве выявляются и в увлажненном поясе (реки Чарыш, Ануй и их притоки), и в среднем течении Катуня (см.: 39, с. 19). Выясняется, что благодаря особенностям рельефа и ветров во многих относительно замкнутых долинах по рекам Катунь, Песчаная, Ануй, Чарыш и их притокам существует микроклимат — в зимнее время выпадающий снег сдувается и растапливается солнцем. Это обеспечивало в древности более или менее стабильное существование отдельных групп скотоводов. Однако крупных могильников с погребениями знати (за исключением долины Сентелека) здесь не сложилось.

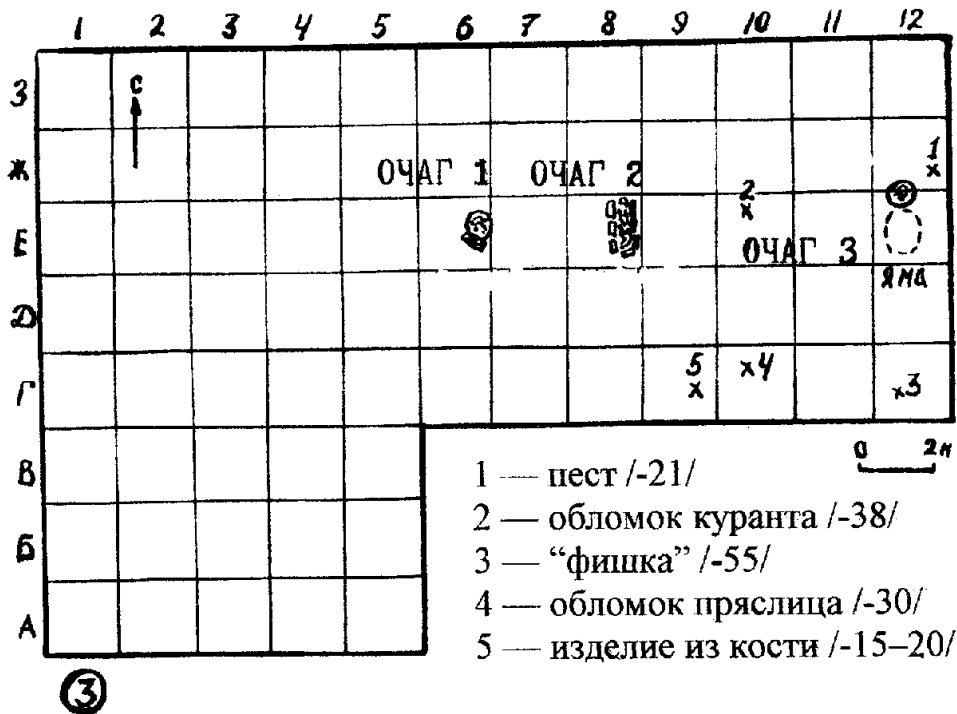
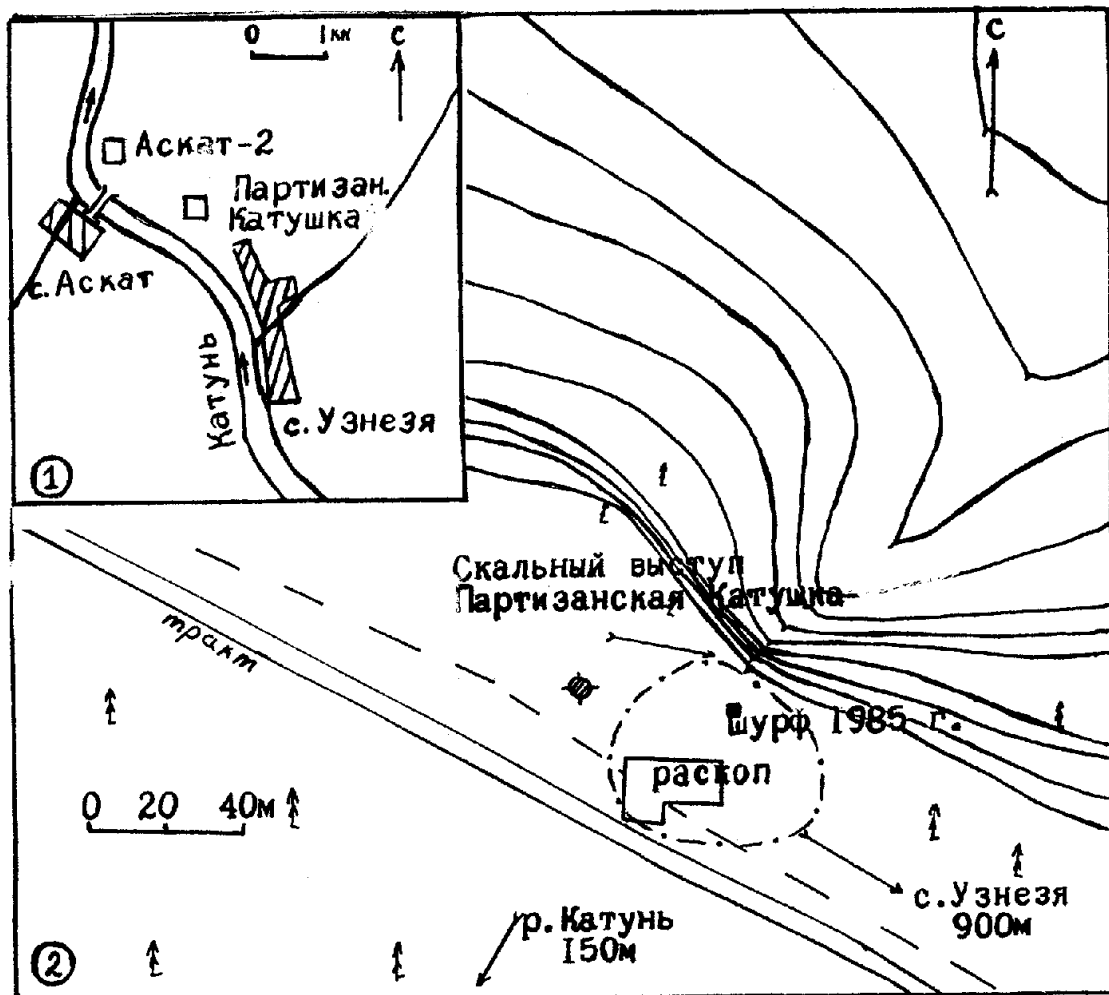

Рис. 1. 1 — карта-схема расположения поселений Партизанская Катущка и Аскат-2; 2 — план поселения Партизанская Катущка; 3 — поселение Партизанская Катущка. План раскопа

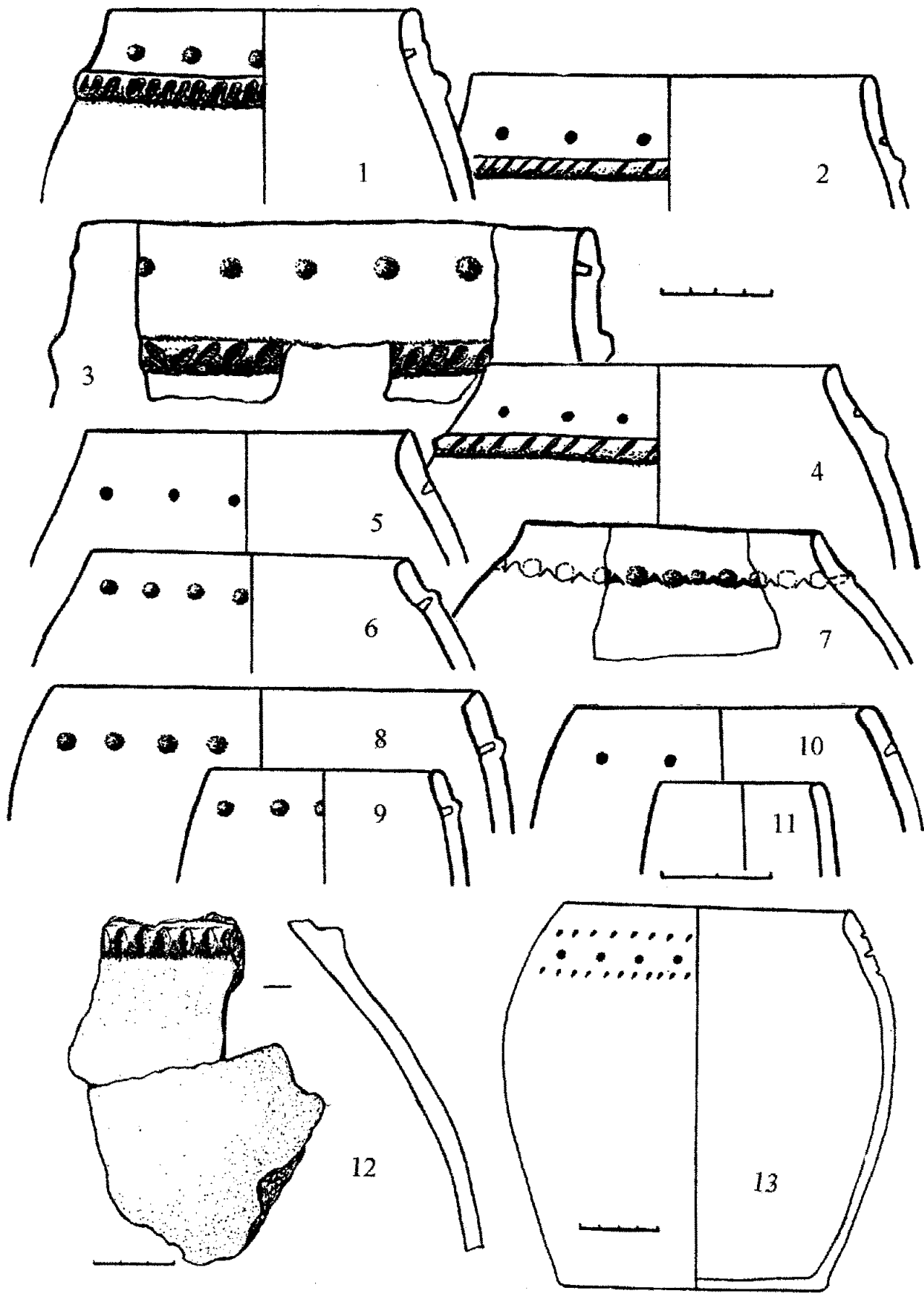

Рис. 2. Поселение Партизанская Кагушка.

Баночные сосуды (1-12); Поселение Узнезя-7 (13)

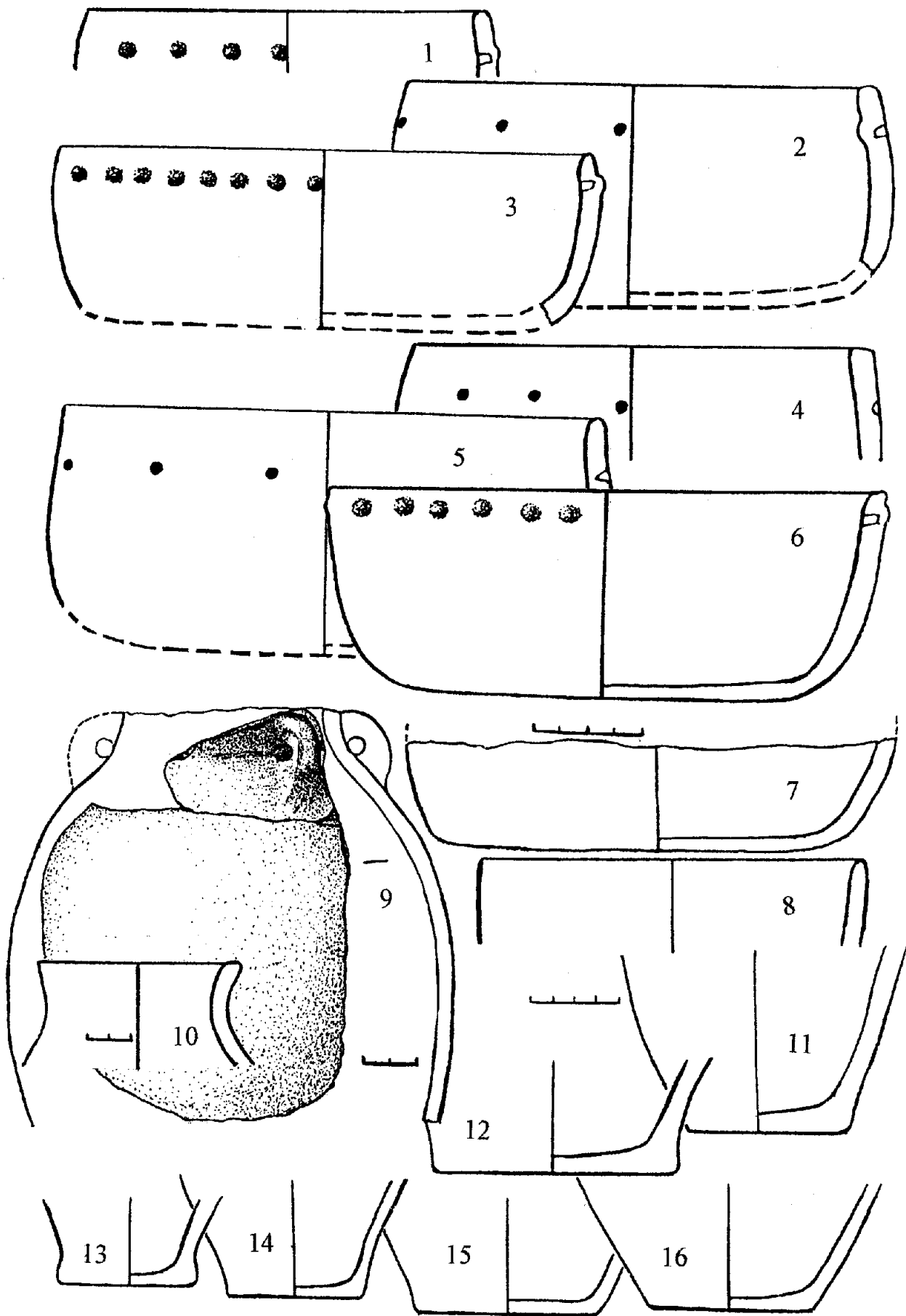

Рис. 3. Поселение Партизанская Катюшка. Чаши (1-8);
кринки (9,10); днища сосудов (11-16)

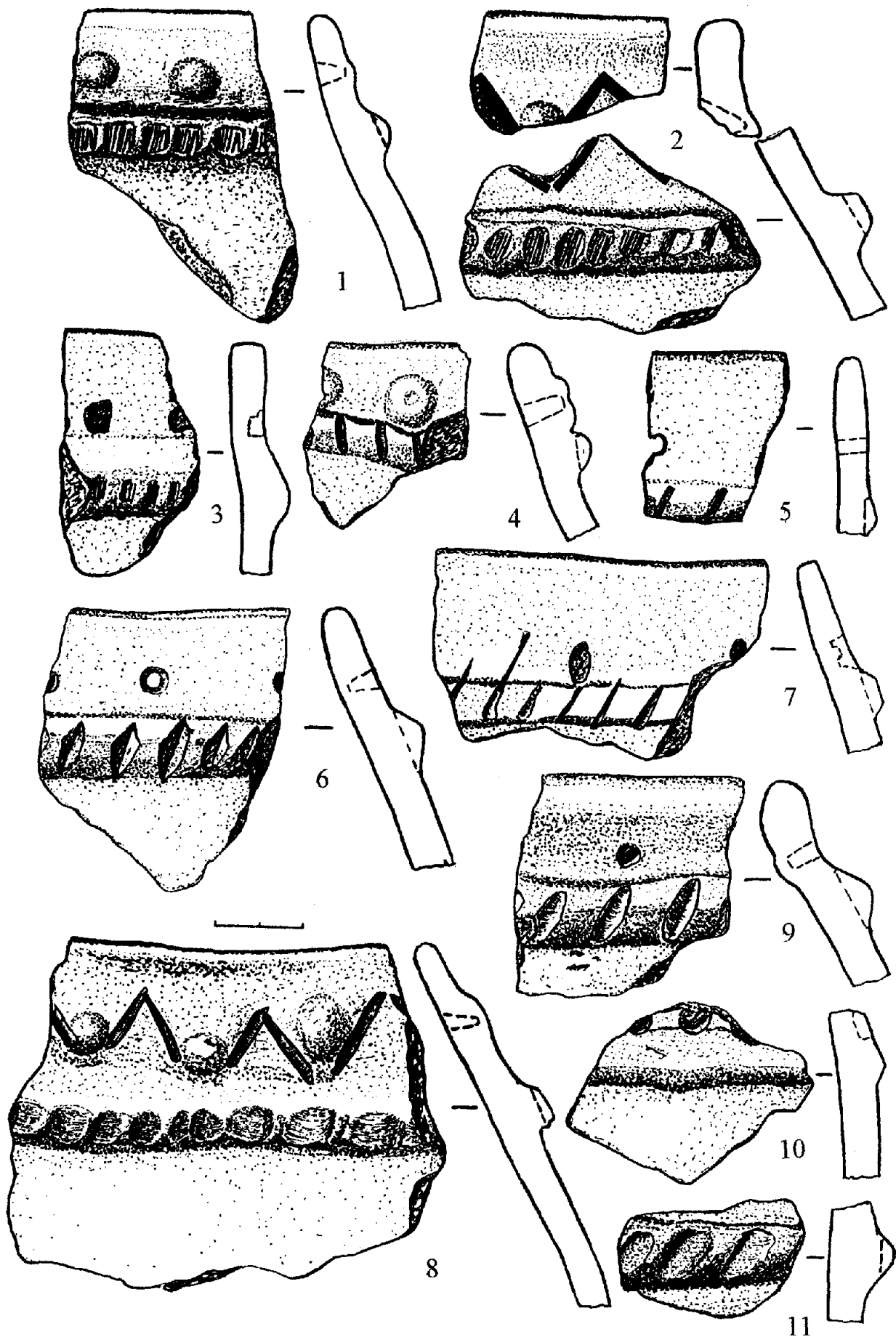

Рис. 4. Образцы орнаментированных валиков из поселений Партизанская Катюшка (1-7, 9-11) и Аскал-2 (8)

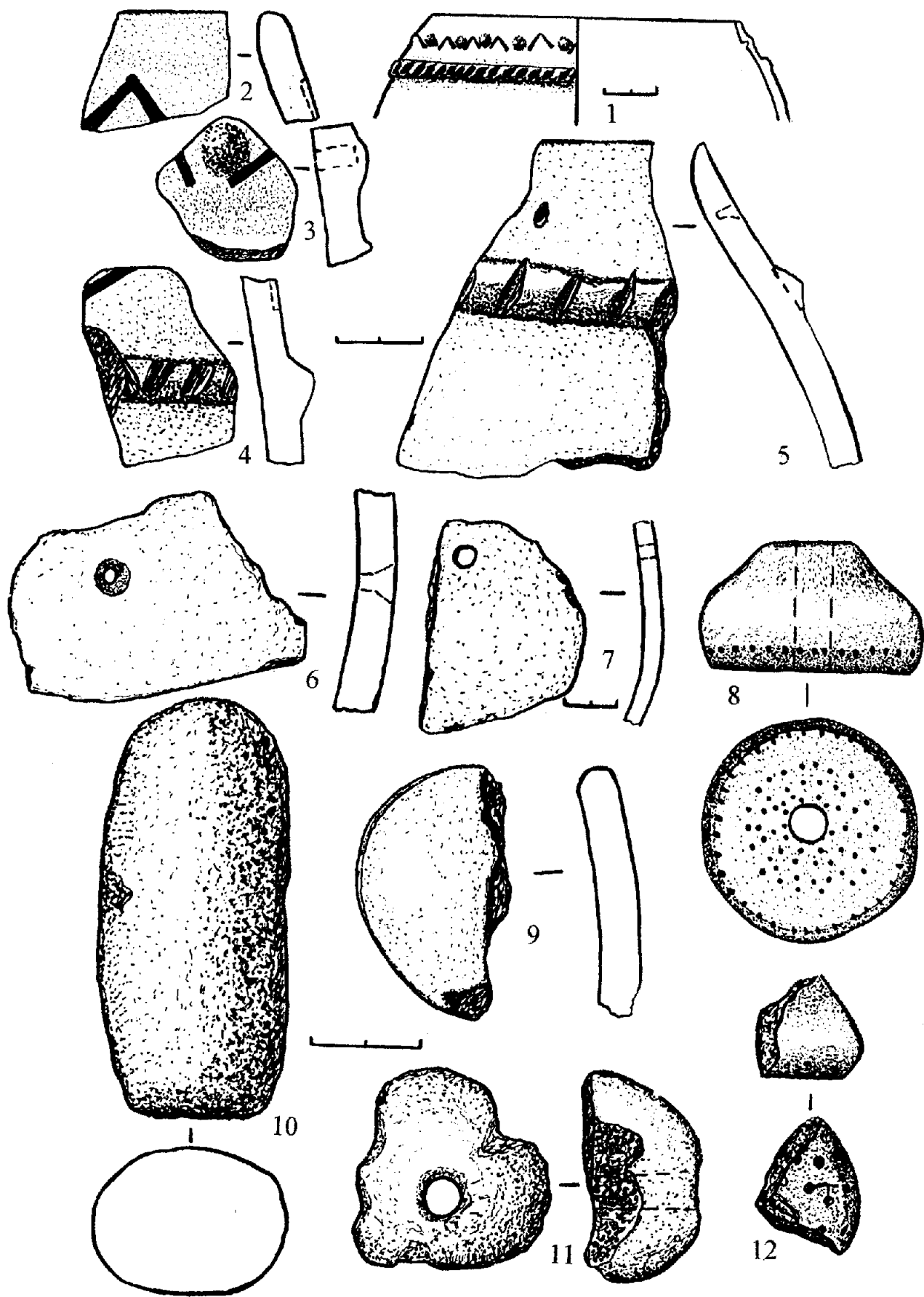

Рис. 5. Поселение Партизанская Катущка (2-12); реконструируемый сосуд из поселения Аскат-2 (1); керамика (1-9,12); камень (10); кость (11)

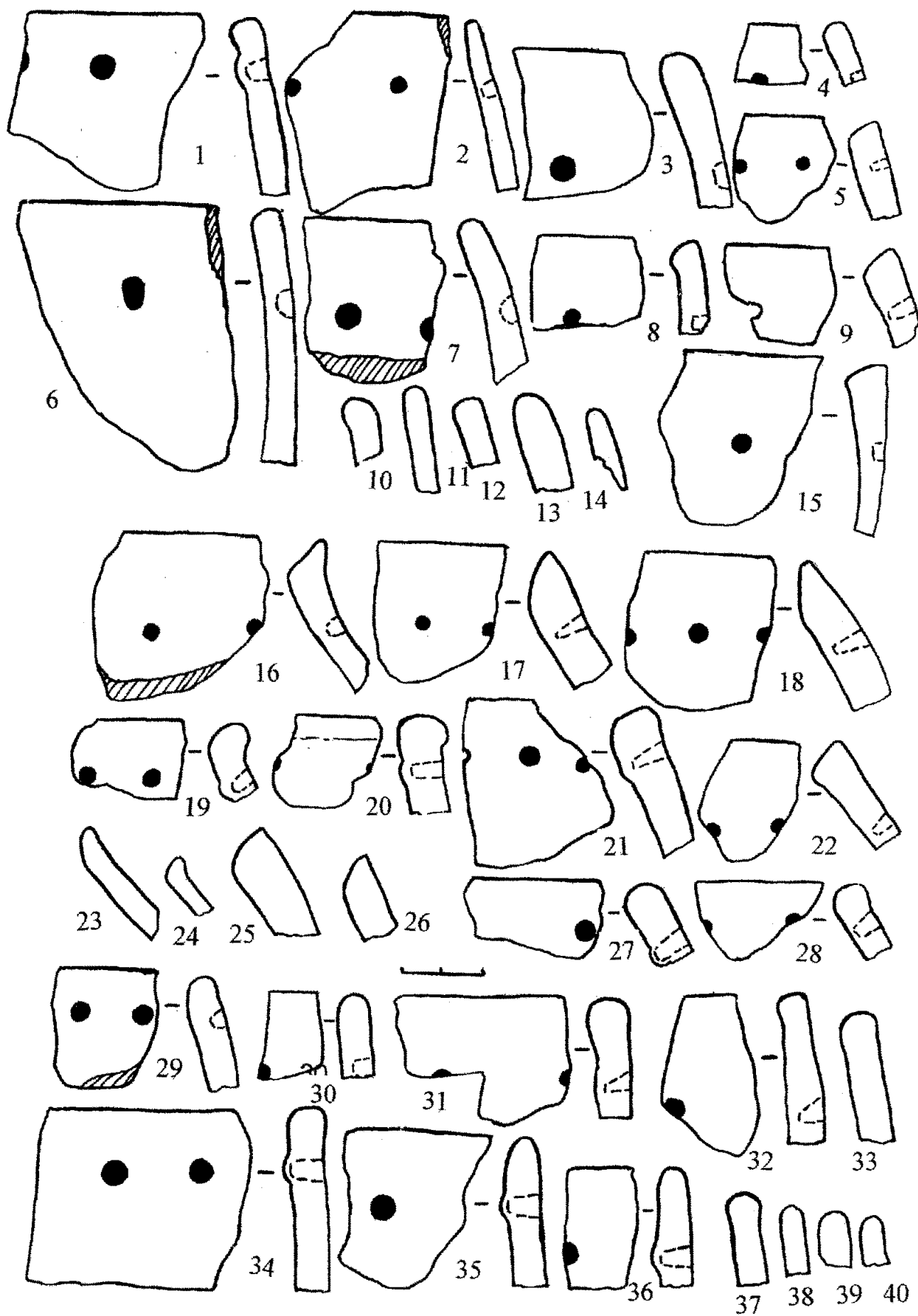

Рис. 6. Поселение Партизанская Катужка. Керамика из второго (1,4-8, 15-39) и третьего (2,3,9-12,14,40) слоев

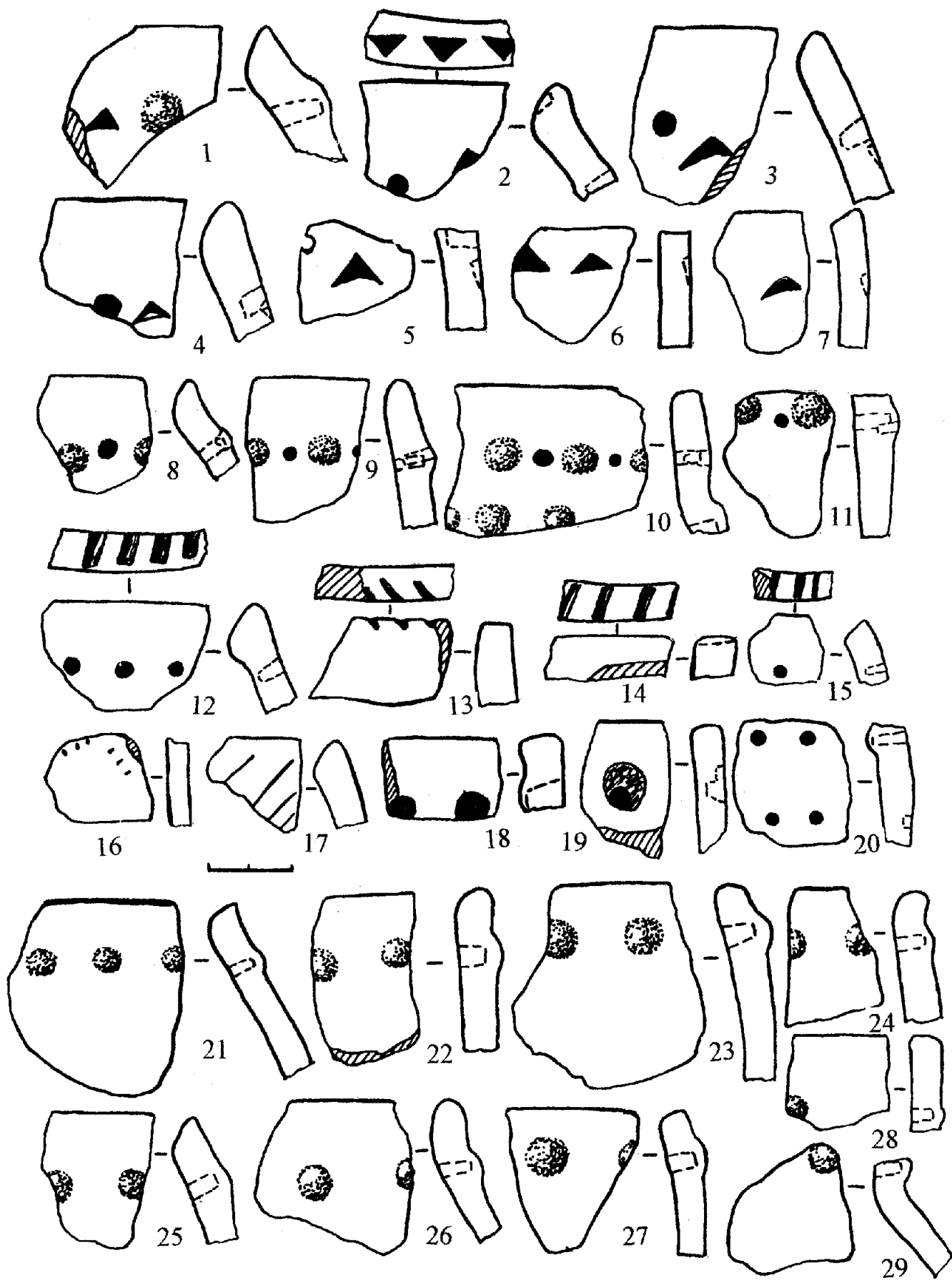

Рис. 7. Поселение Партизанская Катущка. Керамика из первого (4,9,12,18,25), второго (3,5-8,10,14,15-17,19-24,26,28) и третьего (1,2,11,27,29) слоев и очага № 3 (15,28)

Таблица 1

Виды орнаментов на поселениях среднего течения Катуня
и Центрального Алтая

Наименование поселения	Основные виды орнамента / в % /										Кол-во учтенных венчиков
	●●● МММ ●●●	○○○	●●●●	△△△△	▲▲▲		●●● 	○○○ 	△△△ 	▲▲▲ 	
Элекмонар - 4	58	16	6	8	—	2	4	—	6	—	50
Партизанская Катущка	52	16	3	1.5	3	2.2	7.4	4	—	3	136
Асгат - 2	54	13	1.8	—	—	1.8	7.1	4	—	2	112
Куротинский Лог - 1	61	13	2	1	—	2	5	2	—	—	101

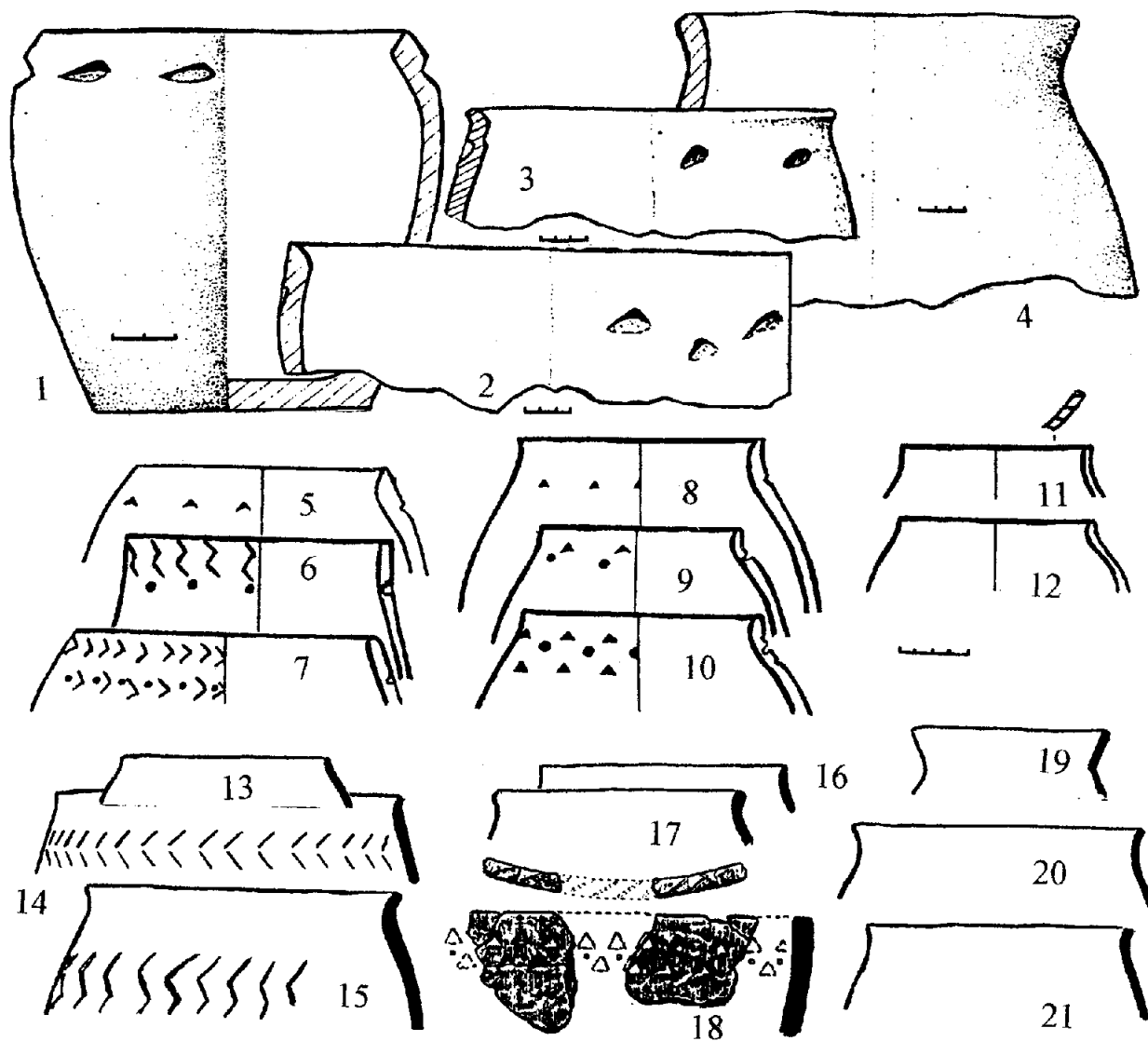

Рис. 8. Керамика из могильника Бийке (1-4), поселения Кастакхта-3 (5-12) и Второго Башадарского кургана (13-21)

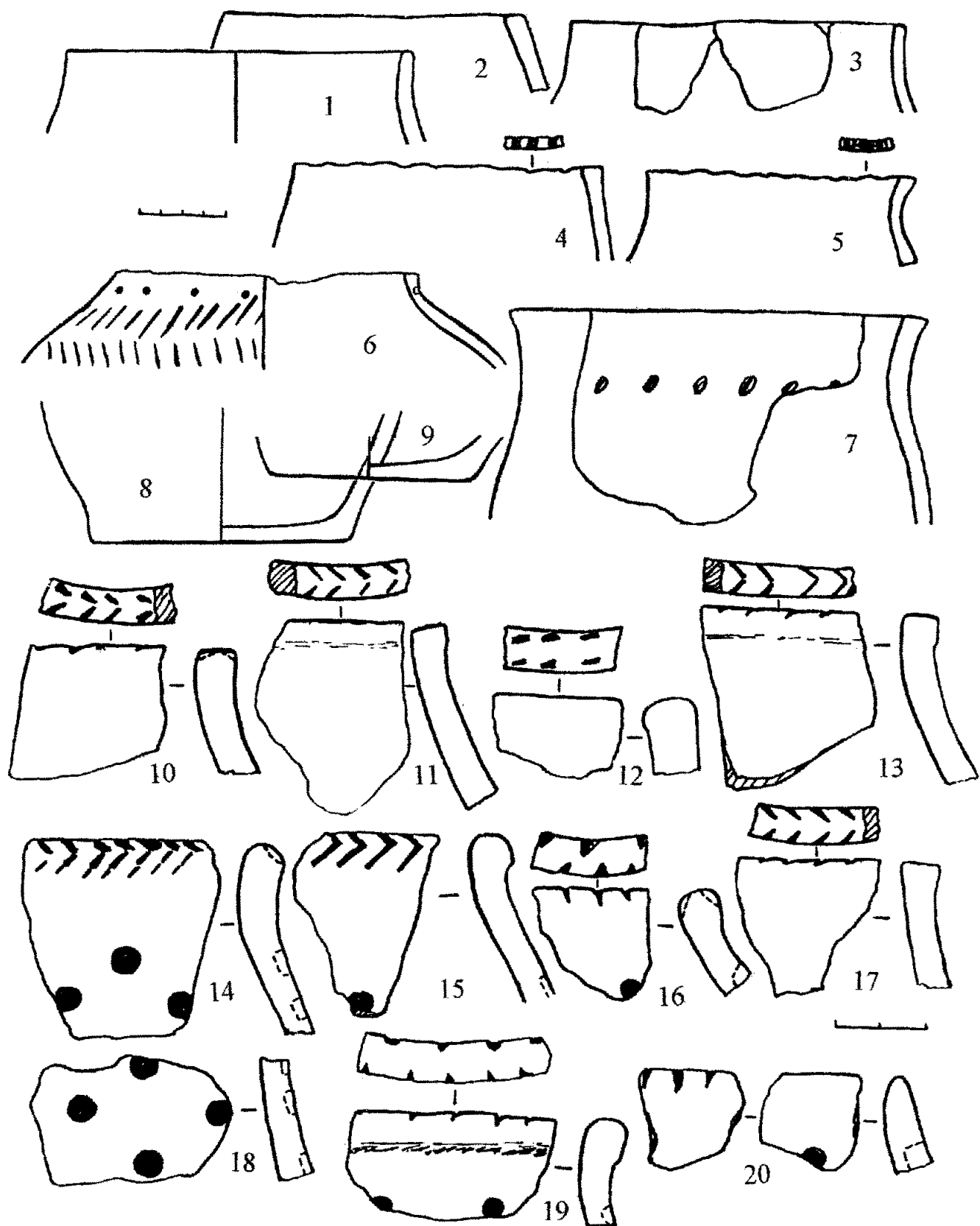

Рис. 9. Поселение Партизанская Катущка. Средневековая керамика из первого слоя

Рис. 10. Поселение Партизанская Катущка. Средневековая керамика из первого слоя

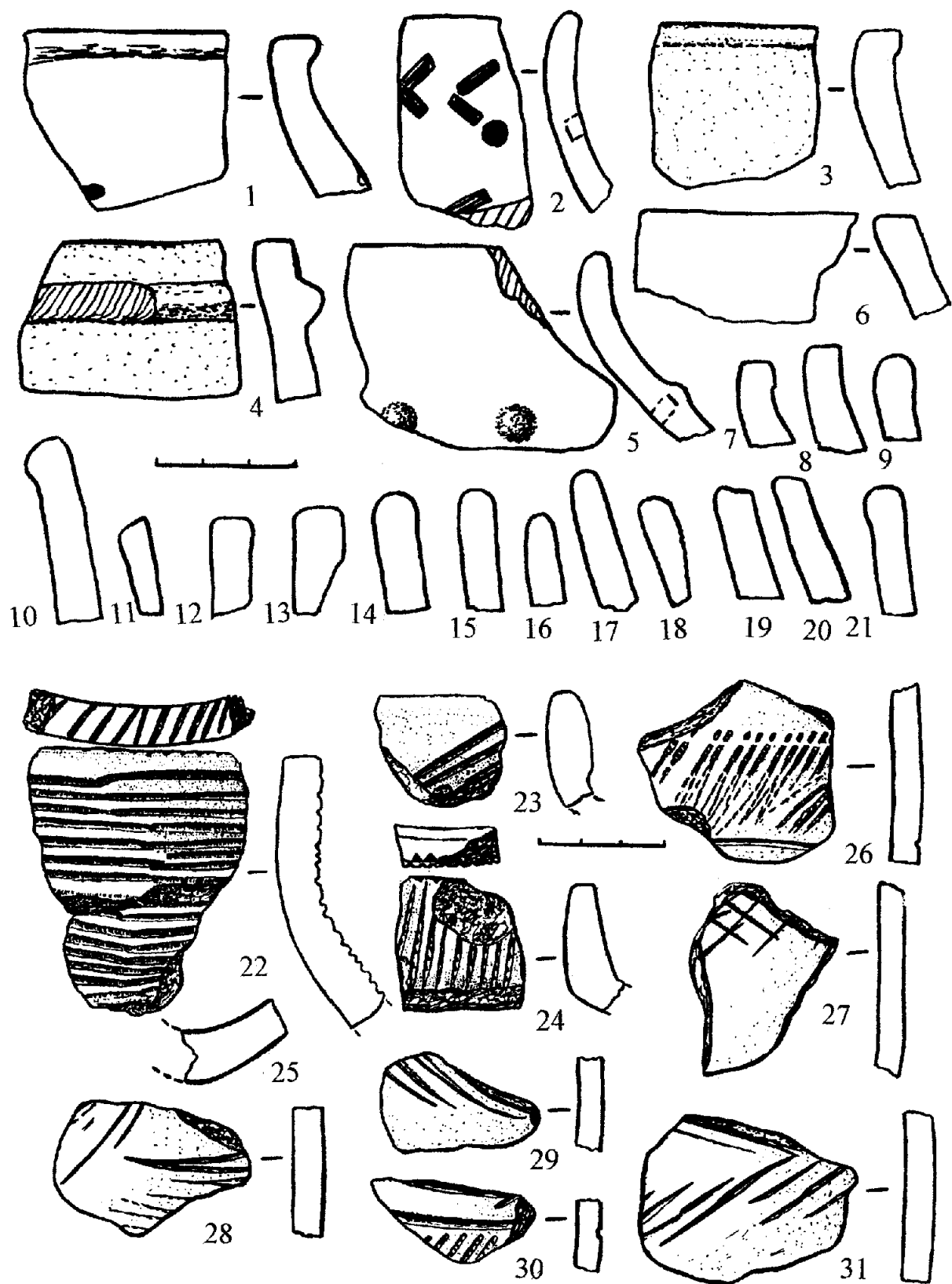

Рис. 11. Поселение Партизанская Катущка. Средневековая керамика из первого слоя (1-21), афанасьевская керамика (22-31)

Таблица 2

Остеологический материал поселений Партизанская Кагушка, Элекмонар-4

№ слоя	общее кол-во костей	количество опреде- лимых костей	по составу стада / в % /					по всем животным / в % /														
			лошадь	овца	коза	общий % м.р.с.	к.р.с.	лошадь	овца	коза	общий % м.р.с.	к.р.с.	собака	когуля	марал	лось	кабан	мелгвель	кабарга	уаерен	лиса	
1	1193	864	48.8	28.8	2.6	31.4	19.4	37.5	22.1	2.0	24.1	0.3	12.5	4.3	1.2	1.3	-	-	-	1.5		
2	1112	624	42.4	27.5	8.4	35.9	21.6	31.4	20.4	6.3	26.7	-	16.7	3.2	3.8	1.9	0.2	0.2	-	-		
3	183	121	40.2	18.5	9.8	28.3	31.5	30.6	14.0	7.4	21.4	0.8	15.7	5.8	-	1.7	-	-	-	-		
средний %			43.8	24.9	6.9	31.9	24.2	33.2	18.8	5.2	24.1	18.3	15.0	4.4	-	1.6	-	-	-	-		
	457	312	49.6			23.0	27.3	40.7			18.9	22.4	7.4	0.7	-	-	-	-	-	9.6	0.3	
	100%		66.2	2.6	2.8	5.4	28.4	в %			Стадо у алтайцев 10й дюжины / реки Кагунь, Сема, Черга, Куюм, Чемал, Майма, Элекмонар и др. / в XIX в.											
	5290		3500	140	150	290	1500	кол-во голов														

Партизанская
Кагушка

Элекмонар-4

Поселение Майма 1 и культурно-хронологическая атрибуция земледельческих поселений Горного Алтая

До недавних пор поселенческая археология Горного Алтая, за исключением эпохи палеолита, являлась белым пятном в истории этого региона. Еще 20 лет назад предпочтение отдавалось изучению ярких погребальных комплексов бронзового и железного веков, что препятствовало всесторонней реконструкции жизни древних насельников. Лишь с конца 70-х годов положение стало меняться, и несомненная заслуга в этом, прежде всего, принадлежит П.И. Шульге, открывшему и частью изучившему более 100 поселений, главным образом, эпохи раннего железа. Итогом его исследований стала диссертационная работа «Поселения раннего железного века в Горном Алтае» (1990 г.) и публикация более 15 статей по той же тематике.

Для периода VII–IV вв. до н.э. П.И. Шульгой были выделены три типа поселений: 1) скотоводческие, находящиеся в степенной зоне, соотносимые с пазырыкскими, и, учитывая мнение П.И. Шульги о единой культуре скифского времени Горного Алтая [383, с. 21–22], каракобинскими могильниками; 2) смешанные, не имеющие определенной культурной атрибуции и тяготеющие к предгорьям; 3) земледельческие, расположенные в увлажненной зоне и оставленные коренным, допазырыкским населением [384, с. 84–85; 385, с. 10–11; и другие работы].

Несмотря на такое кажущееся различие, три из опубликованных поселений (Асгат 2, Элекмонар 4, Чепош 2) [387, с. 65; 390, с. 66–67; 392, с. 119–120], относимые соответственно к трем группам, располагаются на участке средней Катуня протяженностью около 25 км [392, рис. 1а] в сходных географических условиях [389, с. 51]. Остается непонятным, каким образом на таком небольшом участке реки могли проживать минимум четыре разнокультурные группы (при учете каракобинцев). Каждой из них, или по крайней мере трем, соответствует свой хозяйственно-культурный тип, который должен был повлиять на идеологию, следовательно, и погребальную обрядность. Такого не зафиксировано ни в археологии скифского

времени Горного Алтая, ни в этнографических материалах. Все этнографические группы алтайцев (алтай-кижи, телесы, теленгиты, телеуты, кумандинцы, челканцы, тубалары), различаясь зачастую особенностями духовной и материальной культуры, проживали соответственно в разных географических зонах. Реконструируя систему хозяйства населения скифского времени, П.И. Шульга ссылается именно на данные по дюжинам Горного Алтая XVIII–XIX вв. [61, с. 95–96, табл. 1–5].

Не касаясь анализа первой и второй групп поселений, хотелось бы остановиться на третьей, датировка и культурная принадлежность которой наиболее спорны. Основное отличие ее керамики от двух первых состоит в отсутствии орнаментации валиками и жемчужинами. Интерпретацию земледельческих поселений как оставленных коренным, допазырыкским населением подтверждает и их датировка VII–IV вв. до н.э. [385, с. 10; 392, с. 110, 112, 120]. Однако единственные археологические памятники Горного Алтая, предшествующие пазырыкским – майэмйрские. Все исследователи единодушно относят финал майэмйрской культуры к VI в. до н.э., и никому не известны майэмйрские могильники V–IV вв. до н.э. Достоверно неизвестна и майэмйрская керамика, хотя безуспешные попытки вычленить ее предпринимались. Это и неудивительно: сосудов в майэмйрских погребениях нет, а поселений, четко датируемых VIII–VI вв. до н.э., не найдено [316, с. 51]. Считать же орнаментацию ямками и уголком архаичным в рамках раннего железного века признаком нет никаких оснований. Вне комплексов эти признаки культурно-хронологической нагрузки не несут. Отмеченная П.И. Шульгой [392, с. 119] для соседних территорий тенденция замены на рубеже эр жемчужника ямками действительно существует, и исключать из этого процесса Горный Алтай пока преждевременно.

При датировке и характеристике третьей группы базовым является поселение Чепош 2. Для отнесения его к VII–IV вв. до н.э. выдвигалось два основных аргумента: 1) находка на Чепоше 2 бронзового кинжала и скопления керамики большереченской культуры переходного времени; 2) сходство основного керамического комплекса Чепоша 2, Кастахты и сосудов из насыпи кургана Башадар 2 [392, с. 112, 120]. Сами по себе датировка кинжала IV в. до н.э. и скопления керамики VII–VI вв. до н.э. особых сомнений не вызывают, но при этом непонятно, как они могут быть одновременны. Сомнительна

также и принадлежность этих находок основному комплексу поселения. Внутри и за пределами «жертвенника» (по трактовке П.И. Шульги), где обнаружен кинжал, были найдены кальцинированные кости животных, которые «сосуществовали» с обычной для Чепоша 2 керамикой [392, с. 112]. Подобное чепошскому кольцо из камней с кальцинированными костями животных было зафиксировано на поселении Боровое 3 и использовалось для плавки бронзы и отливки кельтов [4, с. 93–95]. Кости животных там могли применяться в качестве катализатора. В случае с Чепошем 2 возможно предположить попытку вторично использовать сломанный кинжал, тем более что его навершие сломано и проковано, а лезвие сломано. Остается голько вопрос о времени, когда эта попытка была предпринята. С другой стороны, «жертвенник», представлявший собой круг из плиток диаметром около 1 м [392, с. 109], сходен с поминальными пазырыкскими кольцами, отличаясь от них только материалом, из которого изготовлен.

Скопление большереченской керамики находилось в соседнем с «жертвенником» квадрате. Оно перекрывало яму 24 и располагалось рядом с ямой 25, являющейся, по видимому, краем разрушенного жилища [392, рис. 16, с. 112]. Общеизвестно, что поселения закрытыми комплексами не являются. Находки на них, в том числе и в Горном Алтае, инородной керамики лесостепного облика не единичны. Большереченская или позднебронзовая керамика происходит и с памятников средней Катунь: Малый Дуган, Зары-Бел, Кор-Кобы-1 [307; 314, рис. 4–1–4; 164, рис. 3–3, 4]. Во всех случаях находки посуды первой половины I тыс. до н.э. датируются только по аналогиям. Отсутствие на Чепоше 2 стерильных прослоек, соответственно и надежной стратиграфии, а также разбросанность большереченского сосуда на площади 1,5–2,0 кв.м заставляет предположить его переотложенность. Керамика могла быть выброшена при рытье котлована ямы 25 и таким образом перекрыть уже залитую яму 24.

Не менее спорен и вопрос о датировке и условиях находки керамики из земляной насыпи Башадара 2. К сожалению, автор раскопок производил снятие насыпи не полностью, траншеей и только до уровня погребенной почвы. Интересующая нас керамика была найдена в высшей точке земляной насыпи, не глубже 6 см, и вдавилась туда камнями [286, с. 32]. Эта высшая точка соответствовала грабительскому ходу и выбросу из него. В 400 м от кургана позднее было обна-

ружено поселение Текпенек-Боочи 2 с керамикой, близкой башадарской и обычной для поселений третьей группы, т.е. украшенной округлыми и уголковыми вдавлениями [392, с. 119].

Косвенным свидетельством в пользу того, что С.И. Руденко не разобрался в условиях находок в насыпи, являются последние раскопки больших пазырыкских курганов на плоскогорье Укок. Разрезы насыпей Ак-Алахи 2 и Башадара 2 совпадают почти до идентичности (сравни: 281, рис. 72; 286, рис. 13;). По Н.В. Полосьмак, высота кургана формировалась не благодаря сооружению специальной земляной насыпи, а главным образом за счет выброса из могилы, укладывавшегося вокруг нее [281, с. 60]. Здесь же следует отметить, что керамики, подобной башадарской, до сих пор более не найдено ни в одной насыпи кургана пазырыкской культуры, ни тем более в пазырыкском погребении.

Все вышесказанное ставит под сомнение как датировку третьей, земледельческой группы поселений VII–IV вв. до н.э., так и принадлежность ее к коренному, допазырыкскому населению. В данной ситуации видится единственный возможный выход: попытаться сопоставить материалы Чепоша 2 с более поздними, чем пазырыкские, памятниками. В этом отношении небезынтересно сопоставление с поселением Майма 1, отнесенным первоначально П.И. Шульгой, как и городище Черемшанка, к земледельческой группе [385, с. 10]. К VII–VI вв. до н.э. отнес Черемшанку и С.М. Киреев, изменивший затем свою точку зрения в сторону значительного омоложения материалов городища [133, с. 88; 135, с. 137].

В 1991 и 1993 гг. на Майме 1 было вскрыто 696 кв.м (на Чепоше 2 – 700 кв.м). В 1992 г. на основании раскопок поселений Майма 1, Ушлеп 5, городищ Курлап, Сайлап, Черемшанка и ряда других памятников для северных предгорий Алтая была выделена майминская культура, датированная предварительно концом I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э. [5, с. 61–62; 8, с. 3–5]. Дальнейшие раскопки на Ушлепе 5 и Майме 1 подтвердили правильность такой датировки. Часть находок с майминских памятников бытовала в достаточно широком хронологическом диапазоне. Это железные прямые черешковые ножи (рис. 1–8, Ушлеп 5, Курлап – 19, рис. 2–2; 290, рис. 1–12), черешковые и втульчатые костяные наконечники стрел (Майма 1, Курлап, Сайлап – 131, рис. 2–4; 132, рис. 2–1; 290, рис. 1–3–6), глиняные пряслица с концен-

трическим орнаментом и без него (Ушлеп 5, Курлап, Майма 1 – 19, рис. 2–3; 131, рис. 2–1, 3; 132, рис. 2–6; 204, рис. 2–4; 290, рис. 1–8–10) и ряд других изделий.

Другая часть находок распространена менее широко. Железные вытянуто- и асимметрично-ромбические наконечники стрел (рис. 1–2, 3), подобные найденным на Ушлепе 5, датируются в пределах II в. до н.э. – V в. н.э. [204, с. 101; 352, рис. 25–1–14; 36–1–6; 49–1–3; 58–1–5]. Железные кельты, сходные с находкой на Майме 1 (рис. 1–1), бытовали в Западной Сибири с I в. до н.э. по IV в. н.э. [362, с. 58–59]. Костяные орнаментированные украшения-амулеты (Майма 1 – рис. 1–7) имеются в буланкобинских погребениях Горного Алтая [70, табл. V–1, 2; VI]. Там же можно встретить и упомянутые выше наконечники стрел [70, табл. IV–3, 4; V–5]. Широко распространены в южносибирских материалах хуннского времени концевые накладки на лук (рис. 1–10), подобные майминской [83, табл. 10–25, 28, 30, 31; 227, рис. 6–1; 352, рис. 2; 16–8, 9; 57–1, 3, 12; и др.), а также наконечники стрел с раздвоенным насадом (Майма 1, Курлап – рис. 1–4–5) [185, рис. 21; 352, рис. 11–19; 16–5–7; 50–13; 58–7, 13, 14]. Серединой I тыс. н.э. датируются в Горном Алтае находки вогнутых черешковых железных ножей [59, табл. V–3; 198, рис. 4–8, 9, с. 46]. На городище Курлап было найдено также пряслице, украшенное уточкой (рис. 1–6), орнаментом, характерным для кулайской культуры. В эти же хронологические рамки ложится и серия радиоуглеродных дат, полученная по поселению Ушлеп 5. Правильность выделения майминской культуры подтверждают своеобразие ее керамического комплекса и первые погребения этого времени, вроде бы отличные как от фоминских, так и от буланкобинских [132, с. 168; 134, с. 40].

Сравнение поселений Чепеш 2 и Майма 1 обнаруживает их значительное сходство. Оба памятника имеют мощные (0,85–1,0 м) и насыщенные культурные слои. На Чепеше 2 (здесь и далее – по данным П.И. Шульги – 392) найдено 4476 фрагментов керамики, не считая неполных развалов, на Майме 1 – более 5300 (далее: первая цифра – Чепеш 2, вторая – Майма 1). Ввиду плохой сохранности костных остатков в культурном слое Чепеш 2 возможно рассчитать количество находок на один кв.м только без учета остеологических материалов. Оно составляет соответственно 6,5 и 7,5. В число находок входит значительное количество каменных орудий (около 60-ти и 128), в том числе 16 и 17 зер-

потерок и курантов. Остальные изделия функционально идентичны для обоих памятников. По мощности и насыщенности культурных слоев Майма 1 и Чепеш 2 существенно отличаются от пазырыкских [384, с. 84; 392, с. 120] и быстрианских поселений. На шести быстрианских памятниках (Точильное 1, 8, 10, Заречное, Боровое 3, Солонцы 1), где вскрыто более 2800 кв.м, найдено всего 76 каменных орудий. Слабее на них, соответственно, и культурные слои.

На Ушлепе 5 и Майме 1 имеются достаточно специфические объекты: небольшие (9–12 кв.м) хозяйственные постройки, ямы, имеющие в разрезе бочонковидную или грушевидную форму и использовавшиеся хотя бы частью для плавки металла и обжига керамики. Основную массу остеологических материалов (для Чепеша 2 – из ям) составляют кости домашних животных со сходным видовым составом: преобладает мелкий рогатый скот, меньше лошадей и крупного рогатого скота. Чепеш 2 и Майма 1 сходны также наличием свидетельств земледелия, отличаясь в этом от быстрианских и пазырыкских поселений. Если на Чепеше 2 это только зернотерки и куранты, то на Майме 1 и Ушлепе 5 помимо этого – жатвенные ножи, мотыга и россыпи зерна. Такой факт едва ли следует считать случайным. Для хуннского времени (в нашем случае – для времени существования майминской культуры) – китайские источники отмечают у кочевников Центральной Азии расцвет земледелия, не фиксируя этот род занятий в более раннее время [81, с. 119]. Скорее всего, процесс увлажнения происходил и на Алтае, причем в условиях гор и предгорий он мог затянуться.

Близки между собой и керамические комплексы обоих поселений. И на Чепеше 2 (рис. 3), и на Майме 1 (рис. 2) формы сосудов представлены плоскодонными горшками, чашами и банками при преобладании двух первых. Орнамент в виде ямок составляет на Чепеше 2 – 71%, на Майме 1 – 76%, гребенчатая и гладкая елочка, пояски наклонных линий соответственно 22% и 14%, гребенчатый штамп – 6% и 1%. Существенным различием является преобладание в орнаментации керамики Чепеша 2 ямок в сочетаниях (рис. 3–1, 3, 5, 6, 10), а на Майме 1 – одного ряда ямок (рис. 2–1, 2, 4, 5, 7, 8).

Утверждение П.И. Шульги [392, с. 119] о «средневековом» облике керамики памятников майминской культуры действительности не соответствует. О сходстве форм и орнаментации посуды Маймы 1 и Чепеша 2 уже говорилось. По внешнему облику в силу различного состава формовочных масс, раз-

ных глин и обжига эта единокультурная керамика различается, что однако не дает оснований относить данные памятники к разным эпохам. Материалы и Маймы 1, и Чепоша 2 отличаются от опубликованных в настоящее время средневековых поселений Горного Алтая и предгорий (Новозыково 3, Майма 14, Бертка, Сары-Бел, Тыткескень 3) как по форме, так и по обжигу (сравни: 96, рис. 7-1,4; 125, с. 71; 132, рис. 11; 164, рис. 3-10; 198, рис. 4; 6-4-9;). Горноалтайская и предгорная средневековая посуда более близка одинцовской и позднесросткинской керамике [3, рис. 1-1-3; 2-8-11; 77, табл. XXXI, XL, XLVI, LIX-7-13; 126, рис. 1 и другие работы), чем майминской и чепошской.

В конечном итоге следует подчеркнуть, что Майма 1 и Чепош 2 сходны между собой по целому ряду признаков: мощности и насыщенности культурных слоев, комплексу находок, типу хозяйства и отличны в этом от поселений скифского времени. Но, самое главное, сходство это проявляется в формах и орнаментации керамики, а последнюю следует считать одним из важнейших этнокультурных показателей. Зачастую именно керамика определяет культурную принадлежность и даже возраст археологических памятников, и в данной ситуации видится именно такой случай.

Это не значит, что предлагается считать Чепош 2 майминским поселением, в чем ме-

ня бесосновательно обвинил П.И. Шульга [392, с. 119]. В 1992 г. [5, с. 62], как и сейчас, я полагаю более основательным соотнести Чепош 2 и земледельческие поселения с буланкобинскими могильниками. Основанием для этого является значительное сходство Чепоша 2 с Маймой 1, отличие от собственно пазырыкских поселений (первая группа), отсутствие обоснованной датировки поселений третьей группы (земледельческих) и совпадение территории их нахождения с ареалом распространения горноалтайских погребальных комплексов конца I тыс. до н.э. — первой пол. I тыс. н.э. Такая культурно-хронологическая атрибуция земледельческих поселений кажется мне более обоснованной, чем соотнесение их с неизвестным никому коренным допазырыкским населением VII—IV вв. до н.э. В этом случае, как и в скифское время, оказывается, что Горный Алтай и его северные предгорья населяли родственные или хотя бы близкие по хозяйственно-культурному типу коллективы людей, отличные от обитателей лесостепной зоны. Тем не менее, до тех пор, пока в буланкобинском погребении не будет найден сосуд чепошского типа или на земледельческом поселении не обнаружат датирующих вещей хуннского времени, вывод этот окончательно считать нельзя.

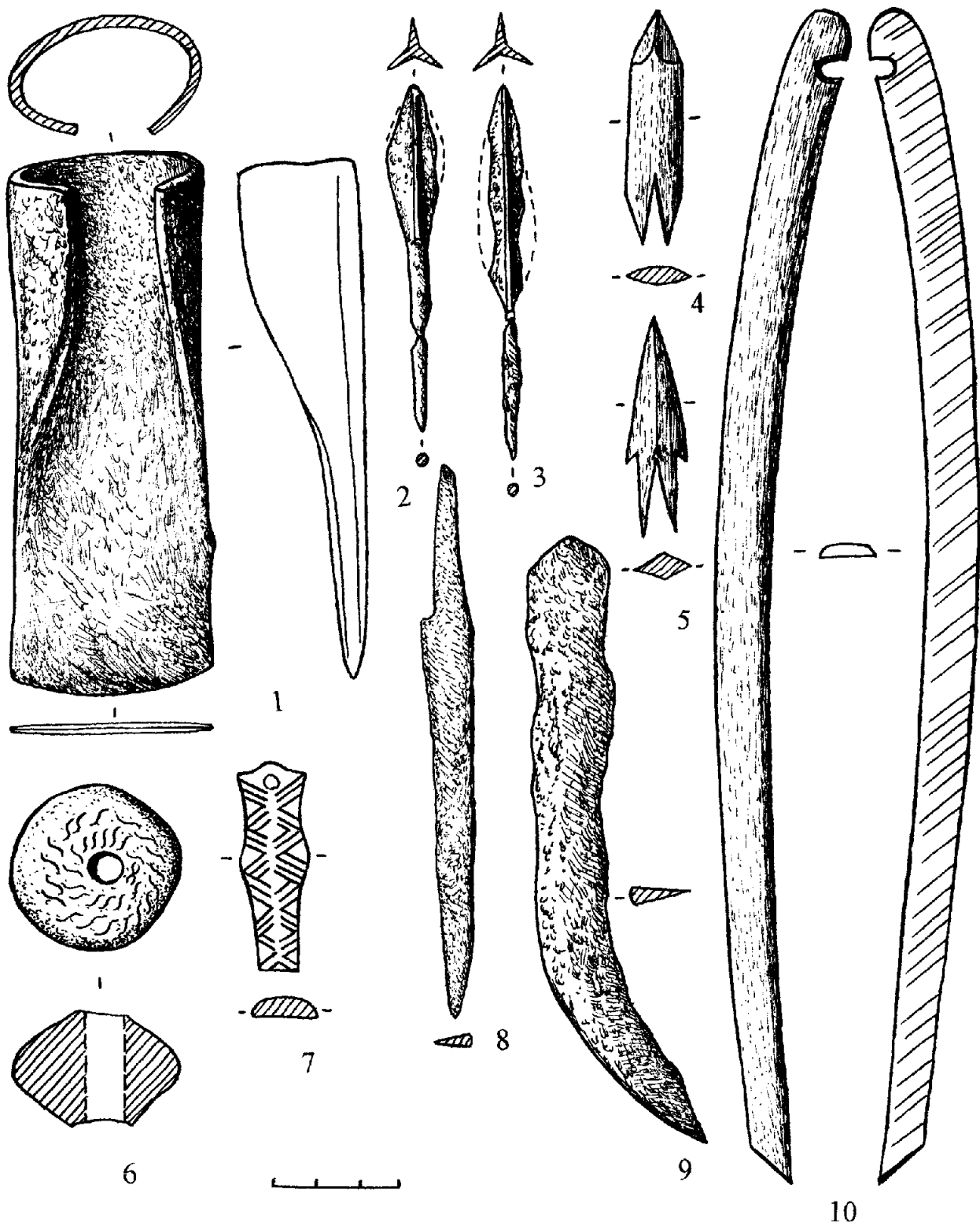

Рис. 1. Изделия из железа (1–3,8,9), кости (4,5,7,10) и керамики (6) с поселений Майма I (1,4,7,10), Ушлеп 5 (2,3,9), городищ Куюм (5,6) и Сайлап (8) (4,7 — по С.М. Киреву, 1986, 1988)

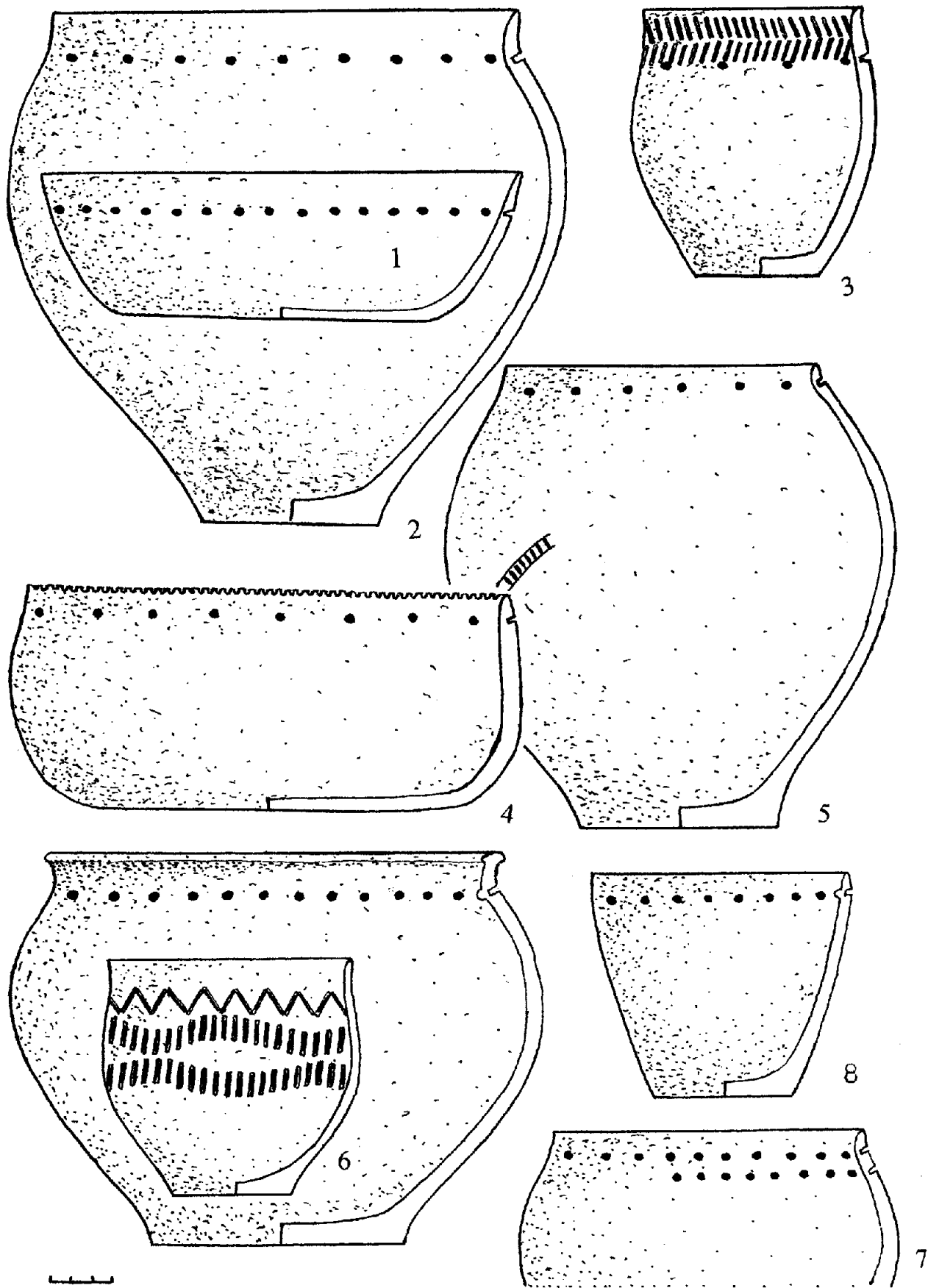

Рис. 2. Керамика поселения Майма I

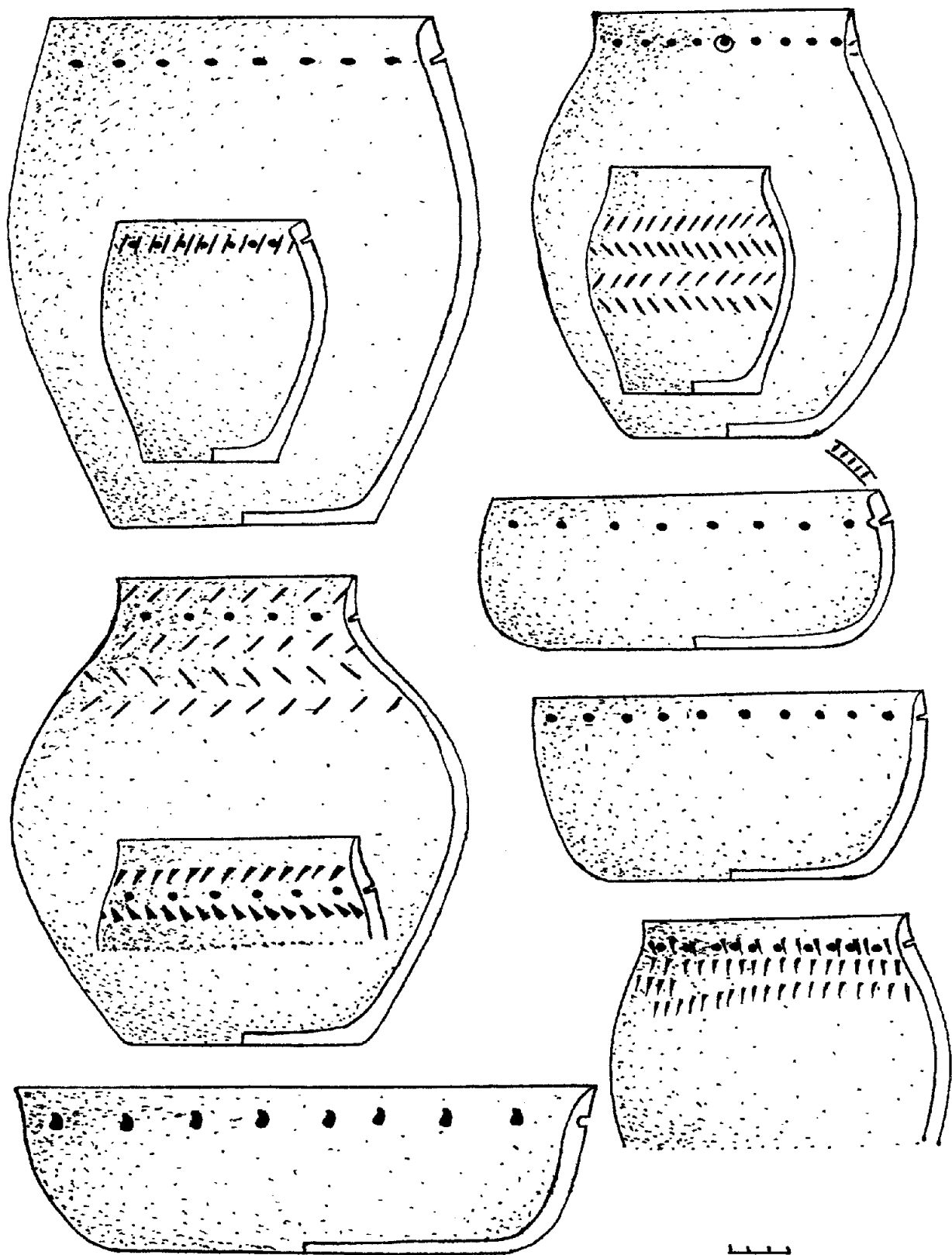

Рис. 3. Керамика поселения Чепош 2 (по П.И. Шульге, 1996)

**О культурной принадлежности
памятников эпохи раннего
средневековья
Кузнецкой котловины**

До последнего времени материалы второй половины I тыс. н.э. из Кузнецкой котловины в публикациях были представлены крайне слабо, а поэтому и недоступны широкому кругу исследователей, что повлекло за собой исключение этого региона из схем культурно-исторического развития юга Западной Сибири. Большое количество этих материалов, полученных в ходе крупномасштабных раскопок, осело в фондах краеведческих музеев без их публикации и качественной обработки. Они привлекались в основном при разработке проблем средневековой истории сопредельных территорий. Отдельной обобщающей работы, посвященной анализу достаточно большого блока источников этого региона, до сих пор нет [114, с. 96–97].

Подобное положение побудило кемеровских исследователей активизировать работы, призванные восполнить этот пробел. С начала 90-х гг. начинается активная публикация материалов этого периода, полученных в результате работ предыдущих исследователей, значительно повысился интерес и к полевому изучению памятников [113, с. 58–61]. Материалы, полученные в ходе изучения памятников, достаточно оперативно публикуются в различных сборниках и монографиях. Перед исследователями предстал огромный массив ранее малоизвестных источников, которые интерпретируются различными учеными по-разному.

В настоящее время существует несколько точек зрения на этнокультурную принадлежность памятников второй половины I тыс. н.э. Кузнецкой котловины, среди которых можно выделить три основных. А.М. Илюшин относит часть памятников к верхнеобской этнокультурной (культурной) общности [107; 114, с. 98], А.С. Васютин включает их в ареал одинцовской культуры [46, с. 63; 48; 49, с. 5; 50, с. 187; 53, с. 33; 51, с. 34], а Л.А. Чиндина и вслед за ней Ю.В. Ширин и И.В. Окунева — в ареал распространения памятников валиковой керамики, которые в настоящее время И.В. Окуновой выделены в самостоятельную лачиновскую культуру [270; 363, с. 76–77; 382].

Необходимо отметить, что концепции А.М. Илюшина и А.С. Васютина базируются на материалах погребальных комплексов без привлечения поселенческих, среди которых преобладает керамика, лачиновская же культура выделена на основании анализа поселенческого комплекса (керамика, жилища); погребения, относимые к этой культуре, пока неизвестны [48, с. 87].

На анализе вышеохарактеризованных точек зрения необходимо остановиться подробнее, что будет сделано ниже, сейчас же хочется отметить, что несмотря на то, что погребальные и поселенческие комплексы существовали в один хронологический период (вторая половина I тыс. н.э.), на одной и той же территории (бассейн р. Томи), возможности их культурной однородности никто из исследователей не прорабатывал.

Подобная мозаичность представлений о культурной принадлежности памятников второй половины I тыс. н.э. Кузнецкой котловины затрудняет разработку единой схемы культурного развития достаточно обширного культурно-исторического региона — Западной Сибири. Огромный массив источников, происходящих из бассейнов Томи и Ини, никак не может найти себе места в этой схеме, делая ее неполной, а значит, и не отражающей всего многообразия исторических процессов эпохи раннего средневековья, происходящих на территории этого региона. Это придает вопросу о культурной принадлежности памятников Кузнецкой котловины особую актуальность.

Кроме того, исторические процессы, происходящие на территории Кузнецкой котловины, играют особую роль для понимания динамики культурного развития таких регионов, как Среднее и Верхнее Приобье. Это обусловлено своеобразным географическим положением достаточно локальной территории, входящей в бассейн р. Обь с одной стороны, с другой же — находящейся на водоразделе двух крупнейших рек Земли — Оби и Енисея, который в этом месте проходит по Абаканскому хребту. Подобное положение Кузнецкой котловины делает ее своеобразной мембраной между Западной и Восточной Сибирью, через которую осуществлялись контакты культур огромных регионов, все восточные культурные компоненты, отмеченные в археологических материалах Верхнего Приобья, неизбежно должны были пройти через этот регион.

Несмотря на столь важное значение памятников Кузнецкой котловины в развитии наших представлений о древней истории Западной Сибири, пока еще не до конца ясно

их место в развитии исторических процессов в этом регионе, что в значительной степени является следствием нашего аморфного представления об их культурной принадлежности. Восполнить этот пробел — насущнейшая задача современных медиевистов.

Оценивая сложившуюся ситуацию, хочется вынести вопрос о культурной принадлежности памятников эпохи раннего средневековья из Кузнецкой котловины на обсуждение широкой научной общественности, за пределы региона. В этой работе предпринята попытка на основании опубликованных источников проанализировать существующие точки зрения на данную проблему и высказать свое мнение.

В настоящее время в Кузнецкой котловине (бассейн Верхней и Средней Томи и Ини) из опубликованных источников известно 32 могильника, относящихся к первой половине II тыс. н.э. Как уже было сказано выше, часть этих памятников А.М. Илюшиным и А.С. Васютиным была отнесена одним к верхнеобской этнокультурной общности, другим — к одинцовской культуре. А.М. Илюшиным, дополнительно к культурной атрибуции, обосновывается и их этническая принадлежность — самодийцы [114, с. 99–100; 107, с. 75–77; 113, с. 60; 108]. Другая часть могильников эпохи раннего средневековья ими соотносится с тюрками [109; 110; 111; 115]. Тюркские могильники в этой работе рассматриваться не будут.

Во избежание терминологической путаницы немного остановимся на понятиях «верхнеобская этнокультурная общность» и «одинцовская культура», или «одинцовский культурный тип». На эту тему в настоящее время написано достаточно большое количество работ [30; 107; 128; 328; 330; и др.], поэтому подробно останавливаться на этом вопросе не имеет смысла. В контексте данной работы хотелось бы уточнить, что под этими понятиями подразумевают А.М. Илюшин и А.С. Васютин.

А.М. Илюшин является сторонником тенденции отхода от оперирования понятием «археологическая культура», применительно к памятникам эпохи средневековья, и археологические источники интерпретирует как фрагменты материальной культуры конкретных этносов [114, с. 97]. В связи с этим под «верхнеобской этнокультурной общностью» им понимается союз самодийских племен, известный в китайских источниках под этнонимом «бома», с ареалом распространения, включающим территорию Верхнего Приобья, в которое входят такие современные админи-

стративные единицы, как Алтайский край, Новосибирская, Томская и Кемеровская области. Выделяя черты сходства, он признает и своеобразие развития отдельных регионов, объясняя его смешением самодийских племен с различной местной культурной основой, на которую накладывался самодийский пласт [107].

Позиция А.С. Васютина в его работах выражена менее конкретно, однако являясь сторонником традиционной школы, он в то же время пока никак не выразил своего отношения к точке зрения А.М. Илюшина. Следуя внутренней логике его работ, можно предположить, что под «одинцовской культурой» или «одинцовским культурным ареалом» им понимается тот же круг памятников, что и А.М. Илюшиным, объединенных достаточно аморфными и общими признаками сходства, без учета конкретных культурообразующих признаков [53; 48; 49].

Исходя из этого видно, что понятия А.М. Илюшина и А.С. Васютина, несмотря на разные названия, в принципе являются тождественными. Не возникает у них разногласий и в отнесении конкретных погребальных комплексов Кузнецкой котловины к двум ранее охарактеризованным культурным типам — самодийскому и тюркскому.

Предмет нашего исследования — самодийские могильники Кузнецкой котловины. В опубликованных источниках их упоминается 19, из 7 опубликована часть материала (табл. 1) [46; 47; 48; 49; 53; 106; 107; 108; 110; 111; 112; 114; 115; 116]. Как видно из таблицы, все захоронения являются подкурганными, совершенными по единому обряду — кремация на стороне. Хронологический диапазон существования рассматриваемых памятников охватывает одно столетие — с III по первую половину XIII в., регион распространения — территория Кузнецкой котловины, бассейны рр. Бердь, Иня и Томь, правых притоков р. Обь (рис. 1).

Вслед за А.М. Илюшиным и А.С. Васютиным, признавая единокультурность этих памятников, попытаемся выделить их основные культурообразующие признаки, которые являются общими для всех:

- 1) подкурганные захоронения;
- 2) преобладание нескольких захоронений под одной курганной насыпью;
- 3) кремация на стороне. В очень редких случаях — сочетание ингумации и кремации на стороне. Ингумация всегда сопровождает кремацию, никогда не выступая в качестве самостоятельного захоронения. По обряду ингумации погребались лишь малолетние дети;

4) погребения на горизонте, в насыпи или неглубоких ямах;

5) наличие в насыпях курганов инвентаря;

6) наличие в половине погребений внутримогильных конструкций. Широкое применение в погребальной практике бересты;

7) наличие в большинстве погребений погребального инвентаря;

8) наличие захоронений частей лошади.

Учитывая комплекс выделенных основных культурообразующих признаков, характерных для памятников Кузнецкой котловины, попытаемся соотнести их с таковыми, характерными для археологических культур сопредельных территорий.

На севере ареал распространения памятников с вышеохарактеризованными культурообразующими признаками граничит с ареалом распространения памятников релкинской культуры (рис. 1).

В Томско-Нарымском Приобье известно 7 могильников эпохи раннего средневековья [62, с. 234–245], относящихся к релкинской культуре, достаточно полно изученной Л.А. Чиндиной [363] и датирующейся VI–IX вв. [363, с. 67].

Для погребального обряда релкинской культуры характерны следующие культурообразующие признаки:

1) подкурганное захоронение;

2) преобладание нескольких захоронений под одной курганной насыпью;

3) смешанный обряд погребения (ингумация и кремация) с преобладанием ингумации;

4) погребение на горизонте или в неглубоких ямах;

5) неустойчивая ориентация с преобладанием юго-восточной;

6) наличие практики захоронения без головы и отдельно голов;

7) наличие в насыпях курганов инвентаря;

8) отсутствие внутримогильных конструкций;

9) редкое использование в погребальной практике бересты;

10) наличие в большинстве погребений погребального инвентаря;

11) наличие захоронений частей лошади.

При наличии ряда общих черт погребального обряда имеются и довольно значительные расхождения культурообразующих признаков, не позволяющие включить памятники Кузнецкой котловины в ареал распространения памятников релкинской культуры. Это преобладание в релкинских памятниках обряда ингумации над обрядом

кремации, отсутствие внутримогильных конструкций, редкое использование в погребальной практике бересты, наличие практики захоронения без головы и отдельно голов.

На востоке Кузнецкая котловина граничит с Красноярским краем, в состав которого входит и неизвестная Минусинская котловина. В интересующий нас хронологический период на сопредельных с Кузнецкой котловиной территориях Красноярского края существовали три различных археологических культуры.

Рассмотрим культурообразующие признаки каждой из них отдельно. Начнем с Красноярского Приенисейя, где в последние годы был выделен боровской культурный тип памятников [230] со следующими признаками:

1) грунтовые захоронения;

2) кремация на стороне;

3) неглубокие могильные ямы;

4) наличие инвентаря в межмогильном пространстве, остатки поминальных тризн;

5) наличие в погребениях погребального инвентаря;

6) отсутствие внутримогильных конструкций;

7) наличие в остеологическом материале костей диких и домашних животных (косуля, собака, свинья).

Сопоставляя выделенные признаки памятников боровского культурного типа, мы можем, констатируя наличие определенного сходства, исключить рассматриваемые памятники Кузнецкой котловины из ареала их распространения.

В интересующий нас хронологический период в Красноярском крае бытовали еще две археологические культуры. Это таштыкская и культура чаа-тас.

Таштыкская культура имеет довольно широкий хронологический диапазон бытования (I в. до н.э. – VI в. н.э.) [42, с. 246], поэтому мы будем рассматривать лишь признаки ее второго этапа, а именно – погребения в склепах. Для них характерны:

1) погребения в склепах;

2) кремация на стороне взрослого населения, ингумация детей;

3) хорошо оформленные внутримогильные камеры (срубы и камень);

4) использование в погребальной практике бересты;

5) коллективные захоронения;

6) наличие погребальных кукол и масок;

7) наличие захоронений костей скелета различных животных;

8) наличие в погребениях погребального инвентаря;

9) отсутствие в склепах оружия;

10) наличие остатков поминальных тризн.

Культурообразующие признаки для погребального обряда второго этапа таштыкской культуры также не позволяют нам отнести к нему памятники Кузнецкой котловины, хотя среди выделенных признаков есть достаточно интересные, которые будут рассмотрены ниже.

Для культуры чаа-тас характерно [218]:

1) погребения в склепах;

2) кремация на стороне взрослого населения, ингумация детей;

3) хорошо оформленные внутримогильные камеры;

4) использование в погребальной практике бересты;

5) коллективные захоронения;

6) захоронения костей скелета различных домашних животных;

7) наличие в погребениях погребального инвентаря;

8) наличие остатков поминальных тризн.

Как видим, основные культурообразующие признаки свидетельствуют о сохранении традиций погребальной обрядности позднеташтыкского времени, что отмечено другими исследователями [218, с. 48], однако памятники Кузнецкой котловины являются инокультурными для памятников культуры чаа-тас.

Перейдем к рассмотрению культурообразующих признаков Барнаульско-Бийского варианта одинцовской культуры. К таковым следует отнести [122]:

1) грунтовые захоронения;

2) ингумация, с присутствием на ранних этапах (сошниковский) кремации на стороне;

3) преобладание СВ ориентации;

4) погребения в неглубоких ямах;

5) наличие внутримогильных конструкций;

6) использование в погребальной практике бересты;

7) наличие в погребениях инвентаря;

8) наличие инвентаря в межмогильном пространстве;

9) наличие остатков погребальных тризн;

10) наличие захоронений с конем или частями его туши (череп, конечности).

Как и в других вариантах, отмечается наличие ряда общих признаков памятников Барнаульско-Бийского варианта одинцовской культуры и памятников Кузнецкой котловины. Однако грунтовый характер захоронений и обряд ингумации не позволяют их объединить в единую археологическую культуру.

Более подробно об этом будет сказано ниже, когда приступим к анализу трех вышеохарактеризованных точек зрения.

Осталось рассмотреть культурообразующие признаки одинцовской культуры Новосибирского Приобья, которая в последних работах Т.Н. Троицкой называется верхнеобской. Не касаясь терминологической путаницы, о которой уже сказано немало [30; 107; 128; 328; 330; и др.], охарактеризуем основные культурообразующие признаки этой культурно однородной группы памятников [20; 266; 328; 330; 331; 332; и др.]

1. Подкурганые захоронения.

2. Преобладание на ранних этапах ингумации с СВ ориентацией, переход на более поздних этапах к смешанному обряду и обряду кремации на стороне.

3. Преобладание нескольких захоронений под одной курганной насыпью.

4. Выделение детских захоронений.

5. Погребения в неглубоких ямах.

6. Наличие внутримогильных конструкций.

7. Использование в погребальной практике бересты.

8. Наличие в насыпях курганов инвентаря.

9. Наличие в погребениях инвентаря.

10. Наличие остатков поминальных тризн.

В этом случае мы также наблюдаем наличие большого количества общих черт. Однако достаточно полно представленная ингумация, особенно на первых этапах, не позволяет нам памятники Кузнецкой котловины рассматриваемого периода включить в ареал распространения памятников одинцовской (верхнеобской) культуры Новосибирского Приобья. Кроме вышеуказанного признака существует еще ряд причин, которые не позволяют это сделать.

Как видим, проведенное сопоставление не позволяет нам по объективным причинам (отличие по основным культурообразующим признакам погребальной обрядности) включить памятники Кузнецкой котловины рассматриваемого периода ни в одну культурную группу памятников эпохи раннего средневековья сопредельных территорий. Результаты проведенного сопоставления представлены в таблице 2.

Таким образом, перед нами культурно-однородная группа памятников с неопределенной культурной принадлежностью. Для ее определения необходимо более подробно проанализировать три кратко охарактеризованных выше точки зрения.

Начнем с концепции А.М. Илюшина. Как нам уже известно, памятники эпохи раннего

средневековья Кузнецкой котловины он включает в ареал распространения верхнеобской этнокультурной общности. Отказываясь от понятия «археологическая культура» [114, с. 97] и одновременно признавая возможность культурного своеобразия отдельных регионов внутри этой общности [107], он противоречит сам себе.

Действительно, если общность однородна в культурном и этническом отношении, что заложено в едином названии, то на каком основании можно говорить о культурном своеобразии отдельных регионов? Если оно существует, то почему мы не можем выделять более компактные группы памятников, объединенных привычным и достаточно хорошо разработанным понятием «археологическая культура»?

Пытаясь выйти из затруднительного положения, оперируя наряду с понятием «этнокультурная общность» и понятием «археологическая культура», А.М. Илюшин привлекает и такие классификационные понятия, как «тип памятников» [114, с. 98], «вариант ... культуры» [114, с. 98] и т.п. Признавая наличие культурного своеобразия отдельных регионов и отказываясь от его детального изучения, осмысления и объяснения, А.М. Илюшин совершает серьезную методологическую ошибку. Это связано с тем, что нельзя оперировать достаточно широкими, глобальными понятиями, не до конца осознав и даже иногда игнорируя процессы, происходящие внутри этих общностей. А без такой таксономической единицы, как «археологическая культура», изучение этих процессов невозможно. Кроме того, слабо зная конкретный археологический материал, на основе которого эти культуры выделены, нельзя говорить о тех общих чертах, которые объединяют культуры в единые общности. Оперирование достаточно общими понятиями без учета их внутреннего своеобразия может привести к ошибкам на более высоком, обобщающем уровне, что чревато появлением неверных выводов глобального характера, которые лягут в основу других положений. В связи с этим Л.А. Чиндина справедливо указывает на опасность отказа от понятия «археологическая культура» [364].

Не избежал этой опасности и А.М. Илюшин. С одной стороны, отказываясь от понятия «археологическая культура», он в своих публикациях не может без него обойтись, заменяя другими по названию, но тождественными по внутреннему содержанию, что значительно затрудняет понимание его работ. Кроме того, стремление к глобальным

обобщениям делает его невнимательным к так называемым «мелочам», игнорирование которых превращает некоторые его положения, возможно, и правильные, в достаточно спорные, так как в глаза бросается слабое знание фактического материала.

Например, непонятен его тезис о том, что «Барнаульское Приобье ... характеризуется смешанным погребальным обрядом» [107, с. 75–76], хотя все известные для этого времени погребения (по А.М. Илюшину – с середины I тыс. н.э. [107, с. 76]) в Барнаульско-Бийском Приобье совершены по обряду ингумации (рис. 1), за исключением погребений из могильника Троицкий Елбан 1, сведения о котором были опубликованы в конце 1993 г. Но даже и не это главное. Данный могильник занимает промежуточное положение между памятниками фоминского этапа кулайской культуры и собственно одинцовскими памятниками и относится к сошниковскому этапу одинцовской культуры [122, с. 172; 67; 15], материалы которого Т.Н. Троицкой при периодизации одинцовской культуры лишь частично были включены в собственно одинцовский комплекс и рассматривались как хронологический маркер для определения нижней хронологической границы этой культуры – V в. [266; 328, с. 102; 330; и др.]. Материалы собственно сошниковского этапа никак, нигде и никогда Т.Н. Троицкой не включались в материалы одинцовской культуры, которую она затем переименовала в верхнеобскую без каких-либо внутренних изменений [330], а следовательно, материалы могильника Троицкий Елбан 1 не были включены в эту культуру, а затем и общность. Поэтому, говоря о погребальном обряде Барнаульско-Бийского Приобья соотносительно лишь с памятниками «верхнеобской этнокультурной общности», датируемыми с V в. (середина I тыс.), в их круг нельзя включать без определенных оговорок материалы могильника Троицкий Елбан 1, который датируется более ранним временем и не входит в круг памятников верхнеобской культуры.

Говоря о памятниках эпохи средневековья, А.И. Илюшин включает в их число «раннесредневековые погребения по обряду кремации на стороне из Степного Алтая, где они зафиксированы на грунтовых могильниках IV–X вв. н.э.». При этом делается ссылка на работу М.П. Грязнова 1956 г. «История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка» и А.П. Уманского 1974 г. «Могильники верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше».

Если мы обратимся к этим работам, то увидим, что на ряде памятников урочища БЕ, отнесенных М.П. Грязновым к фоминскому этапу верхнеобской культуры и датированных им же VII–IX вв. н.э., действительно зафиксирован обряд кремации на стороне [77, с. 126–135], кроме этих памятников на БЕ подобного обряда нет [77]. А.П. Уманским идентичный обряд зафиксирован на могильнике близ с. Степной Чумыш [340, с. 145–146]. По аналогии с материалами М.П. Грязнова на БЕ он датировал эти две могилы VI–VIII вв. и отнес их к фоминскому этапу верхнеобской культуры.

На первый взгляд, никаких противоречий нет. Действительно, погребения с территории лесостепного Алтая укладываются в хронологические рамки IV–X вв. н.э., но сейчас далеко не секрет, и это звучит как азбучная истина, не требующая ссылок на литературу, что все памятники, отнесенные М.П. Грязновым к фоминскому этапу верхнеобской культуры и датированные им VII–VIII вв. н.э., а вслед за ним и некоторыми другими исследователями того времени, отнесены к фоминскому же этапу, но уже кулайской культуры и датируются I–III вв. н.э. [327, с. 49]. С середины–конца 70-х гг. эта точка зрения утвердилась, и лишь незначительно уточнялась верхняя хронологическая граница памятников фоминского этапа кулайской культуры [122; 379; и др.]. Кулайская же культура является культурой эпохи раннего железа, что также не вызывает обоснованных сомнений и признается большинством исследователей [1; 173, с. 21; 327; 362; и др.], и никак не может быть отнесена к кругу раннесредневековых культур.

Таким образом, ссылка А.М. Илюшина на эти памятники несостоятельна. Она не только не соответствует действительности (эти могильники не могут быть отнесены к эпохе раннего средневековья и не относятся к хронологическому периоду IV–X вв. н.э.), а в данном контексте является притягиванием материала для обоснования глобальной теории без учета, на первый взгляд, «несущественных», «мелких» частных и деталей.

В той же работе и на той же странице А.М. Илюшин делает совершенно аналогичное сравнение со ссылкой на БЕ, где нет могильников с обрядом кремации на стороне, относящихся к эпохе средневековья, что позволяет считать и второй его тезис, исходящий из этой посылки, несостоятельным.

Не касаясь приведенной в работе А.М. Илюшина цитаты Д.Г. Савинова [112, с. 156] оговорюсь, что необходимо было и к ней отнестись более критично, так как она страдает

теми же недостатками, правда, она была высказана Дмитрием Глебовичем в 1984 г., когда старые стереотипы были еще живы.

Не вдаваясь в дальнейшие подробности, мы можем лишь констатировать, что вышеотмеченные опасения, игнорирование частных, отказ от конкретики привели А.М. Илюшина к ряду ложных выводов. Об этих и других недостатках концепции А.М. Илюшина говорится и в работе Ю.В. Ширина [385]. Ряд недостатков его концепции отмечен и А.С. Васютиным [51].

Так, признавая очевидное сходство определенных культур достаточно обширного региона в эпоху раннего средневековья по ряду признаков (как в погребальном обряде, так и по вещевому комплексу), позволяющих говорить о существовании общности, нельзя не признать и существования локальных групп памятников, понимаемых как археологические культуры. Учитывая лишь основные типы погребений (курганый и грунтовый) и погребального обряда (кремация и ингумация), можно сразу же выделить 4 локальные группы памятников, объединенных как по чисто географическим, так и по типологическим признакам (рис. 1).

В Барнаульско-Бийском Приобье распространены грунтовые могильники с ингумацией, в Новосибирском Приобье – курганные могильники с ингумацией или со смешанным обрядом, в Томском Приобье – курганные могильники со смешанным обрядом, в Кузнецкой котловине – курганные могильники с обрядом кремации на стороне.

Для памятников Барнаульско-Бийского и Новосибирского Приобья при сравнении большего числа признаков выделяется много общих черт, в том числе и очень большое сходство керамических комплексов, что позволяет говорить о локальных вариантах единой культуры [328; 330]. Несмотря на большой коэффициент сходства между могильниками Томского и Новосибирского Приобья по сравнению с могильниками Барнаульско-Бийского и Новосибирского Приобья [330, с. 97], другой набор признаков, в том числе и керамический комплекс, не позволяет нам объединить памятники одиноцкой культуры с релкинскими.

Анализ основных культуuroобразующих признаков погребального обряда, проведенный для памятников этого периода из Кузнецкой котловины и сопредельных территорий (табл. 2), также не позволяет, уже по этим признакам, объединять их с памятниками сопредельных территорий в единую культуру. Это явно компактная культурно-однородная группа. Включение этих памят-

ников в состав единой верхнеобской этнокультурной общности, на мой взгляд, вполне оправдано, но имеет и ряд возражений. Во-первых, необходимо более конкретно определить признаки, характерные для этой общности, регионы ее распространения, кругом археологических культур, объединенных этой общностью, а во-вторых, признать памятники Кузнецкой котловины этнокультурными, представляющими отдельную археологическую культуру.

Таким образом, не касаясь вопросов выделения этнокультурных общностей и признаков, по которым А.М. Илюшин характеризует конкретную верхнеобскую этнокультурную общность, можно констатировать, что соглашаясь с тезисом А.М. Илюшина о возможности однородности памятников Кузнецкой котловины в рамках верхнеобской этнокультурной общности с памятниками, включаемыми им в эту общность, необходимо по ряду указанных выше объективных причин выделять конкретную археологическую культуру, объединяющую эти памятники, которая наряду с одинцовской и релкинской войдет как самостоятельный компонент в состав верхнеобской этнокультурной общности.

Кроме того, необходимо обратить более пристальное внимание на изучение конкретных связей этой культуры, выделить этапы ее развития, причины и компоненты формирования, т.е. изучить ее более тщательно и пристально, что возможно лишь при отказе от поверхностного взгляда глобальных обобщений, с учетом всех «мелочей» и тонких нюансов исторических отношений. Выход же на уровень широких обобщений возможен лишь после кропотливейшей работы с «мелочами», которые делают любую глобальную картину объективно правильной, верной и, главное, выверенной.

Проанализировав точку зрения А.М. Илюшина, посмотрим на концепцию А.С. Васютина. Как уже было сказано выше, интересующие нас памятники Кузнецкой котловины А.С. Васютин относит к одинцовской культуре. К сожалению, пока не до конца ясно, что им под одинцовской культурой подразумевается. Судя по кругу памятников, которые он включает в состав одинцовской культуры, она получается эквивалентной верхнеобской этнокультурной общности. Это и интересующие нас памятники Кузнецкой котловины [46, с. 63; 48; 49, с. 5; 50, с. 187; 53, с. 33; и др.], и памятники Томско-Нарымского Приобья [53, с. 32–33], Барнаульского Приобья [49, с. 5], Новосибирского Приобья [49, с. 11]. Таким образом, перед

нами предстает единый огромный культурно-однородный ареал – Кузнецкая котловина, Томско-Нарымское Приобье, Новосибирское и Барнаульско-Бийское Приобье, — занятый в эпоху раннего средневековья единой одинцовской или одинцовско-релкинской культурой или культурным ареалом [51, с. 34], причем ни в одной работе мы не видим даже намека на какое-либо возможное культурное своеобразие отдельных регионов. «Релка», «потчеваш», «одинцово» – этими терминами А.С. Васютин оперирует лишь для обозначения какой-либо группы памятников, гипотетически имеющей право на существование. Во всех же его работах одинцовская культура проходит единой и неделимой на всем вышеочерченном огромном географическом регионе.

В этом случае также наблюдается тенденция абстрагироваться от «мелочей», не замечая их, чтобы они не затмевали генеральной линии, что приводит к тем же ошибкам, что и А.М. Илюшина.

Не вдаваясь в подробности, приведем несколько примеров. В принципе недопустимо определение, данное А.С. Васютиным одинцовской культуре «... верхнеобской АК, по М.П. Грязнову (современное название – одинцовская АК, которого мы и будем придерживаться) ...» [49, с. 5]. Здесь невозможно не оговориться об исторической судьбе «верхнеобской АК по М.П. Грязнову», датировке ее этапов, об исключении фоминского этапа из этой культуры и включении его в кулайскую культуру. Получается, что с момента выделения в 1956 г. М.П. Грязновым верхнеобской культуры у нее изменилось лишь название. Но это в корне неверно. Достаточно посмотреть работы Т.Н. Троицкой [266; 327; 328; 330; 332; и др.], Л.А. Чиндиной [362; 363; и др.], М.Ф. Косарева [173; и др.] и других исследователей, чтобы в этом убедиться.

Кроме того, не очень убедительным кажется соотношение А.С. Васютиным Усть-Абинского могильника с могильником Троицкий Елбан 1 [49, с. 6–7; 108, с. 154]. Судя по А.С. Васютину – это раннеодинцовские могильники, этнокультурные и хронологически однородные памятники. К сожалению, с этим очень трудно согласиться, даже на первый взгляд кроме обряда кремации на стороне их ничего не объединяет. Хоть комплекс из Усть-Абинского могильника и не опубликован, однако он достаточно хорошо проработан Ю.В. Шириним [380], который убедительно доказал его принадлежность к фоминскому этапу кулайской культуры как по обряду погребения, так и по погребально-

му инвентарю. В.В. Горбуновым не менее убедительно могильник Троицкий Елбан 1 был отнесен к переходному этапу одинцовской культуры [67; 68]. Автор этой статьи поддерживает его точку зрения, выделяя сошниковский этап одинцовской культуры, к которому и относится данный памятник [122]. Таким образом, совсем некорректно без какой-либо аргументации объединять культурно разнородные памятники в единый культурный комплекс [49, с. 7] и на этом основании делать глобальные выводы.

Непонятна и такая цитата, как «разграничение фоминских памятников раннеодинцовского времени» [49, с. 8]. Абсолютно непонятная цитата без каких-либо комментариев, которые в этом случае просто необходимы, но которых, к сожалению, нет.

Кроме того, не ясно, откуда взялся такой признак одинцовской культуры, как «группосожжение на горизонте с использованием бересты» [52, с. 24] и вообще кремация [48]. Абсолютно все авторы, характеризующие как одинцовский этап [77], так и одинцовскую культуру, а это в основном Т.Н. Троицкая, отмечают характерное для нее преобладание, причем подавляющее, именно ингумации. Отрицание этого, причем безосновательное, не находит никаких оправданий.

Таким образом, не продолжая перечня неточностей, можно сказать, что отнесение памятников Кузнецкой котловины эпохи раннего средневековья А.С. Васютиным к одинцовской культуре несостоятельно. В числе причин можно перечислить все те же, что и по поводу точки зрения А.М. Илюшина. Однако позиция А.С. Васютина более непонятна, так как он вообще никоим образом не принимает во внимание очевидных фактов культурного своеобразия различных групп памятников, о чем уже неоднократно говорилось и что является достаточно устойчивейшей, общепринятой точкой зрения. Кроме того, в своих рассуждениях А.С. Васютин допускает очевидные неточности с целью подогнать реальную картину исторического развития к им созданной концепции.

Вполне вероятно, что эта концепция верна, нова, необычна, но для ее доказательства необходима корректная и объективная оценка всего комплекса материалов без натяжек, а также более уважительное отношение к терминологии.

Теперь немного подробнее остановимся на точке зрения Л.А. Чиндиной. В сложении релкинской культуры она выделяет три компонента, один из которых «пришлый с юго-востока» [363, с. 77]. Этим компонентом, по мнению Л.А. Чиндиной, были носители ва-

ликовой керамики. Основной путь их проникновения на север проходит через долину р. Томь. Влияние носителей валиковой керамики на население Томского Приобья было достаточно сильным. Интересным является то, что в могильниках валиковая керамика обычно встречается вместе с другими типами керамики на поселениях самостоятельно [363, с. 76].

Таким образом, Л.А. Чиндина косвенно указывает на ареал распространения памятников валиковой керамики – бассейн Томи. О культурной принадлежности рассматриваемых нами погребальных комплексов ничего не говорится.

Работа с литературой и со ссылками Л.А. Чиндиной говорит о детальной проработке материала и добросовестности исследования. В настоящее время ее точка зрения подтверждается работами Ю.В. Ширина, которым открыт ряд поселений с валиковой керамикой в предгорьях Кузнецкого Алатау [382], и И.В. Окуновой, которой на основании тщательного анализа поселенческих комплексов, наиболее представительным из которых является керамический, выделена лачиновская культура второй половины I – начала II тыс. н.э. [270] с локализацией в Притомье (Нижнем и Среднем) и Среднем Приобье [48, с. 51]. Работа Ю.В. Ширина [382] позволяет включить в ареал распространения лачиновской культуры и Кузнецкую котловину.

Интересно, что еще никем не предпринималась попытка, несмотря на очевидную необходимость, соотнесения керамического комплекса лачиновских поселений с керамикой из погребений, исследованных в этом же регионе и датирующихся тем же временем. Еще раз напомним, что Л.А. Чиндиной отмечено, что в могильниках валиковая керамика встречается вместе с другими типами керамики, на поселениях – лишь самостоятельно [363, с. 76].

В керамическом комплексе релкинской культуры ею было выделено 3 типа керамики, один из них (третий) характеризуется наличием валиков [363, с. 48]. О.Б. Беликова и Л.М. Плетнева при анализе керамических комплексов Томского Приобья V–VIII вв. также выделили 3 типа керамики, один из которых (третий) характеризуется наличием валиков [30, с. 71]. Кроме валиков на этих типах керамики исследователями отмечались и такие элементы орнамента, как резные линии, ямки, жемчужник, гребенка. Не останавливаясь на характеристике других элементов, отметим эти как наиболее характерные.

И.В. Окунева при характеристике керамического комплекса лачиновской культуры выделяет 4 типа керамики. Третий тип характеризуется наличием валиков [270, с. 45]. При выделении типов всеми исследователями валик считается типобразующим признаком, сосуды с валиком выделяются в отдельный тип (третий), наличие этого типа посуды в керамическом комплексе позволяет исследователям характеризовать его как комплекс с валиковой керамикой. В эти комплексы, кроме вышеохарактеризованного типа керамики с валиками, входят и другие типы керамики, причем во всех случаях другие типы керамики исследуемых валиковых комплексов количественно значительно (более чем в 5 раз) преобладают над собственно валиковой керамикой.

По И.В. Окуневой, комплексы с валиковой керамикой являются культурно однородными и относятся к лачиновской культуре. Ареал распространения лачиновской культуры совпадает с ареалом распространения комплексов валиковой керамики и включает в себя бассейны Томи, Оби в достаточно обширной приустьевой части Томи, среднее и верхнее течение р. Иня и верховья Чумыша [270, с. 64]. Одной из отличительных черт керамического комплекса лачиновской культуры она считает отсутствие гребенчатого штампа, но и здесь находится исключение в материалах именно базового памятника — поселения Лачиново 1 [270, с. 50] (рис. 5-5).

Продолжая тему исключений, можно указать на Томско-Нарымское Приобье, где в орнаментации валиковой керамики гребенчатый штамп является чуть ли не обязательным элементом [363, с. 48; 30, с. 71] (рис. 5-1, 3, 6, 7, 9). Не редкость этот элемент орнамента и в комплексах валиковой керамики южных регионов Кузнецкой котловины [382, с. 74-75] (рис. 5-4, 10, 11). Отметим тот факт, что гребенчатый штамп наносился на сосуды с валиками, не говоря уже о том, что им орнаментировались и другие типы керамики. Таким образом, можно говорить, что исключение, являющееся таковым в среднем течении р. Томь, становится правилом в других очерченных И.В. Окуневой регионах, а следовательно, отмеченное ею исключение является лишь признаком одного из локальных регионов распространения валиковых комплексов.

Не останавливаясь на общей характеристике керамического комплекса с валиковой керамикой, которая подробно дана в работах Л.А. Чиндиной [363], О.Б. Беликовой и Л.М. Плетневой [30], И.В. Окуневой [270], Ю.В. Ширина [382] и других исследователей,

попытаемся выделить те признаки, которые позволяют говорить о его культурном своеобразии и выделяют из керамических комплексов других регионов.

В первую очередь — это присутствие такого элемента орнамента, как налепной валик. Несмотря на то, что в процентном соотношении эта керамика довольно немногочисленна среди остальных типов керамики валиковых комплексов (от 12% [30, с. 71] до 18% [270]), во всем регионе ее распространения она представлена достаточно равномерно [363], так что невозможно выделить районы ее наибольшей или наименьшей локализации.

Другой особенностью рассматриваемого комплекса является широкое распространение резных линий на керамике всех типов валикового комплекса (рис. 2-12, 13; 4-1-5, 7, 8; 5-3). Резные линии, как правило, образуют сложные композиции, основой которых является или срез венчика сосуда (рис. 2-13) или, что значительно чаще, горизонтальные резные линии (от 3 до 13), нанесенные по шейке (если она выражена) (рис. 4-2, 3, 8) или верхней части (если шейка не выражена) (рис. 2-12; 4-1, 4, 5, 7, 8) сосуда. Ниже вышестоящих опорных элементов резные линии, сгруппированные в параллельные пучки, образуют свисающие вниз треугольники (рис. 2-12, 13; 4-3-5, 7, 8) или ромбы (рис. 4-1, 2).

Такой элемент орнамента, как резные линии, в керамических комплексах эпохи раннего средневековья бассейна верхнего течения р. Обь не встречается, не говоря уже о сложных орнаментальных композициях, построенных на основе этого элемента [77; 123; 266; 328; и др.].

Исходя из этого, можно говорить о двух основных отличительных признаках валиковых комплексов керамики эпох раннего средневековья. Это использование в орнаментации керамики таких элементов, как валики и резные линии и построение на основе этих элементов сложных орнаментальных композиций.

Рассматривая керамические комплексы погребений Кузнецкой котловины и сравнивая их с комплексами валиковой керамики, мы наблюдаем их полное единство. Оно проявляется как в формах сосудов, так и в их орнаментации (рис. 2-6). В погребальных комплексах встречены сосуды как с валиками (рис. 5-13, 14), так и орнаментированные резными линиями (рис. 2-2, 3, 4, 6, 7, 10; 3-8-11), причем последние находят порой прямые аналогии поселенческой керамике валиковых комплексов.

Отсутствие на поселениях инвентаря, характерного для погребальных комплексов [270, с. 36], не позволяет нам сопоставить его с таковым из погребений, но единство керамических комплексов поселений и погребений позволяет говорить с большой долей уверенности о единокультурности поселений «лачиновской» культуры и «самодийских» погребальных комплексов эпохи раннего средневековья Кузнецкой котловины. Хронологические рамки и регион распространения и тех и других совпадают.

Вопрос о единокультурности рассматриваемых погребальных комплексов и их отдельной культурной принадлежности был решен выше на основе анализа отдельных признаков погребально-поминальной обрядности с таковыми на сопредельных территориях. Анализируя таблицу 2, мы видим, что наибольшее количество совпадений этих признаков (по 11) рассматриваемые могильники имеют с погребениями релкинской археологической культуры и Новосибирского варианта одинцовской культуры. Учитывая, что в Новосибирском Приобье отсутствуют комплексы валиковой керамики в то время, как релкинская культура входит в ареал распространения этих комплексов, можно говорить, что в культурном плане «верхнеобские» комплексы Кузнецкой котловины ближе всего к релкинской культуре.

Для более точного определения культурной принадлежности памятников эпохи раннего средневековья Кузнецкой котловины, как погребальных, так и поселенческих, учитывая их единокультурность, необходимо кратко рассмотреть и вопрос о лачиновской культуре.

В целом соглашаясь с мнением И.В. Окуновой, все же необходимо заметить, что весь ареал распространения валиковых комплексов керамики нельзя включать в ареал распространения лачиновской культуры, так как внутри этого ареала существуют, как мы видели выше, довольно обширные регионы, керамические комплексы которых, являясь валиковыми, в то же время позволяют выделить и признаки, характеризующие их локальное своеобразие. Для нижнего течения Томи — это широкое применение гребенчато-штамповой орнаментации, что характерно для релкинской культуры [363], для среднего течения Томи — отсутствие таковой [270], для верхнего течения Томи — своеобразные узкие и волнистые валики и наличие гребенчатого штампа [382]. Тщательный анализ позволит более аргументированно и конкретно определить как локальные признаки керамических комплек-

сов, так и границы их распространения внутри ареала валиковых комплексов.

Таким образом, необходимо более тщательно проработать вопрос с ареалом распространения лачиновской культуры и уже сейчас не включать в него ареал релкинской культуры, которая имеет свои достаточно конкретные и стойкие культурообразующие признаки.

Возможность включения рассматриваемого региона в единую верхнеобскую этнокультурную общность, как это предлагает А.М. Илюшин [107], достаточно спорна. Для этого необходимо выделить эту самую общность на конкретном археологическом материале, а не с помощью общих, абстрактных, труднодоказуемых тезисов. Так из 5 выделенных А.М. Илюшиным признаков доказательственных при ближайшем рассмотрении нет ни одного. Это общность происхождения (может быть единая основа, но процессы формирования всегда индивидуальны), единство языка (тезис практически недоказуемый для того времени), сходство экономической модели производства (достаточно общий тезис, который объединяет все культуры этого периода, локализованные в единой меридиональной экологической нише), устойчивые торговые и родственные связи (ничего не значащий без подкрепления конкретным археологическим материалом тезис) и единая экологическая ниша (уже говорилось о единой меридиональной экологической нише).

Таким образом, прежде чем делать обобщения, необходимо их обосновать. Если говорить о этнокультурной общности, какой бы она ни была, необходимо выделить ее признаки, обосновать свои выводы, теоретические выкладки подкрепить конкретным материалом.

Общие черты, выделяемые в различных культурообразующих признаках археологических культур эпохи раннего средневековья Верхней Оби (одинцовская, релкинская, лачиновская), всеми объясняются однозначно — формированием этих культур на единой кулайской основе [123; 328; 363; 382; и др.]. На этом основании можно говорить об их определенном родстве, но об общности формирования в этом случае говорить нельзя.

Формирование всех этих культур происходило различно, что наметилось уже в конце кулайской эпохи, когда Т.Н. Троицкой был выделен фоминский этап [327], на основе которого проходило формирование одинцовской культуры в Новосибирском [328] и Барнаульско-Бийском [122] Приобье. Формирование релкинской культуры проходило на основе материалов саровского этапа ку-

лайской культуры [362; 363]. Подосновой формирования лачиновской культуры был фоминский этап кулайской культуры, о чем говорят материалы Усть-Абинского могильника, исследованного Ю.В. Шириным [380].

Для всех этих регионов уже в конце кулайского времени можно выделить определенные отличительные черты. Для Усть-Абинского могильника это различие проявилось в ряде признаков. Так, в материалах Усть-Абинского могильника есть формы керамических сосудов (бокал, поддон [380, з. 4]), не встречаемые в фоминских памятниках Новосибирского [327] и Барнаульско-Бийского [77] Приобья, в Усть-Абинском могильнике преобладают сосуды с низким высотным указателем и отсутствуют с высоким, в то время как на БЕ-7 преобладают сосуды со средним высотным указателем, а есть и высоким [380, с. 9], на БЕ-7 в орнаментации керамики значительно шире представлен гребенчатый штамп [380, с. 9]. Кроме того, это различная ориентация могильных ям (Усть-Абинский ЮВ-СЗ, БЕ и Степь-Чумыш ЮЗ-СВ [380, с. 12]), большое количество могил с внутримогильными конструкциями (71%) в Усть-Абинском могильнике и малое (19%) на БЕ-7 [380, с. 12], на БЕ-7 все внутримогильные конструкции обожжены, в Усть-Абинском – ни одной [380, с. 13], на БЕ-7 более 50% бус каменные, в Усть-Абинском – менее 2% [380, с. 8], в Усть-Абинском могильнике зафиксировано одно ларное погребение на 14 могил (7%), на БЕ-7 – 19 на 31 могилу (61%) [380, с. 13]. В Усть-Абинском могильнике все погребения совершены по обряду кремации на стороне, в то время как на БЕ-7 19% захоронений совершены по обряду ингумации, причем в ларных погребениях кремацию на стороне сопровождает, как правило, ингумация [380, з. 13].

Различия вроде бы несущественные, но тем не менее они есть. Вероятнее всего эти различия объясняются как своеобразием местной культурной основы, на которую накладывался кулайский культурный пласт, так и самостоятельным развитием кулайского компонента в отрыве от метрополии, что должно было привести и к некоторому своеобразие дальнейшему развитию. По мнению Л.А. Чиндиной, кулайские материалы попали в Кузнецкую котловину в конце II–I вв. до н.э. во время второго этапа перемещения населения из Среднего Приобья или, иначе говоря, второй волны расселения кулайцев [362, с. 161–162, рис. 48].

Именно с этого времени и необходимо искать те компоненты, которые привели к

культурному своеобразию этого региона, ту разницу (а не общность) в формировании культуры, которую мы наблюдаем. Это вышестоящие причины, приведшие к своеобразию уже основы формирования – фоминских материалов. Кроме того, можно с определенной долей уверенности говорить о своеобразной консервации кулайских традиций в рамках Кузнецкой котловины до первой половины V в. н.э. [380, с. 9; 46], в то время как трансформация фоминского этапа кулайской культуры в одинцовскую в материалах Новосибирского Приобья прослежена с V в., а Барнаульско-Бийского – со второй половины IV в. [122]. Нижней же хронологической границей релкинской культуры принято считать VI в. [363]. Достаточно широкий хронологический разброс (полтора века) для не столь обширной территории и все вышестоящие датировки достаточно аргументированы.

Объясняется это своеобразием культурного развития регионов. Если таежные культуры достаточно консервативны, и для восприятия ими инноваций требуется длительный период времени, то культуры, локализованные в лесостепи, более восприимчивы к различным культурным трансформациям [82; 173].

Вероятнее всего, события распада великого кулайского единства происходили в такой последовательности: под влиянием гунских племен с запада на кулайские племена фоминского этапа Барнаульско-Бийского Приобья во второй половине IV в. последние трансформировались в одинцовскую культуру, о чем говорят памятники сошниковского этапа, локализованные на этой территории [122; 123]. Затем одинцовские традиции распространяются на более северные кулайские племена Новосибирского Приобья, где с V в. получают преимущественное распространение и продвигаются дальше на север, в ареал релкинской культуры к середине VI в. В это время достаточно мощный культурный импульс с востока привел к появлению на Средней Томи валиковых традиций [363, с. 130; 382, с. 69], которые с определенными изменениями проникли в верховья и устье Томи. В нижнем течении валиковые традиции наложились на одинцовские [363, с. 76], что явилось причиной формирования в VI в. релкинской культуры. На Средней и Верхней Томи валиковые традиции, наложившись на кулайский пласт, привели к формированию среднетомьского и верхнетомьского вариантов лачиновской культуры.

Таким образом, мы видим довольно сложную картину исторического развития

исследуемого региона, явно выпадающую из положения А.М. Илюшина об «общности происхождения» и, напротив, наглядно иллюстрирующую своеобразие происхождения всех рассматриваемых археологических культур.

Критикуя декларативный и бездоказательный подход к провозглашению верхнеобской этнокультурной общности, тем не менее нельзя не согласиться с мнением исследователей о достаточной близости культурообразующих признаков археологических культур эпохи раннего средневековья бассейна Верхней Оби и их определенном родстве, вызванном единой основой формирования – кулайской культурой. Однако несмотря на единую основу формирования, никоим образом нельзя говорить о культурной однородности изучаемого региона, как это делают А.М. Илюшин и А.С. Васютин, напротив, необходимо продолжить изучение отдельных археологических культур и их взаимодействия, чтобы в дальнейшем, раскрыв эти процессы, можно было более доказательно говорить о наличии или отсутствии единой этнокультурной общности.

Таким образом, имеющиеся в распоряжении автора материалы позволяют говорить о культурном своеобразии памятников эпохи раннего средневековья Кузнецкой котлови-

ны, культурной однородности поселенческих и погребальных комплексов этого региона и отнести их к лачиновской культуре, ограничив ареал ее распространения средним и верхним течением р. Томь. Кроме того, проведенная работа позволила наметить выделение двух вариантов внутри этой культуры (среднетомьского и верхнетомьского) и констатировать наличие двух достаточно обширных культурных ареалов эпохи раннего средневековья: бассейна верхнего течения р. Обь – одинцовского, включающего в себя Барнаульско-Бийское и Новосибирское Приобье, и валиковой керамики, включающего в себя среднее и верхнее течение р. Томь. Томское Приобье, входящее в ареал распространения валиковой керамики, является местом взаимодействия двух вышеозначенных культурных ареалов.

В заключение хотелось бы сказать, что высказанная точка зрения ни в коей мере не является окончательной. Без сомнения, в ней есть и спорные положения, т.к. вся работа проделана лишь на основе публикаций, а следовательно, не учтено достаточно много материалов. Кроме того, новые материалы могут значительно скорректировать предложенную схему.

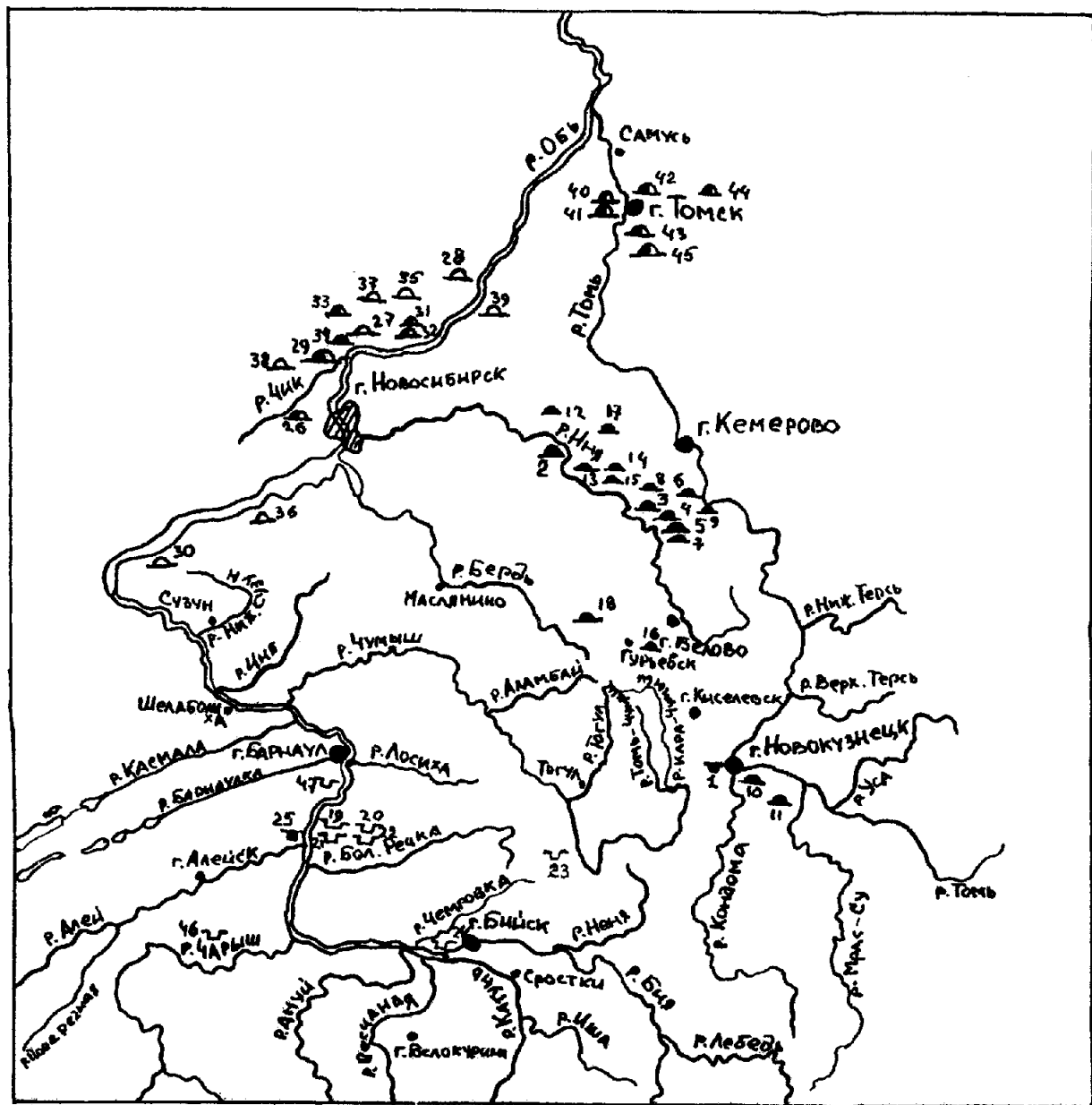

Рис. 1. Карта - схема расположения могильников эпохи раннего средневековья Верхнего Приобья

- - курганные могильники с обрядом кремации на стороне
- - курганные могильники со смешанным обрядом
- - курганные могильники с обрядом ингумации
- - грунтовые могильники с обрядом кремации на стороне
- - грунтовые могильники с обрядом ингумации

1. Усть-Абинский	13. Калтышино - 1.	25. Троицкий Елбан - 1.	37. Дубровинский Борок - 5
2. Ваганово - 1	14. Калтышино - 2.	26. Крохалевка - 23.	38. Краеный Яр - 1.
3. Сапогово.	15. Титовск.	27. Черное Озеро - 1	39. Старобибеево - 6
4. Сапогово - 1.	16. Октябрьский.	28. Юрт-Акбалык - 3	40. Тимирязевский - 1
5. Сапогово - 2.	17. Юрты - 1.	29. Крохалевка - 13	41. Тимирязевский - 2
6. Касьма	18. Саратовск	30. Чингиз - 2	42. Архиерейская Занкка
7. Шабаново - 1.	19. БЕ - 3	31. Умна - 2.	43. Могильницкий
8. Шабаново - 3	20. БЕ - 12	32. Умна - 3.	44. Томский.
9. Шабаново - 4	21. БЕ - 14.	33. Красный Яр - 1.	45. Казанкинский.
10. Есаулка.	22. БЕ - 16.	34. Каменный Мыс.	46. Тугозвонново
11. Сидорово.	23. Татарские Могилки	35. Юрт-Акбалык - 8.	47. Ераська
12. Калтышине	24. Одинцовка.	36. Ирмень - 2.	

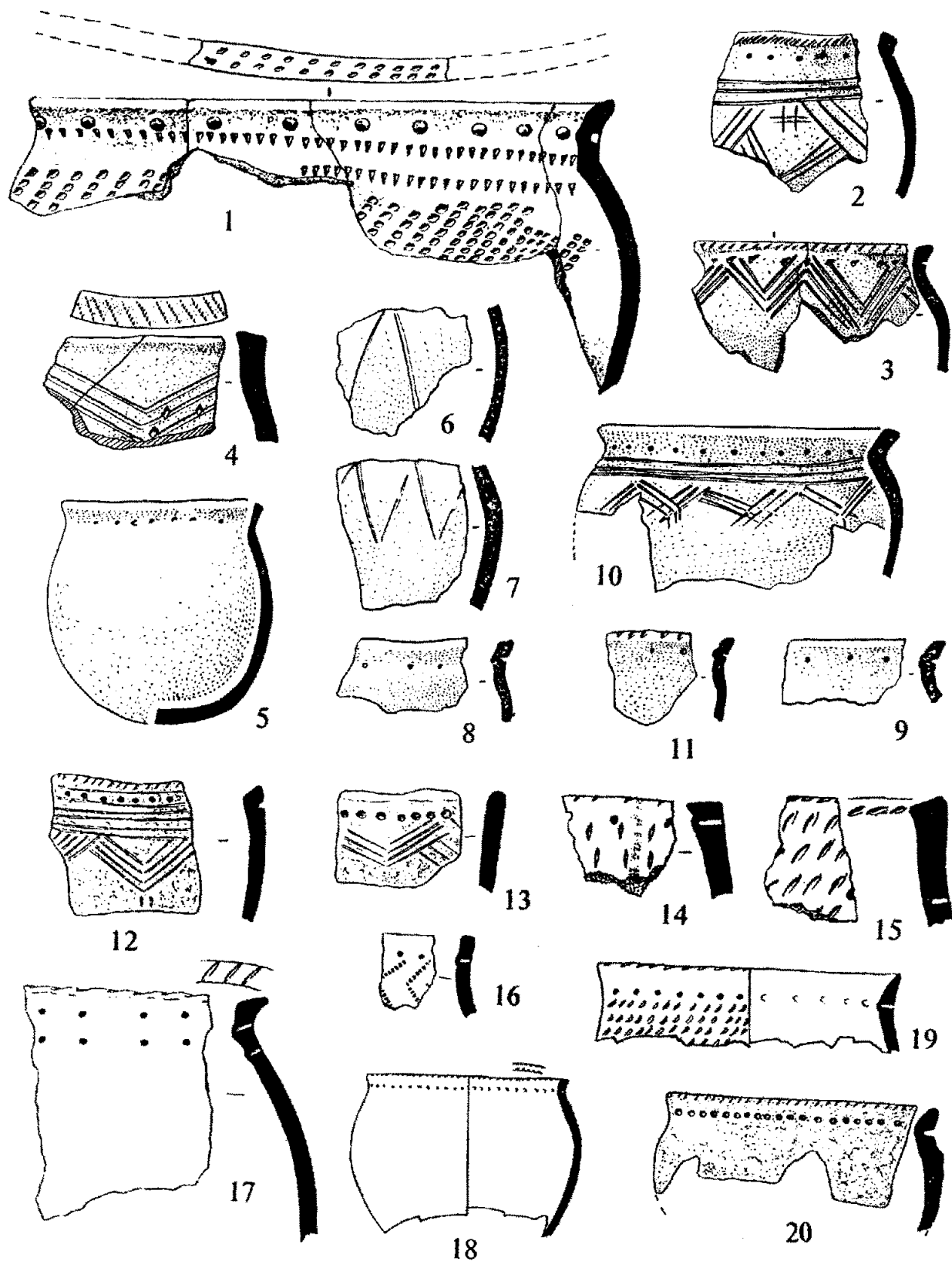

Рис. 2. Керамика погребальных комплексов эпохи раннего средневековья Кузнецкой котловины (1 - 11) и поселений лачиновской культуры (1 тип керамики по И.В. Окуневой) (12 - 20).

Масштаб разный. По опубликованным источникам.

(1- КМ Шабаново 1, к.2, 5-11 КМ Сапогово, к. 2, 3 - КМ Сапогово, к. 5, 2 - КМ Сапогово, к. 12, 4 - КМ Сапогово, к. 19, 12 - пос. Сосновка 3, 13 - пос. Курья 7, 20 - пос. Курья 2, 14, 15 - пос. Бардино 4, 16, 19 - пос. Казанково 5, 17, 18 - пос. Васьково 1)

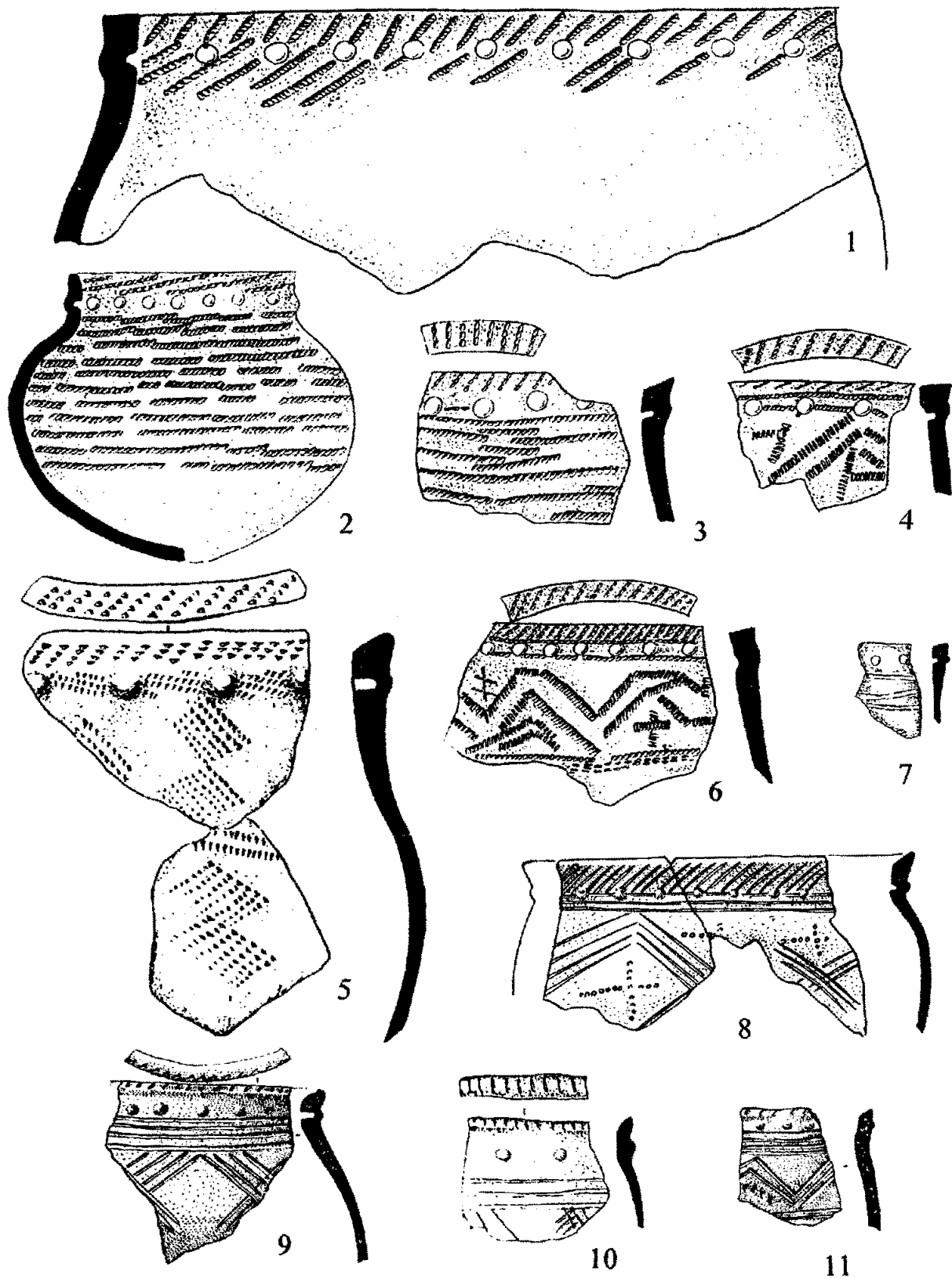

Рис. 3. Керамика с жемчужником погребальных комплексов эпохи раннего средневековья Кузнецкой котловины
 Масштаб разный. По опубликованным источникам.
 (1-4,6 - КМ Юрты 2, 5 - КМ Шабаново 1, к. 2, 7,10 - КМ Ваганово 1, 8 - КМ Сапогово к. 3, 9,11 - КМ Сапогово, к. 5)

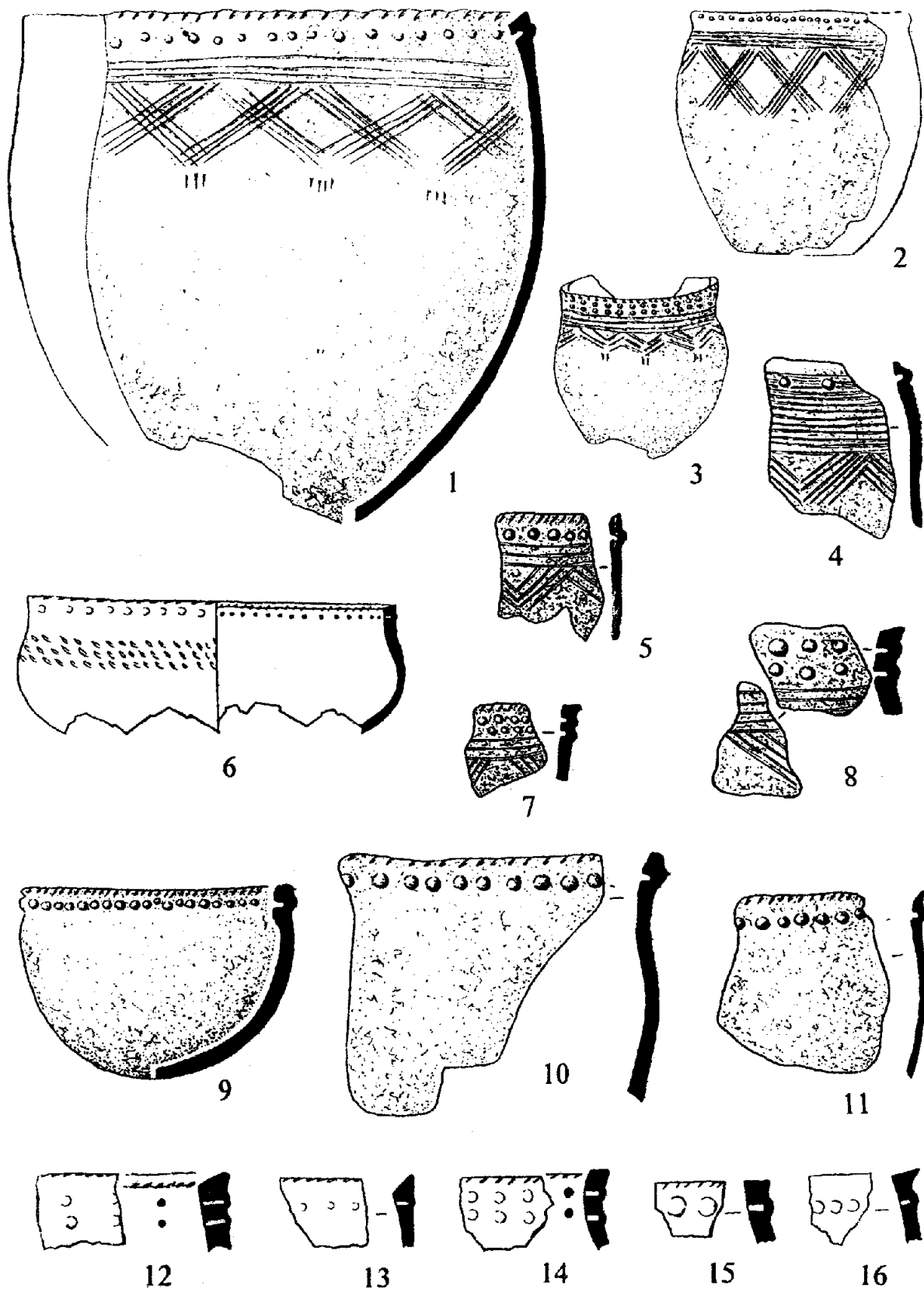

Рис. 4. Керамика с жемчужником (2 тип керамики по И.В. Окуновой) поселений лачиновской культуры.
 Масштаб разный. По опубликованным источникам.
 (1 - пос. Курья 4а, 2,4,7,10-11 - пос. Сосновка 3, 3 - пос. Курья 7, 5,8-9 - пос. Курья 2, 6,13-16 - пос. Казанково 5, 12 - пос. Бардино 4)

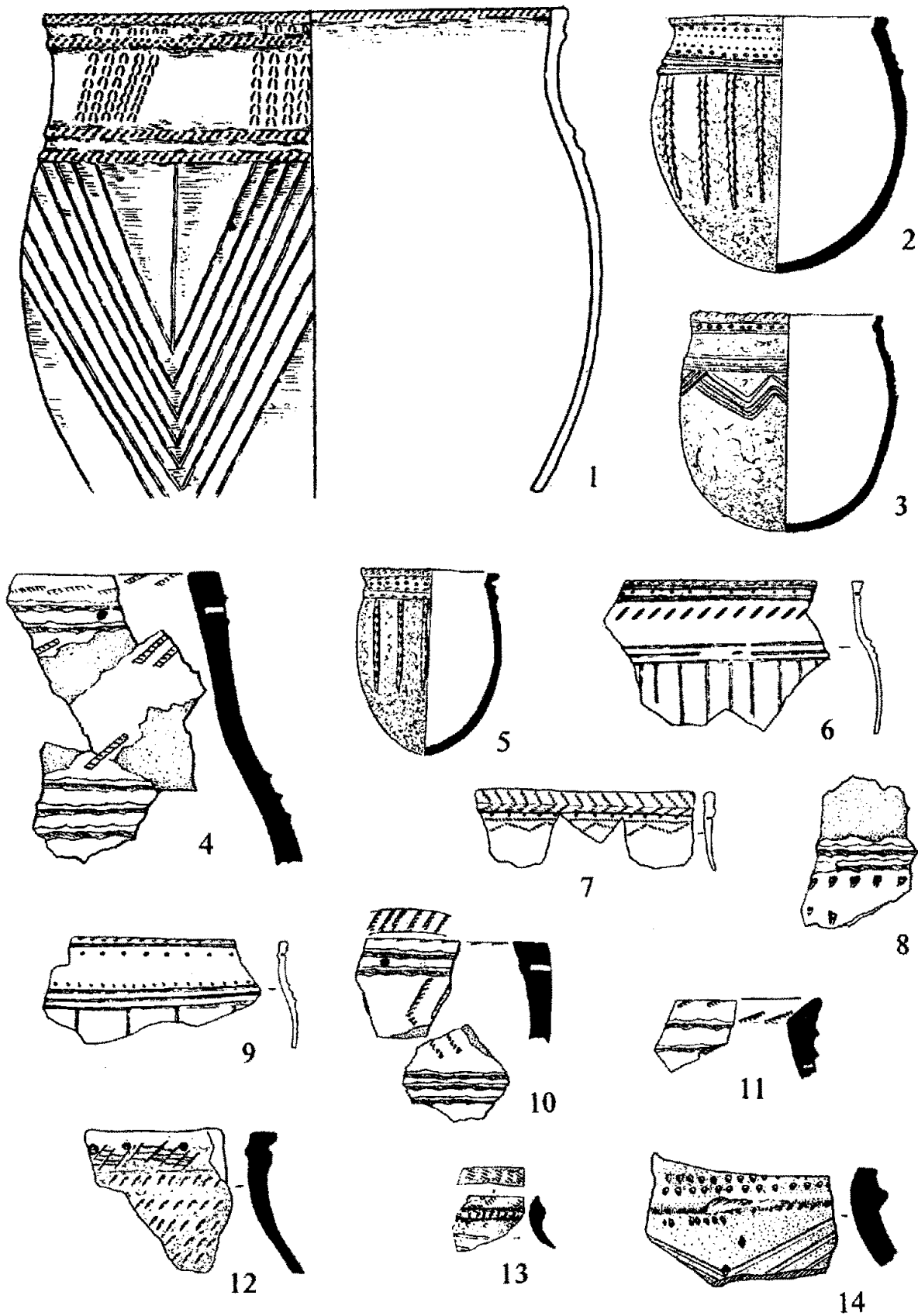

Рис. 5. Керамика с наклепными валиками поселений лачиновской культуры (3 тип керамики по И.В. Окуновой) (1 - 12) и погребальных комплексов эпохи раннего средневековья Кузнецкой котловины (13 - 14).

Масштаб разный. По опубликованным источникам.

(1 - гор. Басандайка 4, ж. 1, 2,5 - пос. Лачиново 1, 3 - пос. Сосновка 3, 4,10 - пос. Казанково 5, 6-7,9 - пос. Тимирязевское 1, 8,11 - пос. Бардино 4, 12 - пос. Курья 4, 13 - КМ Ваганово 1, 14 - КМ Сапогово, к. 19)

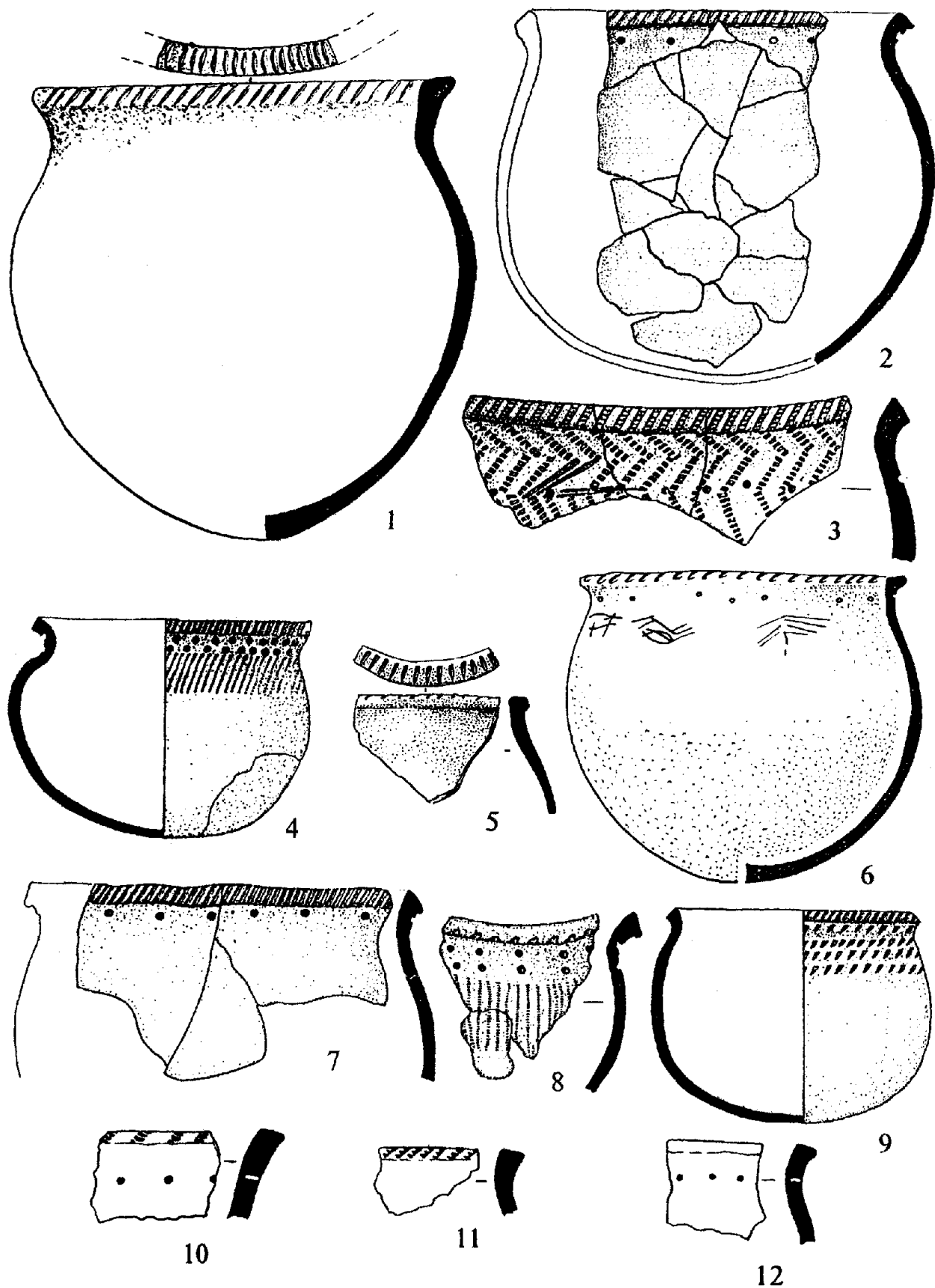

Рис. 6. Керамика погребальных комплексов эпохи раннего средневековья Кузнецкой котловины (1 - 19) и поселений лачиновской культуры (4 тип керамики по И.В. Окуневой) (10 - 12)

Масштаб разный. По опубликованным источникам.

(1 - КМ Шабаново 1, к. 2, 2-4, 7-9 - курган-кладбище Сапогово, 6 - КМ Сапогово, к. 3, 5 - КМ Сапогово, к. 17, 10-12 - пос. Казанково 5)

Таблица 1

Самодийские могильники Кузнецкой котловины эпохи раннего средневековья (по опубликованным источникам).

№ п/п	Название	Тип		Обряд		Хронологические рамки в.в.											Наличие публикаций материала	
		КМ	ГМ	курган-кладбище	кремация	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13		
1.	Усть-Абинский																	
2.	Юрты 2																	
3.	Сапогово 1																	
4.	Ваганово 1																	
5.	Шабаново 1																	
6.	Сапогово																	
7.	Сидорово																	
8.	Есаульское																	
9.	Титово																	
10.	Саратовка																	
11.	Сапогово 2																	
12.	Шабаново 3																	
13.	Октябрьский																	
14.	Калтышино 2																	
15.	Касьма																	
16.	Шабаново 4																	
17.	Мостовая																	
18.	Калтышино																	
19.	Калтышино 1																	

Городище Сошниково 1

Памятники эпохи великого переселения народов давно привлекают к себе пристальное внимание исследователей. И это далеко не случайно. Именно в это время происходит изменение облика большинства археологических культур лесной и лесостепной полосы Евразийского континента, закладываются основы «современных» этносов. Правильное понимание исторических процессов, происходивших в это время, во многом предопределяет и правомерность последующих выводов исследователей. Поэтому любые материалы, относящиеся к этому времени, вызывают живейший интерес.

К сожалению, в подавляющем большинстве материалы этого периода представлены погребальными комплексами. Как правило, это либо единичные захоронения, либо некрополи с небольшим количеством могил. Поселенческие комплексы этого времени представлены в литературе довольно слабо. Кроме того, если для западных регионов эта тема разработана неплохо, то для Южной Сибири она являлась «белым пятном». В этих условиях введение в научный оборот материалов поселенческих комплексов представляется довольно своевременным.

До недавнего времени на территории Юго-Западной Сибири этот период был представлен лишь материалами выделенного М.П. Грязновым переходного этапа верхнеобской культуры [77], тремя погребениями эпохи Великого переселения народов [90; 264; 341] и материалами могильника ТЕ-1 [67; 68]. И лишь совсем недавно стали известны поселенческие комплексы, керамика которых идентична керамике из захоронений в пункте БЕ-3. Наиболее показательный комплекс дало городище Сошниково 1. На сегодняшний день это один из немногих археологических памятников, исследованный полностью, включая линию рва. Кроме того, его однослойность и условия залегания материала, а также идеальные условия планиграфических и стратиграфических наблюдений (остатки сгоревших жилищ на фоне материка – светло-желтого, почти белого песка), тщательность исследования (выборка объектов тонкими горизонтальными слоями с фиксацией на каждом горизонте, сплошной раскоп) позволили полностью реконструировать это городище, проследить конкретные

строительные приемы и детали сооружений, что является немаловажным в любой реконструкции. Принципы реконструкции будут обоснованы ниже.

Городище Сошниково 1 находится в Зональном районе Алтайского края. Расположено на мысовидном выступе песчаной гривы, высотой от поймы правого берега р. Иткуль 12–13 м, в 6 км к ЮВ от ее истока, в сосновом бору. Открыто в 1988 г. М.Т. Абдулганеевым и автором данной статьи.

Площадка городища располагалась на краю мысовидного выступа и была защищена с двух сторон его крутыми склонами (рис. 1). Она окружена кольцевой системой из слабо прослеживающегося рва шириной до 1,5 м и глубиной до 0,15 м. На площадке зафиксировано пять западин, которые визуально делились на два типа: большие, с размерами в среднем 6×6 м и глубиной до 0,2 м и малые – 4×4 м и глубиной до 0,15 м. Летом 1991 г. археологической экспедицией АГУ под руководством М.Т. Абдулганеева городище было полностью раскопано.

Раскопом площадью 964 кв.м было исследовано пять построек, 11 ям и линия рва. Следов вала не зафиксировано.

Перейдем к краткому описанию исследованных объектов.

Постройка *одна* до раскопок представляла собой западину подквадратной формы с размерами 6×6,5 м и глубиной 0,15–0,2 м. Исследование западины показало, что это был подквадратный котлован размером 6×5,5 м, заглубленный от уровня погребенной почвы на 0,55 м. Стенки котлована отвесные, дно горизонтальное. На разных горизонтах зачистки зафиксированы угли и остатки горелого дерева, что позволило проследить конструктивные особенности постройки. На дне прослежены остатки двух столбовых ям, у СЗ стенки – очаг открытого типа, подовальной формы, незначительно (0,1 м) заглубленный в дно постройки. Находки (развалы сосудов) концентрировались у стены, рядом с которой располагался очаг. Выход зафиксирован в ЮЗ стене у южного угла (рис. 2).

Постройка *два* представляла собой до раскопок западину подквадратной формы с размерами 6×6 м и глубиной 0,05 м. Исследование западины показало, что это был подквадратный котлован с размерами 6×5,5 м, заглубленный от уровня погребенной почвы на 0,5 м. Стенки котлована отвесные, дно горизонтальное. На разных горизонтах зачисток зафиксированы угли и остатки горелого дерева, что позволило проследить конструктивные особенности постройки. На дне

прослежены остатки шести столбовых ям. Ближе к центру постройки располагался очаг открытого типа овальной формы, незначительно (0,08–0,1 м) заглубленный в дно постройки. Находки (развалы сосудов и скопления керамики) концентрировались у западной стенки. Выход зафиксирован в южной стене постройки (рис. 3).

Постройка *три* до раскопок представляла собой западину подквадратной формы с размерами 6×6 м и глубиной 0,1 м. Исследование западины показало, что это был трапециевидный котлован с размерами 6×5 м, заглубленный от уровня погребенной почвы на 0,55 м. Стенки котлована отвесные, дно горизонтальное. На разных горизонтах зачистки зафиксированы угли и остатки горелого дерева, что позволило проследить конструктивные особенности постройки и строительные приемы, которые использовались при ее сооружении. На дне, рядом с центром, располагался очаг округлой формы открытого типа, незначительно (0,1 м) заглубленный в дно постройки. Находки (развалы сосудов, скопления керамики, фрагмент куранта) концентрировались у южной стены. Выход зафиксирован в восточной стене постройки (рис. 4).

Постройка *четыре* до раскопок представляла собой западину овальной формы с размерами 3×4 м и глубиной 0,1 м. Исследование западины показало, что это был подпрямоугольный котлован с размерами 4×2,5 м, заглубленный от уровня погребенной почвы на 0,6 м. Стенки котлована покатые, дно неровное. На дне зафиксированы три столбовые ямки, две из них располагались в углах постройки. Очаг округлой формы открытого типа располагался ближе к СЗ углу. Находки (скопления керамики) концентрируются у очага. Выход зафиксирован в ЮВ углу постройки (рис. 5).

Постройка *пять* до раскопок представляла собой западину округлой формы диаметром около 3 м и глубиной 0,05 м. Исследование западины показало, что это был котлован подквадратной формы с размерами 3×3 м, заглубленный от уровня погребенной почвы на 0,5 м. Стенки котлована отвесные, дно горизонтальное. На разных горизонтах зачистки зафиксированы угли и остатки горелого дерева, что позволило проследить конструктивные особенности постройки. На дне зафиксированы три столбовые ямки, расположенные в углах постройки. Очаг открытого типа округлой формы, незначительно заглубленный в дно постройки (0,1 м), располагался ближе к СЗ углу. Находки (скопления керамики) концентрируются у

очага и рядом с выходом. Выход зафиксирован в СВ углу постройки (рис. 5).

До раскопок ров фиксировался по незначительному углублению. Исследования показали, что он имел пятиугольную форму. Ширина рва колебалась от 1 до 1,2 м, глубина от погребенной почвы в среднем 0,5 м. В разрезе ров имел полусферическую форму. Никаких конструкций во рву и рядом с ним не выявлено. Ров, окружающий городище, прерывался в трех местах, которые, вероятнее всего, служили входами-выходами на окруженную ровом площадку. Все усилия, направленные на поиски вала, столбовых ямок частокола или других конструкций, не увенчались успехом. Ямы, зафиксированные на площадке городища, имели неправильные формы и глубины от 0,3 до 0,6 м. Все ямы располагались в западной части городища, занятой постройками *четыре* и *пять*.

Полученные планиграфические и стратиграфические материалы, а также сохранившиеся сгоревшие элементы построек позволили полностью реконструировать как сами постройки, так и городище Сошниково 1.

Проведенная реконструкция основана на объективных данных. Сохранившиеся элементы постройки *три* позволяют говорить о срубной конструкции как этой, так и других построек. Об этом же нам говорят остатки нижнего венца сруба, фиксируемые на дне построек *два* и *один*. Диаметр бревен, из которых изготавливался сруб, определен по ширине остатков нижнего венца сруба, а также по ширине стенок, рухнувших внутрь жилища и фиксируемых по разрезам. По этим же стенкам определены и высота сруба, а следовательно, и количество венцов в нем. Строительный прием, с помощью которого крепились бревна в углах, зафиксирован по остаткам обугленных бревен в углах постройки *три*. Диаметры столбов определены исходя из диаметров столбовых ямок, а жердей перекрытия — по их остаткам в заполнении построек. Конструкция перекрытия фиксировалась на верхних уровнях зачистки, а высота опорных столбов — либо планиграфически на дне построек, либо в разрезах.

Постройки *четыре* и *пять* имели несколько иную конструкцию, а именно — каркасно-срубную. Бревна сруба затесанными концами крепились в пазах столбов, расположенных по углам котлована, о чем свидетельствует расположение столбовых ямок, а также сгоревшие элементы конструкции в постройке *пять*.

Стенки построек в процессе эксплуатации подпирались столбами, установленными внутри них. Об этом свидетельствует распо-

ложение столбовых ямок в постройке *два*. Выходы представляли собой обычные проемы в срубных стенах.

Принципы реконструкции рва и ям не нуждаются в обосновании.

Функциональное назначение исследованных построек различно. Об этом свидетельствуют как различные строительные приемы, применяемые при их сооружении (срубные и каркасно-срубные конструкции), так и малые площади построек *четыре* (10 кв. м) и *пять* (9 кв. м) по сравнению с постройками *один* (33 кв. м), *два* (33 кв. м) и *три* (30 кв. м). Постройки *четыре* и *пять* можно трактовать как хозяйственные, а *один*, *два* и *три* — жилища. Об этом же свидетельствуют и планиграфические данные — хозяйственные постройки расположены в западной части городища, рядом с ними имеется большое количество ям. Жилища же стоят особняком, в восточной части, ям рядом с ними нет.

Таким образом, городище Сошниково 1 представляло собой небольшую площадку, окруженную неглубоким рвом, с тремя въездами, на которой располагались как жилища, так и хозяйственные постройки, причем жилищный и хозяйственный комплексы были планиграфически отделены один от другого, хотя все вместе, несомненно, являлись единым жилищно-хозяйственным комплексом.

Кроме того, материалы городища Сошниково 1 позволяют говорить о знакомстве его насельников с различными строительными приемами, позволяющими им сооружать довольно сложные конструкции с самонесущими шатровыми крышами, посредине которых, к тому же, было дымовое отверстие. Они хорошо владели техникой сооружения сруба и каркасно-срубных конструкций. Использование столбов в качестве опоры стены говорит и о их знакомстве с каркасно-столбовой техникой сооружения конструкций.

Глубина котлованов (0,5 м), вероятно всего, обусловлена глубиной промерзания почвы. Это та грань, после которой земляной пол в холодное время года всегда сохранял положительную температуру.

Кроме того, все постройки свидетельствуют и о наличии определенной внутренней планировки. Так, хозяйственная утварь и очаг всегда располагаются слева от входа, что позволяет предположить, опираясь на этнографические данные, разделение жилища на две половины: вероятнее всего, половину собственно брачной пары с семьей (левая) и остальных членов домохозяйства

(правая). Подобная планировка жилищ, как и их сходные конструкции, характерна для этносов, проживающих в лесных зонах и ведущих комплексное хозяйство, основанное на охоте и рыболовстве, носящее сезонный (календарный) характер [328, с. 78; 340, с. 28–29; 341, с. 20; и др.].

Материал, полученный с городища, представлен главным образом керамикой, которая концентрировалась в виде развалов и скоплений внутри построек, причем в определенной их части — слева от входа. В межжилищном пространстве найден лишь развал одного сосуда (рис. 7–8). Другие категории инвентаря представлены находками выпуклообушного ножа в жилище *два* (рис. 7–2) и обломка куранта из жилища *три* (рис. 8). Таким образом, для определения культурно-хронологической принадлежности памятника нам придется опираться прежде всего на керамический комплекс.

Сосуды с городища Сошниково 1 (рис. 6–8) круглодонные, немного вытянутых форм ($d < h$), с прямыми, округлыми, приостренными или срезанными внутрь венчиками. Все сосуды орнаментированы. Украшалась верхняя часть сосуда (первая треть), ниже орнаментальные зоны не опускались. Самым распространенным элементом орнаментации являются ямки, которые могли выступать, выстроенные в горизонтальный ряд, как самостоятельная орнаментальная композиция. В некоторых случаях наносили по два или даже три ряда ямок (рис. 6, 8). Жемчужины, образующиеся с внутренней стороны сосуда при нанесении ямок, могли заглаживаться, а могли и оставаться. Вторым по распространенности элементом является гребенчатый штамп, который мог быть как крупнозубым, так и мелкозубым. В орнаментальной композиции сосудов присутствует не более двух орнаментальных элементов, один из которых — ямки. Кроме двух охарактеризованных элементов орнамента встречены отпечатки уголка лопаточки.

В случае орнаментации среза венчика на него наносился тот же орнаментальный элемент, что и на тулово.

Орнаментальная композиция включает в себя ряд мотивов, наиболее распространенный из которых — горизонтальный. Присутствуют наклонный, комбинированный и елочка. Количество орнаментальных строк в композиции варьировало от одной до шести.

Идентичный керамический комплекс представлен сосудами из могил переходного этапа верхнеобской культуры, большинство из которых происходят с пункта БЕ-3 [77].

К сожалению, переходным периодом никто из исследователей серьезно не занимался. Кроме М.П. Грязнова [77] этими материалами интересовалась Т.Н. Троицкая. Из материалов М.П. Грязнова ею были выделены материалы переходного периода только из пункта БЕ-3, которые она датировала III–IV вв. [328, с. 182], все остальные были отнесены непосредственно к одинцовской культуре. Могильник Степь-Чумыш был назван типично переходным памятником [328, с. 102]. В дальнейших работах к материалам переходного периода она не возвращалась. Не получили они своего места и в периодизации одинцовской культуры, созданной Т.Н. Троицкой.

Кроме анализа захоронений в пункте БЕ-3 и Степь-Чумыше появились новые материалы, характеризующие этот период. Это могильник Троицкий Елбан 1 [67; 68], городище Бехтемир [126; 154] и ряд других памятников, материалы которых пока не опубликованы. Погребения переходного периода (прежде всего по своеобразной керамике, а также по составу сопроводительного инвентаря) выделяются и на могильниках пунктов БЕ-12 и БЕ-14, которые Т.Н. Троицкая считает однородными и относит к одинцовской культуре.

Таким образом, в настоящее время появился довольно значительный блок материалов, позволяющих по-новому взглянуть на этот период и поставить вопрос о его хронологических рамках, которые М.П. Грязновым были определены V–VI вв., а Т.Н. Троицкой – III–IV вв.

Остановимся на этом вопросе подробнее. Его решение невозможно без пересмотра материалов урочища Ближние Елбаны.

К одинцовскому и переходному этапам М.П. Грязновым были отнесены 12 погребений пункта БЕ-3, 1 погребение пункта БЕ-7, 11 — пункта БЕ-12 и 19 — БЕ-14.

Погребение в пункте БЕ-7 относится к фоминскому этапу кулайской культуры [328, с. 102].

Из могильника БЕ-3 вычленяется м. 12, в которой обнаружен плоскодонный сосуд [77, табл. 46–2]. Вероятнее всего, эта могила относится к раннему железному веку, тем более, что на площади могильника БЕ-3 совмещены захоронения этих культурно-хронологических групп.

Остальные захоронения этого могильника датируются по таким хронологически показательным вещам, как подвеска в форме миниатюрного бронзового котла из м. 1 — III–V вв. [42, с. 241, табл. с. 448–33,34], бронзовые нашивные бляшки из м. 6 и 15 — III–

V вв. [64, с. 44], бронзовые серьги с витой трубкой из расплющенной проволоки — III–V вв. [64, с. 40], бронзовая гривна, свитая из двух проволочек с несомкнутыми петельчатыми концами — вторая половина IV–первая половина V вв. [93, с. 11], железный нож с остатками железной обоймы от ножен из м. 6 — V–VI вв. [30, с. 11–12].

Как видим, разброс дат довольно широк — в пределах III–V вв. Но сосуществование в м. 6 таких вещей, как бронзовая гривна из двух свитых проволочек с несомкнутыми петельчатыми концами и железного ножа с обоймочкой от ножен, значительно сужают датировку всего комплекса до конца IV — начала V вв.

М. 1, 11, 19 и 32 пункта БЕ-12 по сосудам также отнесены к переходному этапу. Этот комплекс датируется по вещам из м. 11 — бронзовая гривна из двух свитых проволочек с несомкнутыми петельчатыми концами и железный нож с обоймочкой от ножен — первой половиной V в.

В пункте БЕ-14 керамика, подобная сошниковской, встречается в м. 24, 33 и 47. К сожалению, датирующих вещей в этих могилах нет.

Кроме могильников на БЕ погребения переходного времени известны из Степь-Чумыша и Троицкого Елбана 1.

Погребения в Степь-Чумыше А.П. Уманским достаточно аргументированно датируются IV–V вв. [340, с. 141]. Эта датировка поддерживается и другими исследователями [328, с. 102]. Отметим лишь, что мечи-палаши и железные ножи с обоймами от ножен ранее второй половины IV в. в памятниках Приобья неизвестны. Исходя из этого мы можем уточнить хронологические рамки этого могильника второй половиной IV–первой половиной V вв.

Хронологические рамки этого периода подтверждают и материалы могильника Троицкий Елбан 1 [67; 68]. Сосуществование в инвентаре этого могильника бронзовой гривны из двух свитых проволочек с несомкнутыми петельчатыми концами и проволочной серьги с трубкой, свитой из расплющенной проволоки, позволяют нам сузить датировку этого памятника до второй половины IV–первой половины V вв. Хронологические рамки бытования других вещей из этого комплекса не противоречат этой датировке.

Таким образом, мы видим, что вещевой инвентарь, сопровождающий керамический комплекс, идентичный рассматриваемому с городища Сошниково 1, достаточно хорошо датируется второй половиной IV–первой по-

ловиной V вв. Этим же временем следует датировать и городище Сошниково 1. Выпуклообушковые ножи, подобные ножу из жилища два, довольно широко бытуют в этот период.

Не противоречат этому и две даты, полученные методом радиоуглеродного датирования. Пробы были взяты из остатков жилищ *один* и *два*. Это 515 ± 20 г. н.э. и 310 ± 25 г. н.э.

Исходя из вышеизложенного мы можем отнести городище Сошниково 1 к первому этапу существования одинцовской культуры и датировать его второй половиной IV-первой половиной V вв.

Учитывая, что верхнеобская культура, выделенная М.П. Грязновым, в настоящее время является предметом лишь историографического изучения, так как в процессе ее познания датировка этапов была коренным образом пересмотрена, а один из этапов (фоминский) вычленен и отнесен к другой культуре (кулайской), мы считаем нецелесообразным сохранять за вновь выявленной культурой старое название. Кроме того, на наш взгляд, археологическая культура не

должна дублировать названия географического региона, в котором она распространена, а носить собственное название, так как любые другие культуры (елуниинская, ирменская, каменная и т.п.), существовавшие в этом регионе, также являются верхнеобскими. Понятие переходного периода как одного из периодов верхнеобской культуры также стало достоянием историографии. Кроме того, оно является индифферентным, так как заставляет постоянно уточнять, переход от чего к чему подразумевается. Учитывая вышеизложенное, считаю необходимым назвать этот период по памятнику, давшему чистый и показательный материал, — сошниковским, что позволяет снять все вышевыдвинутые противоречия. Этот этап отражает момент формирования одинцовской культуры и является первым в ее эволюционном развитии.

В заключение хочется выразить искреннюю благодарность художнику О.А. Семибратовой за действенную помощь в реконструкции внешнего облика памятников и рисунки.

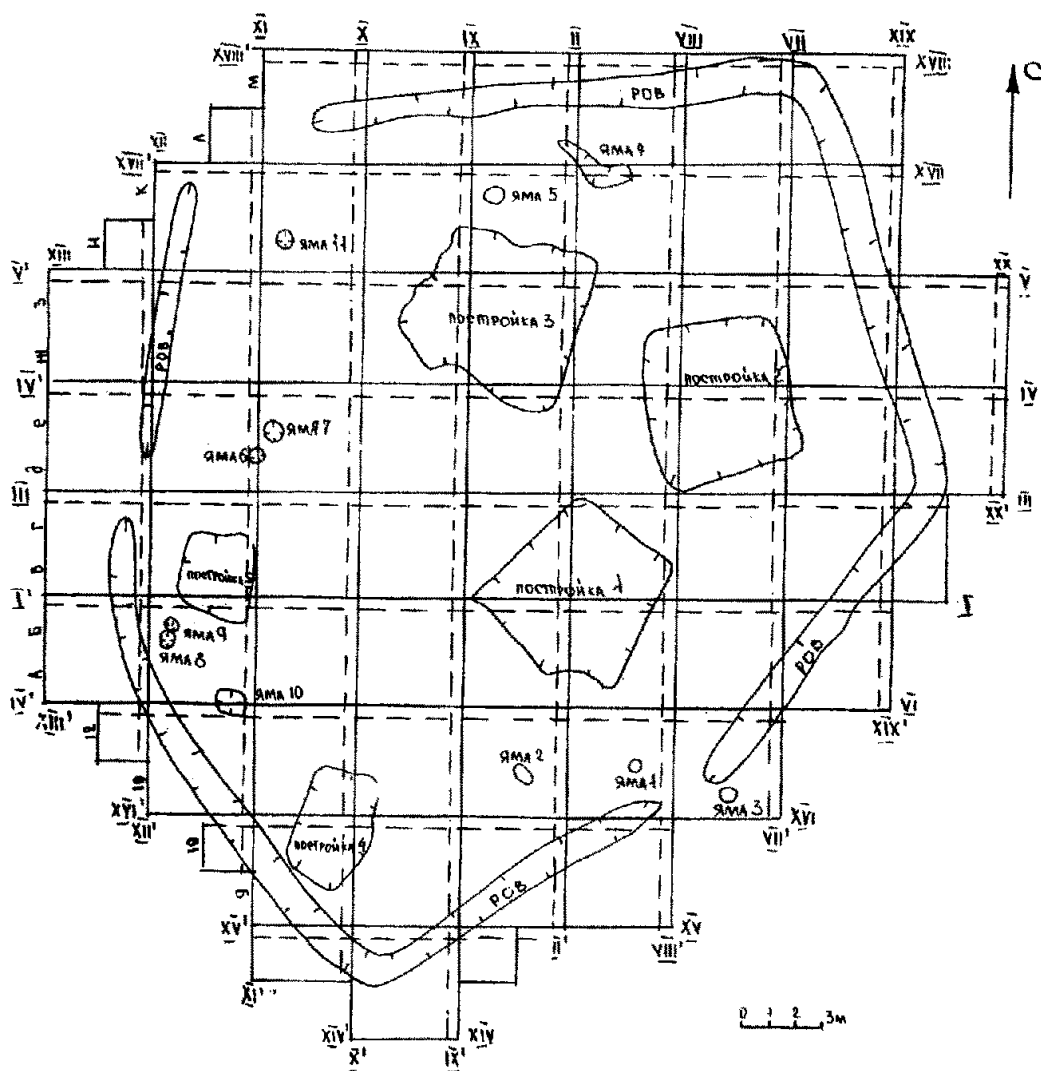
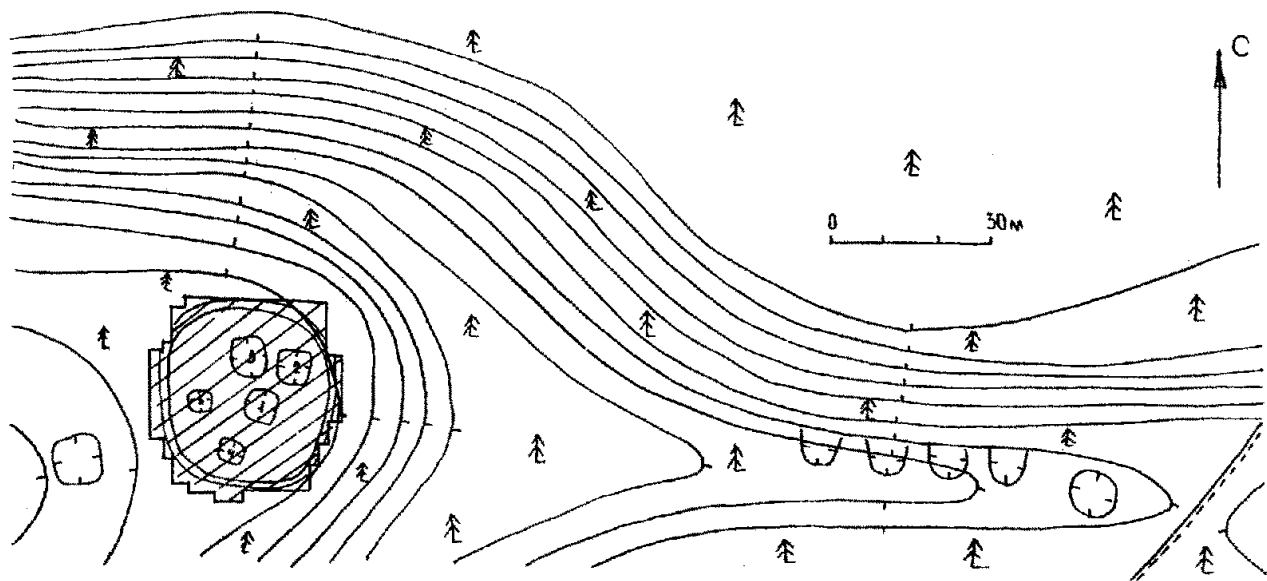

Рис. 1. Городище Сошниково I. Глазомерный план и план раскопа

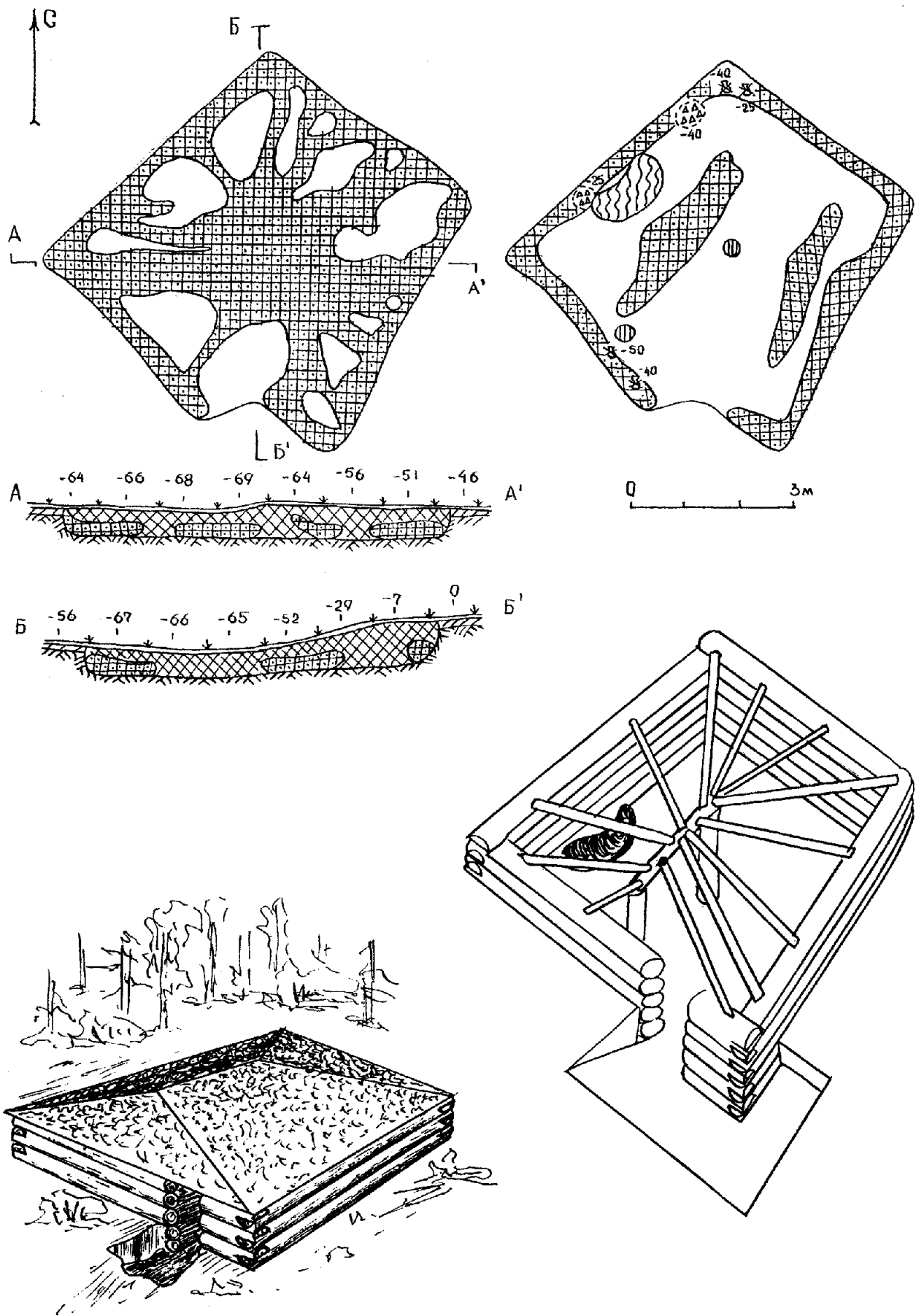

Рис. 2. Городище Сошниково I. Реконструкция постройки I

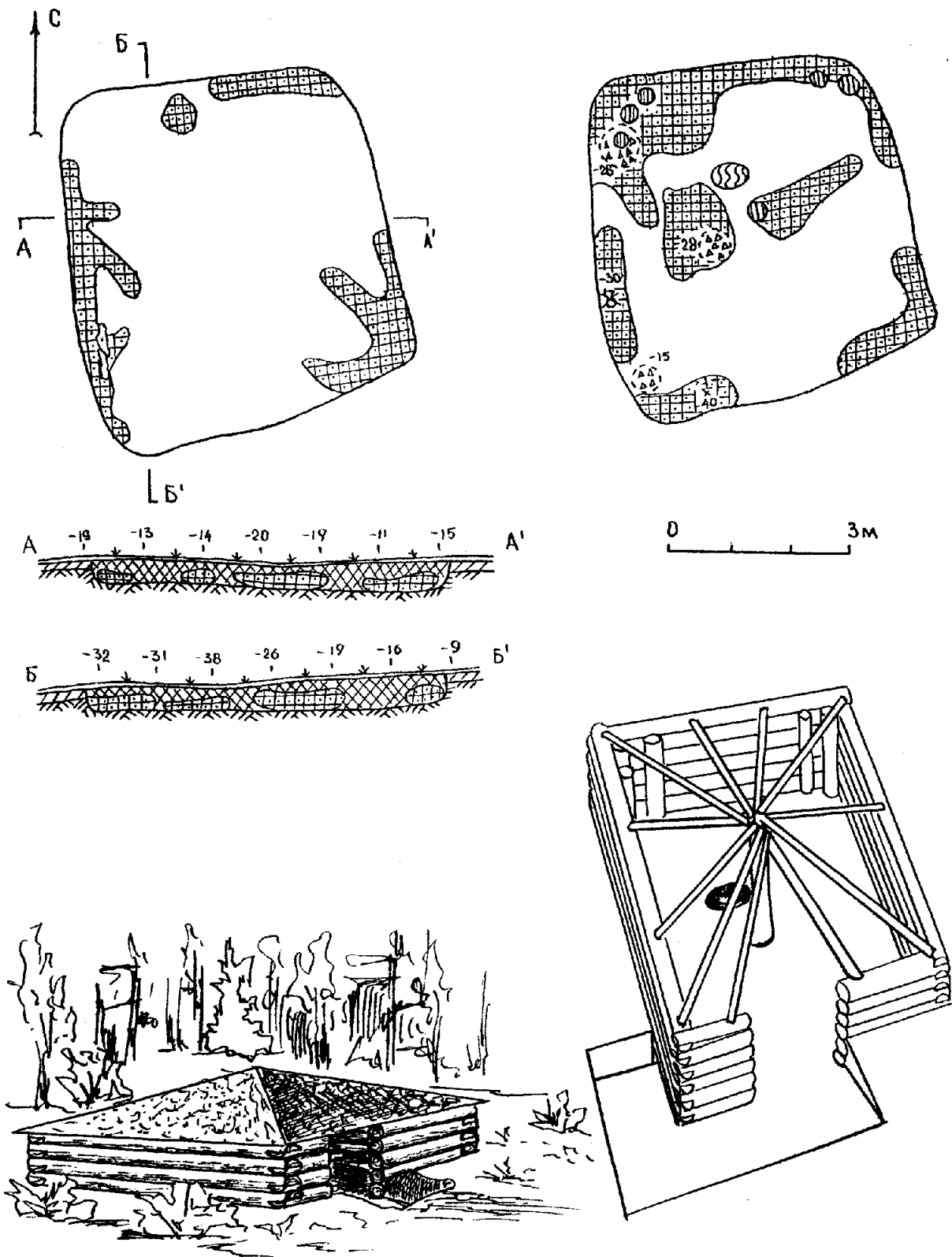

Рис. 3. Городище Сошниково I. Реконструкция постройки 2

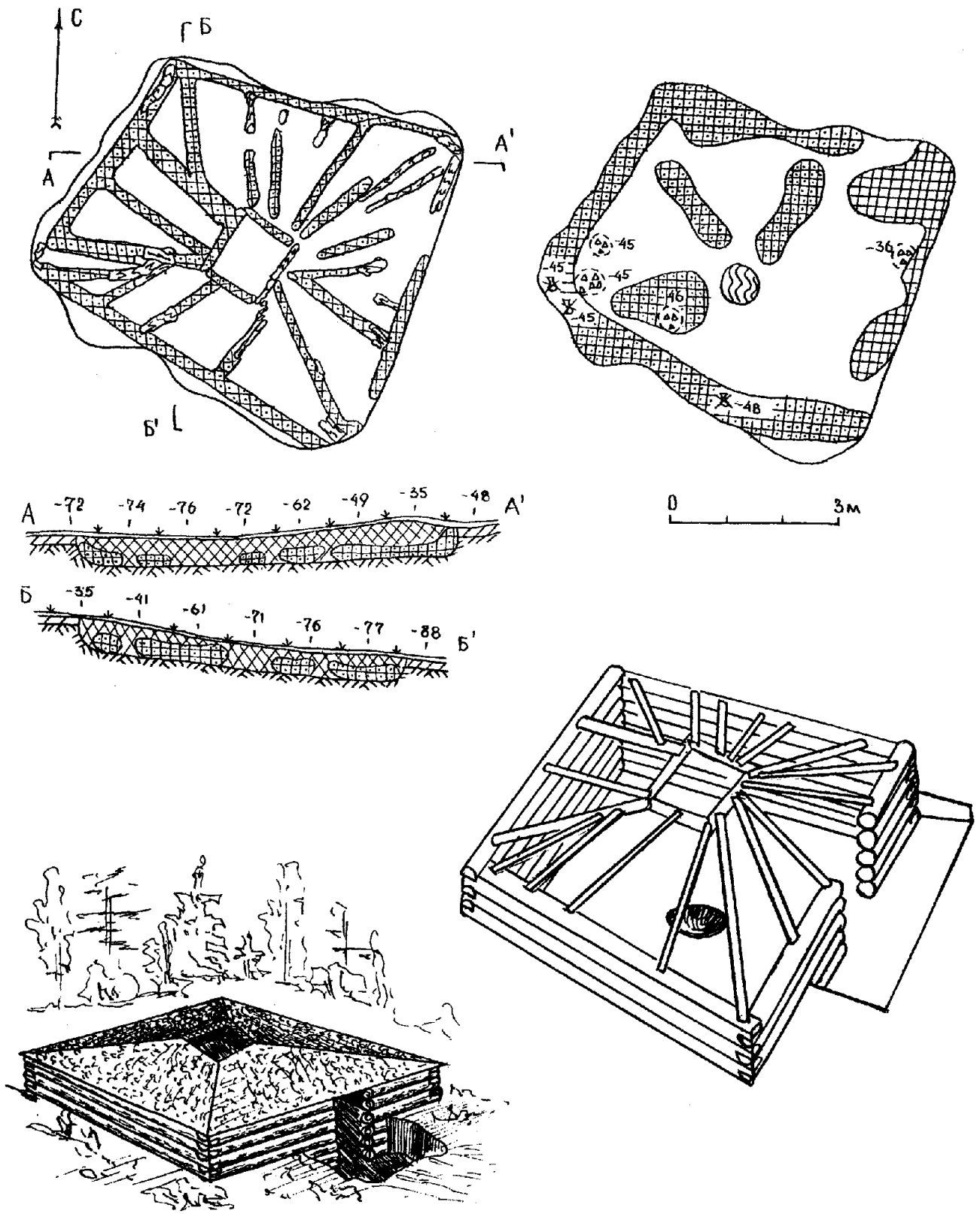

Рис. 4. Городище Сошниково I. Реконструкция постройки 3

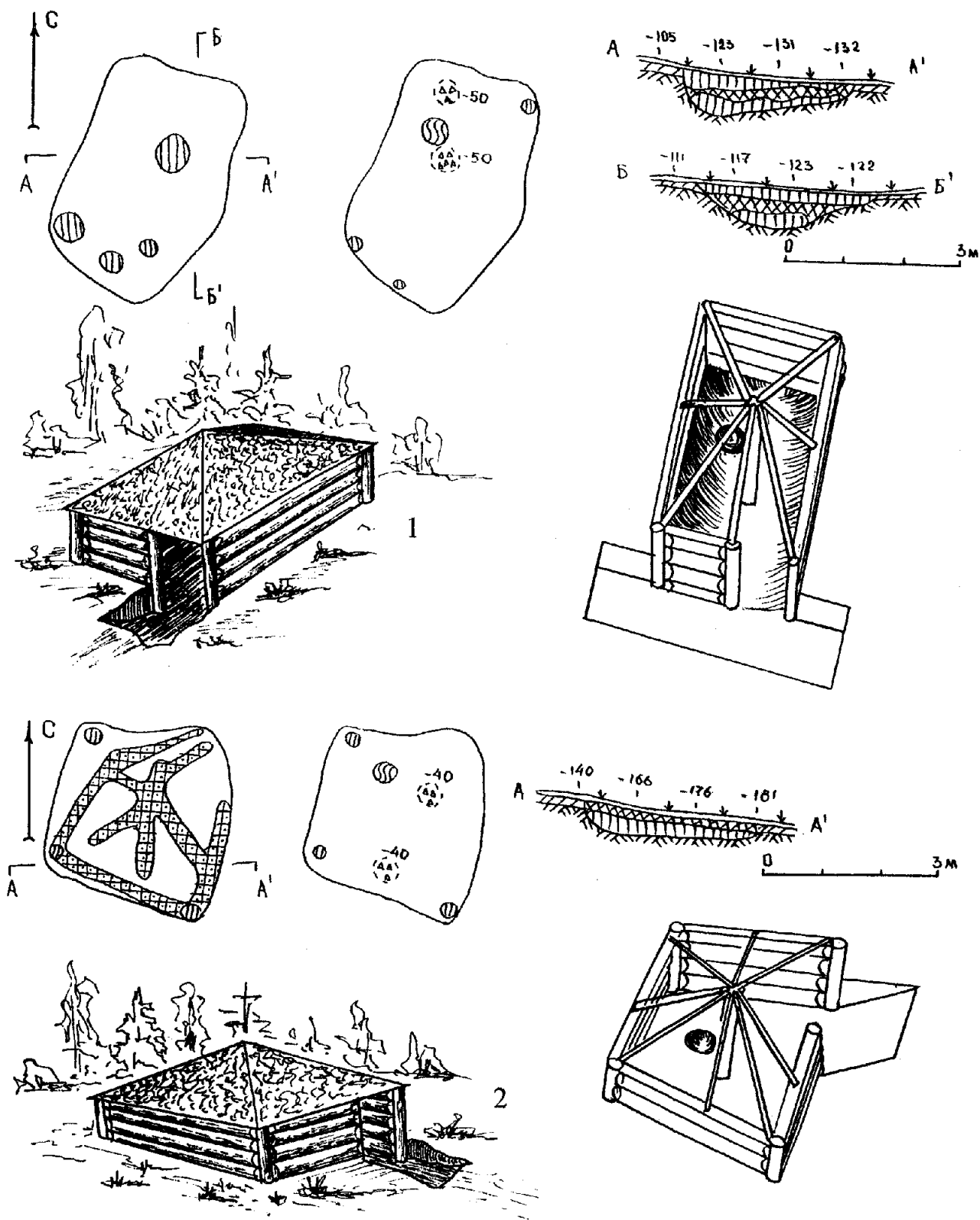

Рис. 5. Городище Сошниково I.
Реконструкция постройки 4 (1) и 5 (2)

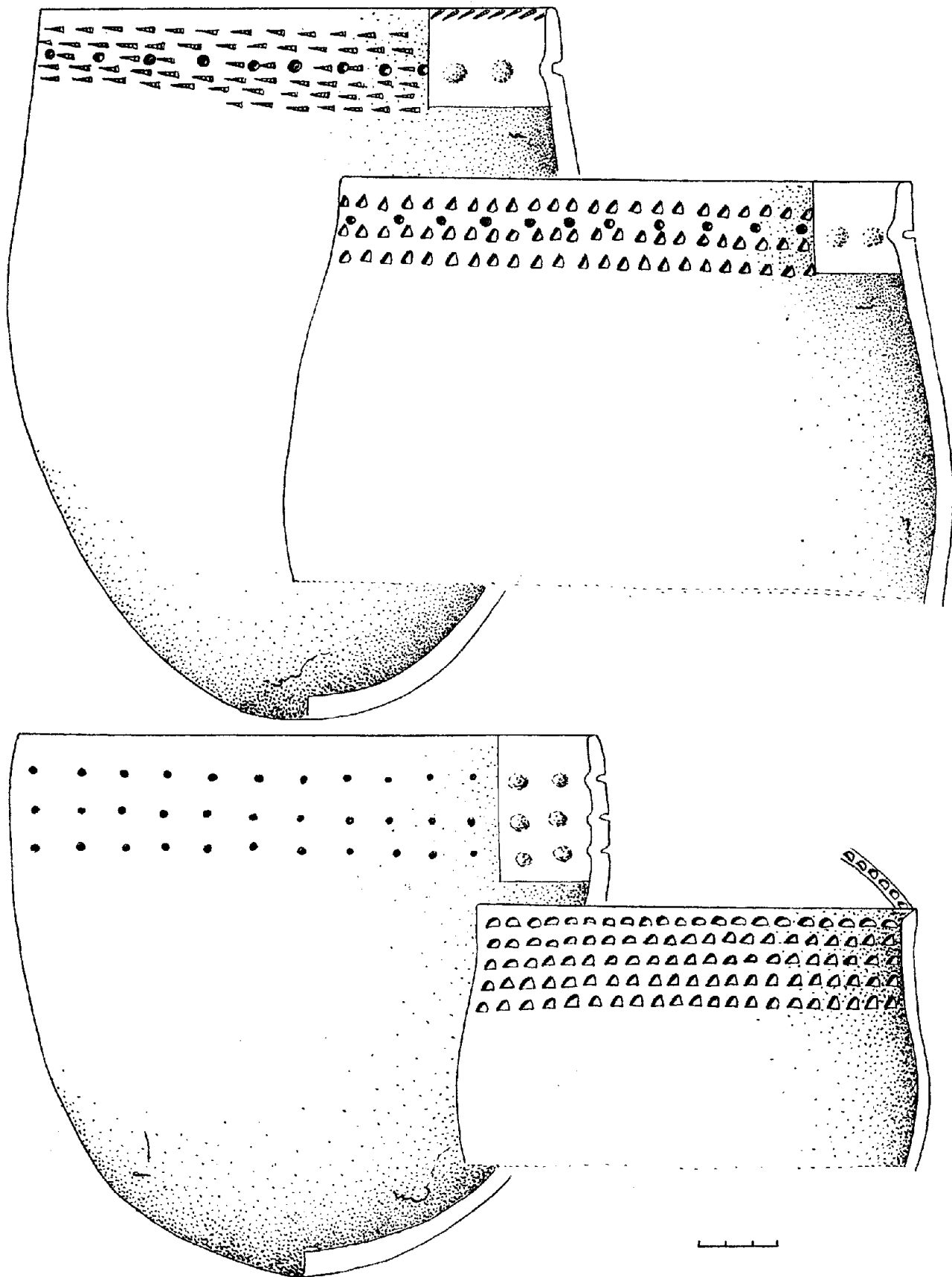

Рис. 6. Городище Сошниково I. Материал из заполнения жилища I.

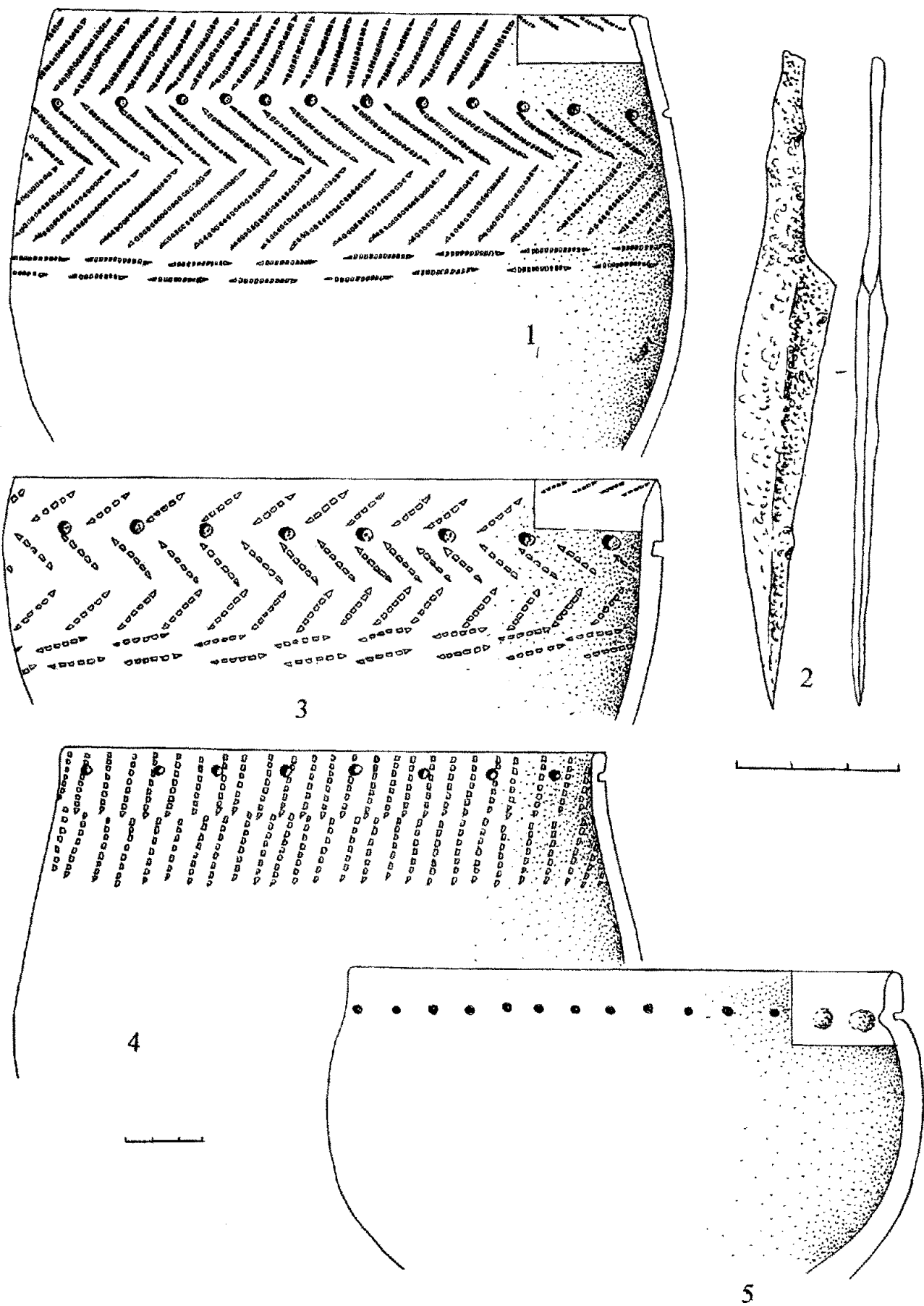

Рис. 7. Городище Сошниково I. Материал из заполнения построек 2 (1–2), 4 (4–5) и межжилищного пространства (3)

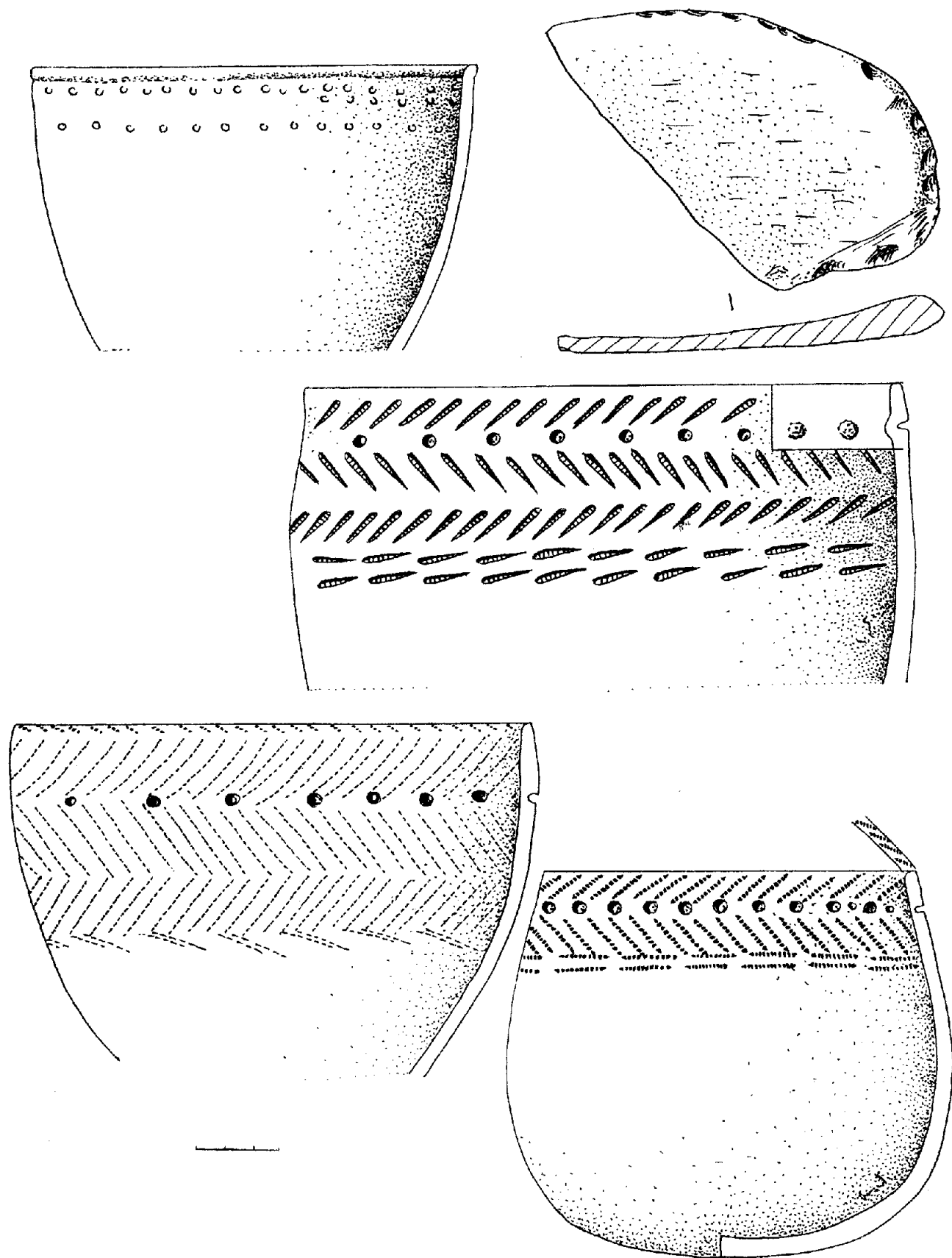

Рис. 8. Городище Сошниково I, Материал из заполнения постройки 3

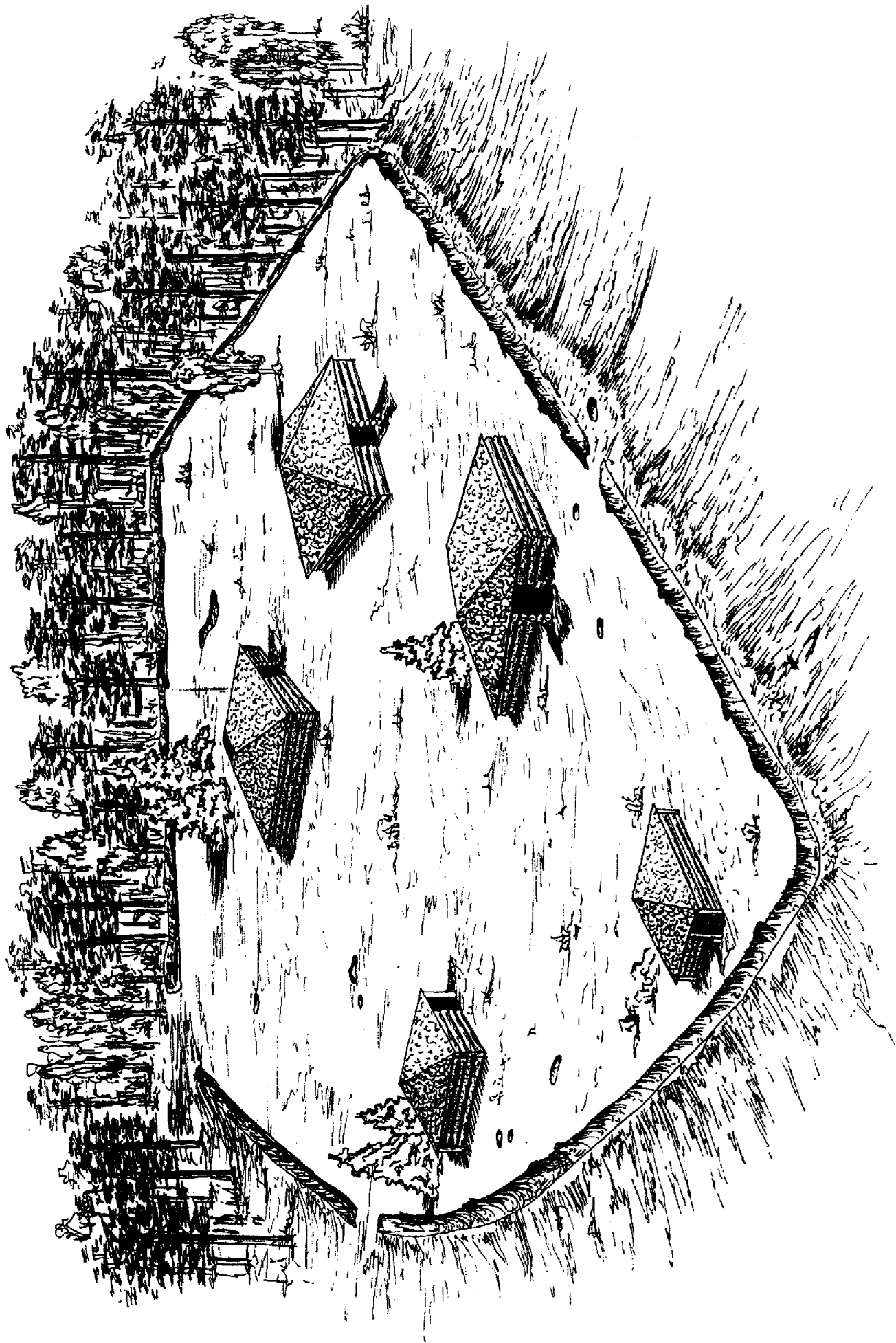

Рис. 9. Графическая реконструкция городища Сошниково I

Керамика хуннского времени из долины р. Эдиган

В памятниках булан-кобинской культуры на территории Горного Алтая керамическая посуда встречается сравнительно редко. Возможно, это следствие недостаточной изученности поселенческих комплексов хуннского времени. В погребальных памятниках для совершения похоронных обрядов использовались, наряду с керамической, деревянная и кожаная посуда. Отсутствие представительных серий керамической посуды среди опубликованных комплексов булан-кобинской культуры ограничивает возможности сравнительного анализа с материалами других культур хуннского времени в сопредельных районах Сибири.

В этой связи определенный интерес должны представлять находки керамической посуды и фрагментов керамики из поселений и могильников, исследованных Южносибирским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИАЭ СО РАН в 1980–1990-х гг. в долине р. Эдиган на правобережной террасе р. Катунь. Наиболее представительная серия находок керамических сосудов и фрагментов происходит из погребений хуннского времени на могильнике Усть-Эдиган. Отдельные фрагменты керамики были обнаружены в ходе раскопок поселений Бузургаши и Бильдыр, одиночного кургана Каинзарах, могильника Кок-Эдиган. Результаты изучения керамической посуды из погребений хуннского времени на могильнике Усть-Эдиган в 1980-х гг. были систематизированы и введены в научный оборот [354, с. 131–134].

В настоящее время коллекция керамической посуды из памятников хуннского времени значительно увеличилась за счет находок 1990-х гг. Керамические сосуды обнаружены в 30 из 74 погребений хуннского времени на могильнике Усть-Эдиган. В одном случае это было впускное захоронение в кургане скифского времени. В кургане Каинзарах, относящемся к скифскому времени, фрагменты керамики булан-кобинской культуры найдены в культурном слое.

Большая часть керамической посуды хуннского времени из долины р. Эдиган изготовлена способом ручной лепки, кроме двух ваз из могильника Усть-Эдиган, на днище которых имеется отпечаток шипа.

Вероятно, они были изготовлены на гончарном круге. По форме выделяется несколько типов сосудов.

Тип I. Горшки. Обнаружены в мужских и женских захоронениях могильника Усть-Эдиган, № 7, 17, 31, 33, 40, 41, 54, 66, 72, 79. Сосуды с плоским дном, параболическим туловом, сужающимся к венчику. У некоторых сосудов венчик отогнут наружу, у некоторых – прямой или скошенный внутрь горшка. Почти половина горшков, четыре из девяти, лишена орнаментации. На орнаментированных горшках полоса орнамента нанесена под венчиком. Встречаются следующие мотивы орнаментации: разреженная полоса округлых вдавлений; полоса жемчужин, чересполосно с треугольными вдавлениями, окаймленная снизу двумя полосами овальных вдавлений. Размеры сосудов варьируют. Выделяются крупные горшки, высотой – 17 см, диаметром горла – 11–13 см, диаметром тулова – 17–18 см, диаметром дна – 10 см (рис. 1–3; 2–3). Горшки средних размеров имеют высоту – 10–13 см, диаметр горла – 10–12 см, диаметр тулова – 12–14 см, диаметр дна – 7 см (рис. 2–4, 6; 3–3). Малые горшки имеют высоту – 9 см, диаметр горла – 9 см, диаметр тулова – 11 см, диаметр дна – 6 см (рис. 2–1, 2).

Крупные горшки с выделенной горловиной имеют непосредственные прототипы среди аналогичных сосудов на памятниках позднего этапа пазырыкской культуры в долине Средней Катуни [175, с. 223].

Тип II. Вазы. Обнаруженные в трех женских и детских захоронениях могильника Усть-Эдиган, № 11, 35, 75. Сосуды с плоским дном, раздутым туловом, покатыми плечиками, выделенной шейкой, широкой горловиной и отогнутым венчиком. У гончарных ваз в днищах имеются отпечатки прямоугольного типа. Их поверхность залощена. На тулове одной из ваз нанесена полоса резного орнамента в виде двух параллельных горизонтальных линий, между которыми заключена волнистая линия. Лепная ваза лишена орнамента. Гончарные вазы имеют высоту 15 см, диаметр горловины – 10–11 см, диаметр тулова – 14–15 см, диаметр дна – 8–10 см (рис. 1–2, 4). Лепная ваза имеет высоту 10 см, диаметр горла – 6 см, диаметр тулова – 8 см, диаметр дна – 5 см.

По технологии изготовления, форме и орнаментации усть-эдиганские гончарные вазы являются подражанием хуннской посуде. Лепная ваза из детского погребения является упрощенной копией гончарных ваз. На территории Горного Алтая во II в. до н.э.–I в.н.э. существовало производство

хуннской гончарной посуды [181, с. 118]. Местные кочевники были знакомы с некоторыми приемами изготовления подобной посуды и даже использовали гончарный круг. Но они, вероятно, не умели подбирать необходимую глину, готовить керамическое тесто и обжигать сосуды в печах, из-за чего изготовленные ими вазы, внешне очень похожие на хуннские, были очень не прочными. Они состояли из рыхлого, крупнозернистого керамического теста и были обожжены в костре.

Тип III. Кубки. Обнаружены в двух захоронениях в могильнике Усть-Эдиган, № 3, 16. Сосуды на высоком, коническом поддоне, с шаровидным туловом, полосой каннелюра под венчиком, с широкой горловиной, с венчиком, скошенным внутрь сосуда. Под венчиком одного из сосудов имеются отверстия для стягивания вертикальной трещины. Высота сосудов — 15–16 см, диаметр горла — 15 см, диаметр тулова — 15–16 см, диаметр поддона — 10 см (рис. 1–1; 2–5).

Кубки на поддоне не характерны для керамического производства кочевников Алтая скифского времени. В хуннское время они были распространены в культурах Тувы и Минусинской котловины [89, с. 209; 41, с. 90]. Вероятно, булан-кобинские кочевники могли заимствовать подобную форму посуды у носителей кокзальской культуры.

Тип IV. Банки. Обнаружены в 12 погребениях хуннского времени на могильнике Усть-Эдиган, № 4, 23, 42, 44, 45, 46, 48, 49, 62, 88, 90. Баночные сосуды найдены во впускных захоронениях в курганах пазырыкской культуры на могильниках Усть-Эдиган и Кок-Эдиган. Вероятно, баночным сосудам принадлежат фрагменты керамики из поселений Бузургащ, Бильдыр и из заполнения могильной ямы в кургане Каинзарах. Несомненно, что это была самая распространенная форма посуды у кочевников хуннского времени, обитавших в долине р. Эдиган и среднем течении Катунь. Сосуды имели плоское дно, плавно расширяющееся тулово, широкую горловину, прямой или скошенный внутрь венчик. Нередко края венчика неровные, тулово несимметричное, словно сосуды сделаны наспех. Возможно, некоторые из них изготавливались специально для погребений. Почти все баночные сосуды украшены, четыре сосуда — полосой жемчужин под венчиком.

Четыре сосуда украшены полосой жемчужин, чересполосно с округлыми, овальными или треугольными вдавлениями. Один сосуд украшен полосой жемчужин, чересполосно с треугольными вдавлениями, окаймленной снизу второй полосой тре-

угольных вдавлений. Один сосуд украшен полосой округлых вдавлений под венчиком. Один сосуд имеет незаконченную полосу тычкового орнамента под венчиком. Возможно, что одна банка была не украшена. Однако венчик у нее обломан, поэтому с полной уверенностью нельзя утверждать, что среди баночных сосудов были неукрашенные. Фрагменты баночных сосудов из памятников Бузургащ и Каинзарах были украшены полосой округлых вдавлений под венчиком. Фрагменты керамики из поселения Бильдыр были украшены полосой овальных вдавлений. Большинство баночных сосудов имели небольшие размеры. Лишь один баночный сосуд из впускного захоронения хуннского времени в скифском кургане № 60 на могильнике Усть-Эдиган имел высоту — 32 см, диаметр горла — 24 см, диаметр тулова — 23 см, диаметр дна — 12 см. Банки средних размеров имели высоту — 14–15 см, диаметр горла — 13–14 см, диаметр тулова — 14–15 см, диаметр дна — 8–9 см (рис. 3–5, 6). Небольшие банки имели высоту — 8–10 см, диаметр горла — 10–14 см, диаметр тулова — 10–14 см, диаметр дна — 7–10 см (рис. 1–5; 2–7; 3–1, 2, 4, 8).

Баночные сосуды для предшествующей, пазырыкской культуры кочевников Горного Алтая совершенно не свойственны. По форме и орнаментации, так же как и украшенные горшки, баночные сосуды из памятников хуннского времени в долине р. Эдиган и на Средней Катунь находят аналогии в керамических комплексах раннего железного века из северных предгорий Алтая и Верхнего Приобья [6, с. 122, рис. 1, 2]. Большой процент новых форм и орнаментации в составе керамического комплекса может свидетельствовать о значительном притоке населения из более северных районов, оказавшего заметное влияние на формирование керамического производства булан-кобинской культуры. Любопытно, что большинство баночных сосудов происходит из женских и детских погребений на могильнике Усть-Эдиган, в то время как в мужских захоронениях с конями и оружием встречаются, преимущественно, неукрашенные горшки. Возможно, это соотношение отражает характер контактов местных кочевников, потомков носителей пазырыкской культуры с населением северной периферии.

Тип V. Бочонки. Обнаружен 1 сосуд, вероятно, в женском захоронении № 40 на могильнике Усть-Эдиган. Сосуд находился в ногах умершей, в то время как у головы стоял горшок. Наличие двух сосудов в одной

могиле и местоположение одного из них в ногах для этого памятника — большая редкость. Сосуд имеет уплощенное дно, горизонтально ориентированное цилиндрическое тулово с уплощенными сторонами, широкую горловину с прямым венчиком. Под венчиком находится два диаметрально расположенных сквозных отверстия. Высота сосуда — 12 см, диаметр горловины — 8 см, ширина тулова — 13 см, ширина днища — 8 см (рис. 1–6). Керамические бочонковидные сосуды, лежащие на боку, с вертикальной горловиной для предшествующей пазырыкской культуры не характерны. Подобная посуда известна в таштыкской культуре Минусинской котловины [41, с. 137].

Тип VI. **Бомбовидный сосуд.** Обнаружен 1 сосуд в женском погребении № 69 на могильнике Усть-Эдиган. Сосуд имеет уплощенное сферическое дно, раздутое тулово, широкую горловину с обломанным венчиком. Под венчиком полоса полудлунных вдавлений. Высота сосуда — 7 см, диаметр горла — 7 см, диаметр тулова — 9 см, диаметр днища — 6 см (рис. 3–7).

Подобная форма для предшествующей пазырыкской культуры не свойственна. Точных аналогий для данной формы в культурах с сопредельных территорий не прослеживается. Возможно, это следствие ее изменения в сравнении с исходным прототипом.

В некоторых погребениях хуннского времени на могильнике Усть-Эдиган вследствие ограбления сосуды сохранились не полностью. На дне могильной ямы в кургане № 32 находились фрагменты двух лепных сосудов. Форма одного из них, сохранившегося не полностью, необычна. Он имел вместительное параболоидное тулово и ложный поддон, расширяющийся к днищу уступ. Иногда обломанные сосуды ставились в могилы специально. В кургане № 22 в ногах погребенного был помещен обломанный плоскостонный сосуд [355, с. 136]. На посе-

лениях в приустьевой части р. Эдиган обнаружены фрагменты керамики с орнаментацией в виде полосы округлых вдавлений или жемчужин под венчиком, которые могут свидетельствовать о наличии культурных остатков хуннского времени [358, с. 203]. Находки керамической посуды на поселениях и могильниках долины р. Эдиган свидетельствуют об освоении этого района кочевым населением в хуннское время. В качестве мест для обитания, вероятно, в зимнее время использовались приустьевые участки долины Эдигана, высокие и низкие террасы правобережья Катуня. Местом для родового кладбища местных кочевников был могильник Усть-Эдиган, группированный вокруг сооруженных ранее курганов скифского времени. Кочевники хуннского времени нередко использовали для впускных захоронений насыпи курганов предшествующей пазырыкской культуры. В отдельных случаях зафиксированы факты грабежа пазырыкских курганов именно в хуннское время. Вероятно, ограблению подвергались курганы, сооруженные представителями иных родоплеменных групп.

Состав керамического комплекса памятников хуннского времени свидетельствует о значительной роли иноэтничных элементов в сложении булан-кобинской культуры. Особенно значителен был приток заимствований из культур северной периферии Горного Алтая. Заимствование форм и технологии изготовления керамической посуды из хуннской, кокзальской и, возможно, таштыкской культур связано, надо полагать, с юго-восточными районами Алтая, откуда предположительно мог быть данный приток инноваций.

Обнаружение большинства инокультурных форм посуды в женских и детских захоронениях может свидетельствовать о характере взаимоотношений булан-кобинских кочевников с соседними племенами.

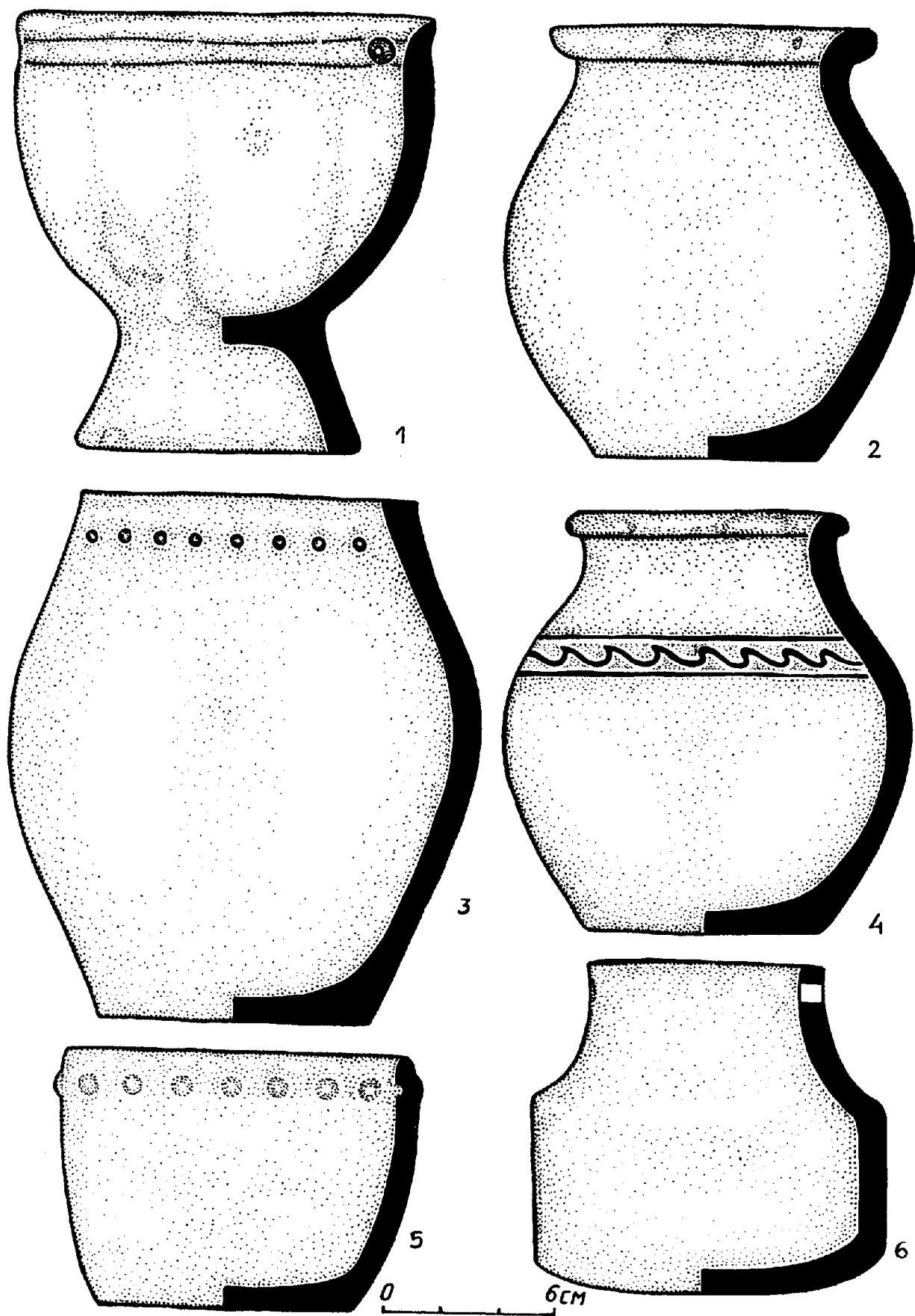

Рис. 1. Керамическая посуда из памятников хуннского времени в долине р. Эдиган: 1 — тип III; 2,4 — тип II; 3 — тип I; 5 — тип IV; 6 — тип V

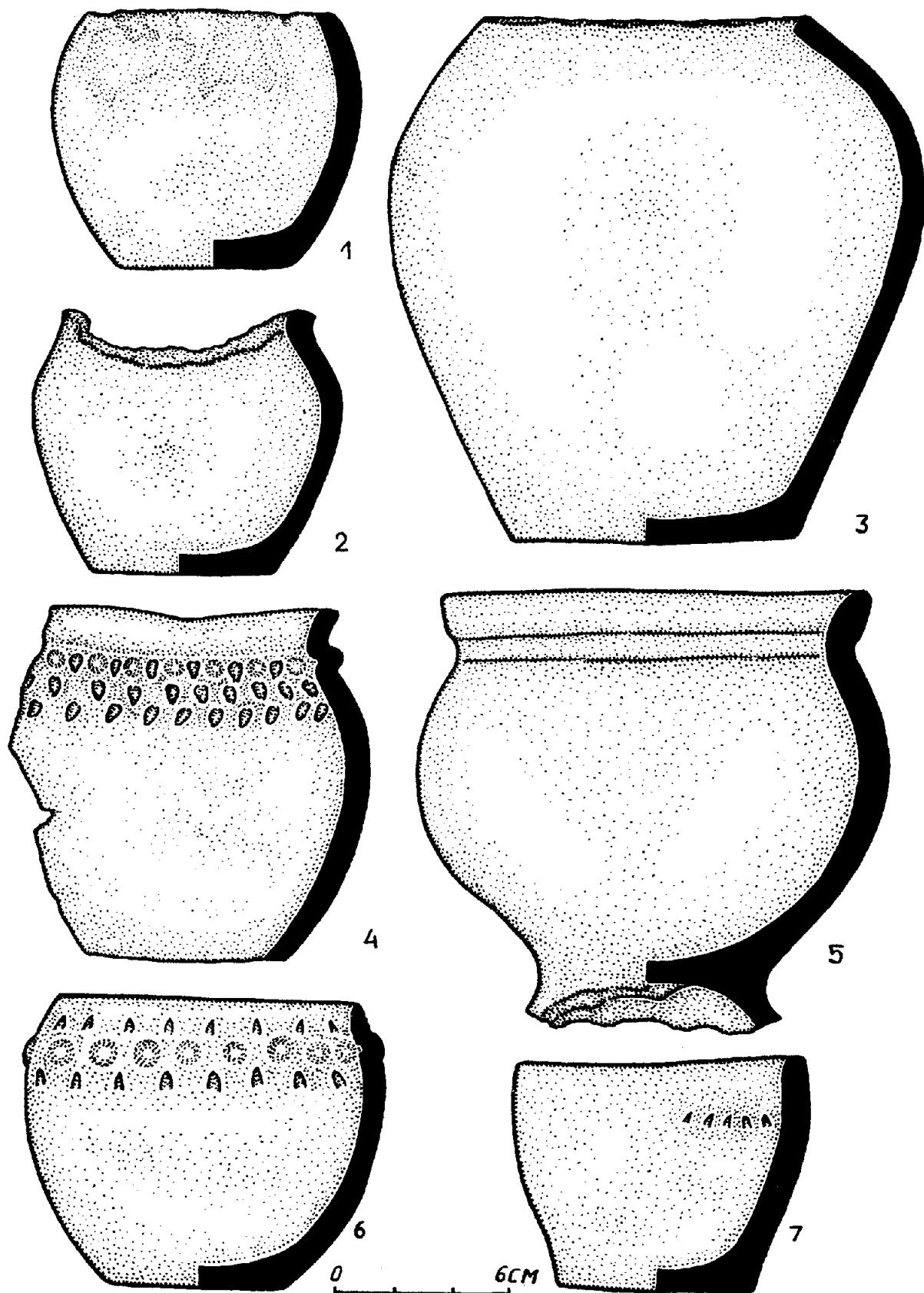

Рис. 2. Керамическая посуда из памятников хуннского времени в долине р. Эдиган: 1-4,6 — тип I; 5 — тип III; 7 — тип IV

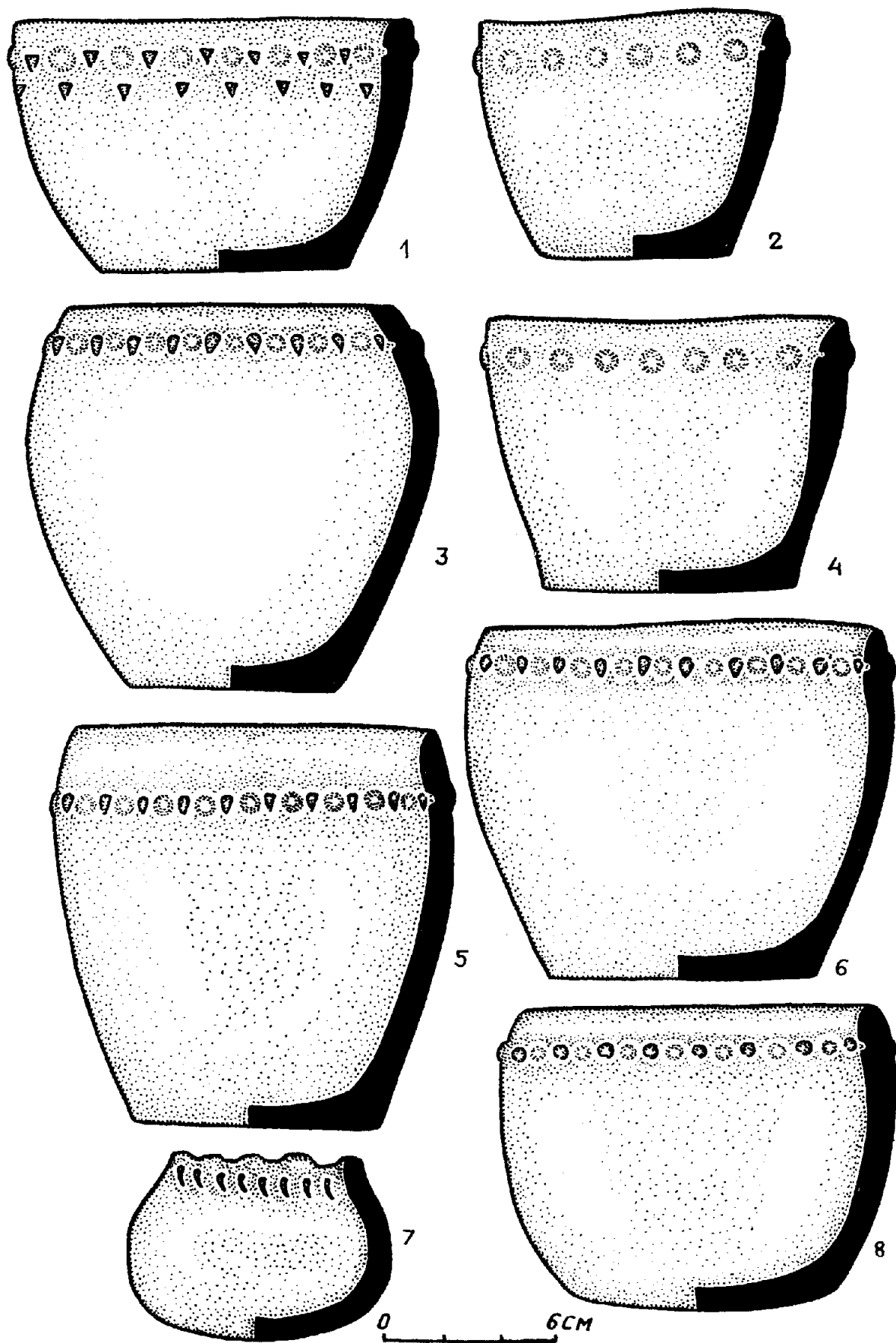

Рис. 3. Керамическая посуда из памятников хуннского времени в долине р. Эдиган: 1,2,4-6,8 — тип IV; 3 — тип I; 7 — тип VI

**К вопросу о нижней
хронологической границе памятни-
ков фоминского типа
в Верхнем Приобье
(по материалам поселений)**

Целое тысячелетие в истории лесной и лесостепной полосы Западной Сибири связано с историей культурно-исторической общности, известной в археологической литературе под названием кулайская культура. Огромная роль, которую сыграло кулайское население в процессе формирования многих культур раннего железного века и раннего средневековья, от Урала на западе до Кузнецкой котловины на востоке и от Ангальского мыса на севере до Алтая на юге, обусловило пристальное внимание исследователей к проблемам происхождения, хронологии, периодизации и локальных вариантов кулайской культуры [77, с. 133–140; 137; 277; 324; 327; 360; 362; и др.]. После продолжительной дискуссии большинством исследователей была поддержана точка зрения Л.А. Чиндиной, считающей, что кулайская культура (V в. до н.э. – V в. н.э.) сформировалась в Среднем Приобье и прошла в своем развитии два этапа: васюганский (V–II вв. до н.э.) и саровский (II в. до н.э. – V в. н.э.). На саровском этапе кулайское население широко распространилось по всему Приобью и Среднему Прииртышью, образовав несколько локальных вариантов [362, с. 8–11].

Ряд объективных причин, среди которых наиболее важными являются: отсутствие в Среднем Приобье погребальных комплексов и датирующего материала, а также большая степень сходства лесной керамики в период раннего железа и средневековья, привел к тому, что хронология саровского этапа была определена условно, между васюганским и рёлкинским [362, с. 9].

Кулайские памятники Верхнего Приобья известны в археологической историографии, в качестве памятников фоминского этапа варианта или типа [327, с. 40–44; 362, с. 8; 380]. Такой разнобой в терминах, а также до сих пор продолжающаяся дискуссия, начатая еще в 50-х гг. В.Н. Чернецовым и М.П. Грязновым [77; 360] по поводу его хронологии, указывают на сложность культурного определения фоминских памятников.

После исследования в 1946 г. поселения БЕ-IV и могильника БЕ-VII М.П. Грязнов выделил фоминский этап верхнеобской культуры и датировал его VII–VIII вв. н.э. [77, с. 126]. В 1953 г. В.Н. Чернецов синхронизировал фоминский этап с усть-полуйским временем Нижнего Приобья (IV в. до н.э. – I в. н.э.) [360, с. 229]. Однако с выходом в свет монографических работ Т.Н. Троицкой и Л.А. Чиндиной рамки возможного существования фоминских памятников были ограничены первой половиной I тыс. н.э. [327; 362]. Тогда же их верхняя граница была связана с возникшими в Верхнем Приобье памятниками одинцовской культуры [327; 328]. Исследования последних лет установили существование одинцовской культуры с середины IV в. н.э. [122, с. 170], это дает основание для определения верхней границы фоминских памятников. Нижняя же граница, отнесенная Т.Н. Троицкой к I в. н.э., вызвала ряд замечаний, наиболее принципиальные из которых были высказаны Ю.В. Шириным, датирующим памятники фоминского типа временем не ранее III в. н.э. [379].

В данной работе предлагается анализ материалов кулайских поселений с территории Верхнего Приобья, которые, по нашему мнению, могут помочь в решении этой сложной проблемы.

Возникновение памятников фоминского типа было связано Т.Н. Троицкой со второй волной миграции кулайского населения на юг в саровское время [327, с. 47]. К этому времени в Новосибирском Приобье проживало население, совмещающее раннекулайские и местные большепереченские (каменские) черты, которое Т.Н. Троицкая относит ко второму этапу новосибирского варианта кулайской культуры [327, с. 35]. По мнению ряда ученых, существует большое различие между кулайцами раннего васюганского этапа и населением саровского времени [36, с. 186; 327, с. 5; 277; 137]. Это ставит под сомнение возможность выделения фоминского этапа в новосибирском варианте кулайской культуры, на что уже неявно указала Л.А. Чиндина, отождествляя саровскую и фоминскую керамику [362, с. 8]. Признание этого факта важно для нашего исследования, поскольку предполагает возможность одновременного существования памятников пришло саровского и местного населения, продолжающего традиции новосибирского варианта.

М.П. Грязнов выделял фоминский этап на основе следующих памятников: могильники – БЕ-VII, Ирмень-II, Фоминский; посе-

ления — БЕ-IV, Круглое озеро, Чудацкая гора, Ирмень-I, Усть-Ирмень [77, с. 133]. Т.Н. Троицкая исключила из этого списка поселения Усть-Ирмень и Ирмень-I, которые она отнесла ко второму этапу новосибирского варианта, и добавила в него поселения Завьялово-1 и 2, Абрашино-2; городища Ивановка-4 и Завьялово-19 [327, с. 36–44]. Ни одно из этих поселений не исследовано полностью. Раскопки проводились только в пунктах БЕ-IV, Ивановка-4 и Чудацкая гора [77, с. 133; 327, с. 38; 16]. За последнее время положение улучшилось не намного. Хотя разведками выявлено достаточное количество кулайских поселений на территории Верхнего Приобья [120, с. 9, 11, 15; 7, с. 42; 127, с. 219–231], небольшие раскопки были проведены только на поселениях Бочанцево-I [100], Троицк-I [36], Усть-Чумыш-I [374], Усть-Чумышская Пристань-I [347], Малый Иткуль-I [7; 15]. Материал с этих поселений представлен только керамикой. Однако именно он важен для определения нижней границы памятников фоминского типа.

Наиболее ранним из перечисленных поселений является Чудацкая гора. М.Т. Абдулганеев и А.А. Казаков датируют его IV–III в. до н.э. [16]. Появление этого памятника связывается с первыми спорадическими проникновениями кулайцев в Верхнее Приобье из Новосибирского. Время его существования синхронизируется со временем возникновения Новообинцевскогоклада [35]. Материал этого поселения несет на себе черты как местного каменского (жемчужник, ямки), так и пришлого кулайского населения (уточка, гребенчатый штамп) [16; 14, с. 68]. Другим поселением, совмещающим в себе местные и пришлые черты, является поселение Усть-Чумышская Пристань-I [347]. Материал поселения Бочанцево-I, исследованного Г.Е. Ивановым, также относится к раннему времени и имеет смешанные местные и пришлые черты (плоскодонные сосуды, скошенный внутрь венчик, иногда карнизик, косые оттиски гребенки) [100]. Автор раскопок сопоставляет кулайский элемент на этой керамике со вторым этапом новосибирского варианта кулайской культуры и датирует поселение Бочанцево-I рубежом I тыс. до н.э.—I тыс. н.э. [100, с. 121].

Поселения Малый Иткуль-I и БЕ-IV по таким признакам как преобладание гребенчатого штампа, уточки, взаимопроникающих треугольников, ямок поверх орнамента, находят аналогии в материалах могильников БЕ-VII, Степь-Чумыш-II, а также в материалах памятников, отнесенных Т.Н. Троицкой к третьему этапу существования кулайской

культуры в Новосибирском Приобье [15; 77, с. 132; 327, с. 36–44; 340]. Эти памятники связаны уже с новым саровским населением. И без всяких оговорок могут быть названы фоминскими.

Таким образом, выделяется два типа кулайских поселений на территории Верхнего Приобья: ранний и поздний. Определить хронологические границы поселений раннего типа помогает наличие на них керамики, совмещающей в себе кулайские и каменские черты, а также находки керамики обоих типов вместе на одних памятниках. Поскольку каменская культура, по мнению большинства исследователей, прекращает существование в последние века I тыс. до н.э. [14, с. 6], то и верхнюю границу существования кулайских поселений раннего типа нужно ограничивать этим временем. Определение хронологических рамок поселений позднего типа, синхронного погребальным фоминским комплексам, сталкивается с общими для датировки фоминских памятников проблемами.

В связи с этим наиболее важными для хронологии позднекулайского этапа на территории Верхнего Приобья являются поселения Усть-Чумыш-I и Троицк-I. На этих памятниках сочетаются черты, присущие как раннему типу кулайских поселений, так и его позднему (фоминскому) типу. Наряду с гребенчатой уточкой встречается жемчужник: ямки, нанесенные поверх, еще не выполняют разделительную функцию, выпуклины на внутренней стороне сосуда часто не заглаживаются, орнаментированные кососрезанные венчики сочетаются с округлыми и встречаются на посуде ранних форм. На поселении Троицк-I встречен сложный трехзубчатый штамп и вписанные треугольники, характерные для саровской керамики, хотя весь основной материал ближе ко второму этапу, по Т.Н. Троицкой.

Сочетание саровской и васюганской керамики на этих памятниках указывает на проникновение саровцев на территорию Верхнего Приобья уже на рубеже эр. К этому времени мы можем относить начало формирования памятников фоминского типа.

Таким образом, анализ керамики с кулайских поселений выступает одним из аргументов определения нижней границы фоминского варианта более ранним временем, чем предлагает Ю.В. Ширин. Однако сложность решения данного вопроса требует проверки данной гипотезы на более представительном керамическом материале, что, в свою очередь, говорит о перспективности исследования кулайских поселений в Верхнем Приобье.

К истории заселения Причумышья (по материалам музея с. Победа)

Основой заселения Причумышья служили Бердский острог, Белоярская и Кузнецкая крепости. Причумышье можно назвать вратами заселения западных и южных земель Алтая.

В Причумышье складывается своеобразное сочетание различных обычаев, традиций и обрядов, положивших начало так называемой культуре коренных сибиряков. Переселение в Причумышье в первой четверти XIX в. также было разнородным. Больше переселенцев прибыло из северных районов России в «голодные» (неурожайные) 20-е гг. Однако и весь последующий пореформенный период (хотя поселение в Причумышье уже было запрещено правительством) ссыльные и самоходцы продолжали селиться в старых поселениях. Переселенцы этого времени считают себя сибиряками, но у старожилов они получили название «россейские» (переселенцы из северных и среднерусских губерний) и «хохлы» (из южных губерний и с Украины).

В послереформенный период, когда Алтай получил статус земель свободного поселения, и в 90-е гг. XIX в. после открытия Сибирской железной дороги в Причумышье хлынула новая волна ходоков-искателей лучшей жизни. Самовольные переселенцы заполняют причумышские села. Так, по свидетельству О.А. Любимовой, в 80-е гг. на Алтай переселилось крестьян в три раза больше, чем в 70-е гг.: в 1889 г. переселенцы составили 45%, в 1890 г. — 66,4%, а в 1889–99 гг. — 80% всех переселившихся на Алтай во второй половине XIX в.

В Бийском округе поселилось 41975 человек (31,3%) из 60 губерний России: Пермь, Вятка, Воронеж, Самара, Курск, Тамбов, Орел, Пенза, Тула, Симбирск, Саратов, Харьков, Полтава, Чернигов и др.

Переселенцы могли причисляться к старым селам с согласия сельской общины. Население становилось таким плотным, что жители стали делить не только пахотные земли, но и сенокосы, урочища, посеки (для заготовки дров). Появились переселенцы без причисления. Это усилило социальное расхождение причумышских деревень.

Иван Матвеевич Мамаев рассказывал. Приехали они в Сибирь «скопом» — более 10

семей. Получили разрешение на поселение в Бийском округе. Доехали до Яминска (Целинное). Община не приняла их на прописку. Приезжие стали рыть землянки выше за селом у речки Яминка (западины от них сохранились до сих пор). Ездили по деревням, чтобы просить приписки. Несколько семей договорились о приписке в селе Топтушка. После договора о приписке с них «выговорили» по ведру самогонки. Ночью по чьему-то сговору у пьяных переселенцев выкрали лошадей, а утром отказали в приписке. Из-за этого завязалась драка, в которой шесть человек было убито, а остальные разбрелись кто куда. Семья Мамаевых устроилась в работники у богатого мужика села Яминского, они жили на заимке почти у самой Марушки.

Наступил период заимочно-захватной формы поселений. Это способствовало размежеванию сельской общины. Начинается и подворное размежевание, возникают хутора и отрубы. Растет классовое разделение. Особенно выделяется обогащающаяся верхушка старожилов — верховодов сельской общины. Идет разделение не только внутри села, но и сел на богатые и села «шантрапы». Большую часть переселенцев Причумышья составили Курская, Орловская, Тамбовская, Тульская, Самарская, Воронежская, Калужская, Киевская, Черниговская, Могилевская, Минская, Волынская губернии.

Переселенцы способствовали распространению новых сельскохозяйственных культур, орудий производства, новых ремесел и промыслов: маслоделие, сыроварение, шубный, пимокатный, дегтярный промыслы и другие.

Отношение старожилов к новопереселенцам выражалось в презрении к их говору, обрядам, обычаям, традициям.

Долгий и трудный период колонизации требовал от первопроходцев и силы, и духа. Служилые люди, идя навстречу неисчислимым трудностям, невзгодам и неизвестностям, должны были иметь недюжинную силу, стойкость и упорство, выдержку и терпение, чтобы преодолеть все эти преграды. Они шли от труда на земле, и каждый мог делать все необходимое для устройства жизни. Недаром бытует поговорка, что если будет нужда, то и в ладонях русский человек щи сварит. Надо было знать не только службу, владеть пищалью и штыком. От служилого человека требовалось умение быть и плотником, и поваром, портным и сапожником, кузнецом и крестьянином, уметь умереть и постоять за жизнь, уметь сделать все — от ложки до крепости. И основным инструментом в руках

был обыкновенный топор. И, поплевав в мо- золистые ладони, им строил он новую жизнь.

С не меньшей хваткой, смекалкой, трудом и настойчивостью нужно было начинать жизнь в новых местах и крестьянину-земледельцу. Надо было проявить небывалое упорство, вспороть неподатливую целинную грудь земли, чтобы вырастить жито — основу жизни. Часто в глухом одиночестве, наедине с желанием и упорством возводилось первоначальное жилье. Сначала, конечно, это была землянка — невзрачное сооружение в земле с настилом потолка из жердей и накрытое крепким земляным дерном. Внутри землянки существовало убогое благоустройство: печь-очаг, выложенный из камней и глины, над которым на двух рогульках можно было повесить котел, чтобы сварить немудреную похлебку из того, что можно добыть «на воле», вскипятить чай, обогреться в стужу и обсушиться в ненастье. В дальнем углу сооружались настил-нары для сна, ставились чурбаки вместо стола и стула.

Большой жизненной удачей скитальца было привести в новоустроенное жилье хозяйку дома. В жизненную задачу женщины-хозяйки испокон века входило вносить в дом уют, порядок и тепло. Было и голодно. Но никакая сила не могла заставить крестьянина-первопоселенца съесть бедный запас зерен, из которых вырастет будущий урожай. У местных скотоводов нужно было приобрести лошадку. Она, и только она, молчаливая и покорная, на своем горбу вывезла всю жизнь на гору цивилизации. Многие в жизни первопереселенцы переняли в обустроенности жизни у местных племен. Научились простейшим способам изготовления одежды и обуви из полотна и кожи: шапка колпачного вида или с плоским верхом из шкурок пушных зверей и войлока, рубашка и шаровары из грубого полотна, халат-опахало под опояску, сапоги (бахилы) без подборов с голенищами из кожи или полотна, подвязанные в подколенье. Женщины тоже большей частью носили шаровары, им, как и мужчинам, постоянно надо был ездить верхом на лошади.

От первопоселенцев местные жители начали воспринимать способ изготовления сохи-рогульки (вместо обила) для вспашки земли. Повсеместно стали применяться бороны-рамы с деревянными зубьями. Этот нехитрый инвентарь применялся в Сибири и в XX в.

Природа Алтая богата растениями, которые можно было использовать в пищу как в сыром, так и в приготовленном виде. В на-

шем музее собраны сведения о 58 видах растений, которые использовались в пищу. Именно их сбор и заготовки впрок давали возможность как-то обеспечить свое питание. Богатый мир животных, рыбы и птицы давал возможность создания запасов продовольствия. Для добычи сооружались деревянные ловушки, сторожки, капканы, верши, мордушки. Из дерева изготовлялась домашняя утварь: ведра, лохани, половники, поварешки, ложки, корыта, ящики. Из глины делали горшки, кринки, чашки, колыванки, кружки. Из бересты — туеса самых различных предназначений, коробка, корзины и другие вещи.

Первостепенное значение в скотоводстве имела лошадь, местный малопродуктивный рогатый скот, овцы. Уже в начале XVIII в. широкое распространение получают рубленые постройки. Это были курные избы в одно помещение с маленькими окнами, с прорубами для выхода дыма (по выражению старожилов «изба топилась по-черному»). На усадьбе были подсобные постройки: навесы для скота, закутки для хранения инвентаря и продуктов. Кровля избы чаще служила потолком и крышей с земляным укрытием. Иногда к избе делали прируб для хранения продуктов, потом от стал своеобразным тамбуром — сенами и кладовой. Затем стали появляться избы с потолком и крышей, крытой коробами (длинные чурбаки кололи по полам, выбирали сердцевину, получалось своеобразное корыто). Первый ряд клали коробом вверх, второй ряд коробом вниз перекрывал стыки первого ряда. Крыша делалась в один и два ската, т.е. уклона на одну или две стороны для стока воды.

Чаще всего посевные участки были около усадеб, но эти участки были небольшими, их огораживали забором из жердей, уложенных горизонтально между попарно забитыми кольями и переплетенными ивовым прутком. Труд в семье разделялся на женский и мужской. Мужчины брали на себя трудоемкие работы по земледелию, уходу за скотом, изготовлению инвентаря и предметов обихода. На плечи женщин возлагалась более «легкая» работа по приготовлению пищи, ткачеству, пошиву одежды. Каждая хозяйка владела мастерством по изготовлению глиняной посуды. Но женщина была первой и незаменимой помощницей во всех делах «мужского толка».

С ростом населения постепенно развивается и натуральный товарообмен. Для правительств вопрос снабжения сибирских казаков продуктами продовольствия был очень обременительным, а потому наравне с разви-

тием процесса колонизации постоянно следовали указы по ссылке и переводу государственных крестьян-земледельцев. Эту категорию крестьян в первую очередь наделяли пашенными землями. Первые поселения крестьян образовывались вокруг крепостей, острогов и других военных опорных пунктов. Это давало возможность поселенцам уходить во время набегов кочевников под защиту служилых людей за крепостные стены. Поселение же кочевники сжигали, вытаптывали посеvy, уговяли скот, неуспевших скрыться уводили в плен. И все надо было начинать с горького начала. Свободные поселенцы должны были нести сами охранную службу, а в укромных местах от поселений строить «затайки», где можно было укрыться в лихую годину.

На первых порах многие новопоселенцы становились оброчными (платили определенный налог — продовольственный и денежный). Местные жители зачислялись в «ясашные», т.е. платили дань скотом и пушниной.

Весь смысл создания поселений государственных крестьян заключался в обеспечении продовольственным хлебом и фуражом. Они сеяли озимую рожь, яровую рожь (ярицу), овес, ячмень, пшеницу, гречиху, горох, лен, коноплю. Лен и конопля, кроме волокна, давали и пищевой продукт — масло. Разводили и скот. Скот мало подлежал правительственному учету, и это давало возможность крестьянину как-то обеспечивать жизнь семьи продуктами питания.

Поселения государственных крестьян были более крупными, и пашенные угодья вокруг деревень занимали значительные по тем временам площади. Поэтому такие деревни вокруг поселения имели общественные угодья для выпасов скота — околицу. Околицу обносили изгородью, чтобы скот не вытаптывал посеvy. Она получила название поскотины. Для въезда и выезда делались ворота.

Семейный быт поселений государственных крестьян ничем не отличался от негласных поселений кроме того, что хозяйственная деятельность носила общественный характер.

В результате постоянного учета населения с целью обложения государственными и заводскими повинностями все больше негласные поселения становились гласными, постоянно росла взаимосвязь деревень, постепенно между ними развивался товарообмен. Этому во многом способствовали промысловики, скупщики и торговцы, «гуляющие» люди и ремесленники. В большие церковные праздники в крупные села, где теперь всюду воз-

водились церкви, съезжались жители окрестных деревень. Обычно неподалеку от церквей устраивались торги — базары. Прямо с возов приехавшие продавали товар или обменивали его на нужные вещи. В некоторых крупных селах были и специальные торговые площади с торговыми рядами для ярмарок. К концу XIX в. в Алтайском округе действовала 31 ярмарка. В большинстве деревень стали появляться торговые точки: мануфактурные лавки с мелочным товаром и винополки.

Конечно, нельзя однозначно сказать о жизненном укладе всех категорий населения Причумышья. В Причумышье не было крепостей и поселений городского типа, но вдоль течения реки Чумыш и ближних окрестностей выделяются крупные и богатые села: Сары-Чумыш, Ельцовка, Поповичево, Мартыново, Тогул, Верх-Чумышское, Сорочкино, Тальменка, Солтон, Овсянниково, Марушка, Яминское и другие, получившие статус сел административного волостного управления. Административная часть городов, крепостей окружного, уездного и волостного управления, казачья верхушка, зажиточная часть крестьянства сел имели особое положение богатейшей части населения Алтая. Важное место среди них занимали торговые люди. Служилые люди большей частью занимались ремеслом и промыслом.

Особо тяжким для приписного крестьянского населения был подушный оклад в 1 руб. 10 или 70 коп., если учесть, что в летнее время работнику начислялось в день по 10 коп. лошадному и 5 коп. пешему, а в зимнее время соответственно 6 и 3 коп. Необходимо отметить, что семьи были многодетные, урочные работы выполнялись независимо от крестьянских полевых работ, поездки из Причумышья занимали по 10–15 дней (а они не входили в урочное время), отработка за 3–4 ревизских души требовала ухода от хозяйства на полгода и более. В «урочные» работы приписных крестьян входила подворная дорожная повинность, ямская связь, гужевого оброк, работа на тракте, строительство мостов, гатей, перевозов. И все это обходилось крестьянину в сумму до 5 руб.

Заводские повинности отнимали от сельскохозяйственного производства не только рабочие руки, лошадей и другие сельскохозяйственные средства (фураж, телегу, сани, сбрую), но и значительную часть хлеба, которая оплачивалась по строго государственным ценам, даже товарное зерно не разрешалось вывозить за указанные пределы.

Теперь ко всему этому добавим государственное оброчное обложение. Подушный оклад к 1783 г. составлял 3 руб. 70 коп. На одну ревизскую душу приходилось 3—4 пуда хлеба с доставкой на заводы. Для сравнения можно привести такие цифры: мастерской первой статьи получал в год 12 руб., второй статьи — 9, третьей — 6.

В земледелии крестьяне использовали залежную и залежнопаровую систему, что давало возможность на отдохнувших землях даже при примитивной обработке получать хорошие урожаи. Сохи «рогалоуха», «косуля» и «староверка» стали постепенно вытесняться «колесухой». «Колесухой», запряженной четверкой или парой лошадей, крестьянин вспахивал от 0,5 до 1 десятины. Чтобы вспахать 1 десятину земли «косулей», требовалось пройти за нею 43 версты. Появляется деревянная борона с железным зубом и даже железная борона.

Во второй половине XIX в. в земледелие входит система севооборотов со сменой высеваемых культур. Но это было под силу только зажиточному крестьянину.

Имущественное расслоение крестьян усилилось в Причумышье во второй половине XVIII в. Значительное развитие получило животноводство. Но страшным бедствием для животноводства были эпидемические заболевания ящуром и сибирской язвой. Иногда целые селения оставались совсем без скота.

Зажиточные крестьяне строили богатые дома под тесовой крышей. Большесемейные рубили дома-пятистенки, где кроме избы была горница. Строились крестовые дома, когда под одной крышей были рубленые сени и кладовая. Широкое распространение получили дома со связью — два пятистенка соединялись общим коридором. Кроме дома на подворье ставили амбары, скотные дворы, гумно, авин, сушила, заводили огороды. Усадьба обносилась забором (оградой).

Рост населения в Причумышье, развитие земледелия способствовали образованию заимок. Крестьянин стремился находиться ближе к своей запашке, чтобы не тратить время на переезды, на перевозки. Поближе к участку строилось жильё: землянка, шалаш или избушка, где семья жила в течение всего летнего времени. Около застройки разбивали огородный участок. Более состоятельные крестьяне строили добротные дома, амбары, повети, овины и скотные дворы. На таких заимках постоянно жили наемные работники (батраки) и в зимнее время, ухаживая за скотом. В село приезжали попариться в бане, «побывать на людях», погулять на праздни-

ке. Иногда из таких заимок возникали новые поселения: к хозяйскому стану строили свои дома или избы родные, близкие и работники. Поселения в долине реки Чумыш не имели планового порядка. В пойме реки очень много озер, мелких ручейков и речек, впадающих в Чумыш, и застройка носила характер разбросанных домов. Каждый стремился выбрать место поближе к источнику воды. В более отдаленных поселениях от Чумыша на его правых и левых притоках деревни строились вдоль течения ручья или речки и отличались рядовой или уличной застройкой. Даже в крупных поселениях застройка часто носила групповой характер, когда рядом с домом отца строили дома сыновья (на отделе). В основном возникновение заимок в Причумышье относится к послереформенному времени. Земли вокруг селений коренных сибиряков были уже освоены, и переселенцы вынуждены были занимать более отдаленные участки. Переселенцы из северных и центральных губерний европейской части России иногда образовывали свои поселения. Старожилы их называли «челдонами». Переселенцы южных губерний России и Украины, которых называли «хохлами», тоже создавали свои заимки и выселки.

Особенность застроек в этих местах на заимках и выселках соответствовала обычаям и традициям переселенцев. Строения отличались внешним видом и назначением.

Имущественно отличались переселенцы и между собою. Богатые возводили добротные, даже двухэтажные, дома с большим количеством разнообразных надворных построек. Богатые старожилы и переселенцы стремились выделиться благоустройством. Дома украшались резьбой, обшивкой тесом в линейку, в закрой, настилом, в елочку. Славились потомственные мастера — отделочники из Локтя, Каменки, Загайново Кукуевы, Шиловы, Санниковы, Фомины.

Особое предпочтение отдавалось украшениям сруби. Ее украшали наборами блях, бубенцов, шаркунцов, колокольчиков и кистей. Праздничный убор упряжки с резной кошей, высокой дугой и колькольчиками был гордостью владельца.

Бедняки строили свое жильё по средствам. У хохлов были избы, крытые соломой, полы иногда были из плотно утрамбованной глины. К праздникам стены изб белили известью, пол смазывали глиной и устилали пахучими травами.

Старожилы в сравнении с переселенцами составляли зажиточную часть Причумышья. Их постройки отличались чистотой, ухоженностью, порядком и убранством. Обычно это

был центр поселения. Часто в отношениях старожилов к переселенцам ощущалась пренебрежительность к их традициям, обычаям и обрядам. Да и в общинном положении старожилы занимали позицию верховенства.

Не просто поселиться, не проще обжиться — надо прижиться, надо ужиться, а главное вжиться. Кажется, что все это одно и то же, но какой смысл вкладывали люди в понимание сути и разнообразия требований к жизни: где родился, там и содился.

К 1760 г. в Причумышье сложилась более постоянная категория теперь уже бывших переселенцев русских, называвших себя сибиряками-старожилами. Конечно, это была незначительная часть населения, если учесть, что весь Алтайский округ насчитывал около 5 тыс. душ крестьян мужского пола. Однако и эту часть населения нельзя сбросить со счетов, так как она постоянно пополнялась с новой волной переселения в пореформенное время (до 1861 г.), уже обжилась основательно, «владела» значительными земельными угодьями (пашнями, выпасами, сенокосами), обустроилась, обзавелась крепким хозяйством. Строились широко, «с размахом».

Здесь же надо отметить некоторую обособленность и замкнутость ссыльных переселенцев-старообрядцев (русских поляков), создавших в Причумышье свои поселения-скиты. В их жизни тоже наблюдалось большое разнообразие — и духовное, и материальное. Не все имели добротные дома, крупные усадьбы с большим количеством надворных построек. Усадьбы отличались компактностью и сухостью. Иногда часть надворных построек объединялась под общую крышу в виде прирубов и пристроек.

Изба как основная жилая часть дома была больших размеров. Горница предназначалась для убранства и была меньших размеров. У старообрядцев она играла роль места домашнего вероисповедания.

Следует, однако, заглянуть и внутрь жилища. Одесную двери (по правую сторону от входа) ставилась глинобитная печь. Между стенкой и печью оставляли запечье, где был ход в подполье, дополнительный настильный для сна. Под печкой (подпечье) оставалось место, где хранились предметы обихода хозяйки: кочерга (клюка), лопата для посадки в печь хлеба, ухваты (рогачи), катки, сковородники. У печки ставилась закрытая лавка (скамья), которая служила опорой для влезания на печь и местом сидения пришельцев.

Против печи в углу вешали шкаф для посуды, под ним была лавка для постановки

дежи с водой, размещалась и другая посуда, необходимая хозяйке. Это место называли куть. От столба у печи к кути шла полка (голубец), на которую хозяйка ставила квашню (колыванку), сейницу, сито, совки и т.д.

По левую сторону от двери ставилась деревянная кровать. От столба у печи закреплялся брус с настилом-нарами под потолком для спанья (полати). Взабирались на полати с печи.

У кровати с левой стороны к переднему углу ставили сундук. В переднем углу находилась божница, где размещались иконы, убранные полотенцами.

У передней стенки ставилась лавка, в середине избы — обеденный стол. Если дом был с горницей, то шло перемещение с правой стороны на левую, так как обычно дверь в горницу делалась с правой стороны от входа. И так как горница считалась принадлежностью богатого состояния, то ее убирали по особому. Левый передний угол отводился под иконостас. Справа размещалась кровать с убранством: перина, подушки и укрывалась пологом, занавесями, околотками. Полы застилались половиками, у стен располагались ящики со скарбом (добром).

Крестовые дома были свидетельством большого достатка. К рубленным стенам пристраивался приход.

Дома со связью имели структуру избасени-изба, или соединение двух пятистенков коридором, связь сенями избы и горницы. Реже ставились двухэтажные дома.

Крыши делались односкатные, двускатные (по-амбарному) и четырехскатные (по-круглому). Основным кровельным материалом был тес, накладываемый в два ряда. Характерной особенностью избы были два-три окна с частым переплетом, снаружи окна украшались наличниками со створками-ставнями.

На усадьбе строились амбары, повети, овины, скотные дворы. Усадьба огораживалась глухим забором (из теса) и жердями.

Переселенцы более позднего времени из северных губерний назывались «россейскими». Они отличались от коренных сибиряков уже тем, что оказывались в более затруднительном положении в выборе поселения, в получении земельного надела, в благоустройстве жизни и жилища. Если первопереселенцы чаще всего строили свои дома прямо в лесу, где и вырастала деревня, то новопоселенцы имели огромную нужду в строительном лесу. Чаще они попадали в экономическую и социальную зависимость. Не многие из новых переселенцев могли встать

на равный материальный уровень со старожилами. В поселениях они занимали окраины. Здесь, как и у ранних поселенцев, строились, начиная от землянки, избы с дерновым покрытием до благоустроенных усадеб.

Новые переселенцы во многом заимствовали опыт старожилов-сибиряков, но вносили и свои традиции. Особенно это заметно в постройках «хохлов».

Поселения Причумышья, как и раньше, оставались в системе свободной застройки, однако «зеленые клины», «хохлацкие улицы», «рязанские края» имели свои особенности. В селе строго соблюдалось особое традиционное отношение старожилов и новых заселков не только в вопросах хозяйственно-экономических, социальных и культурных, но и родственных. Например, считалось неприличным родниться старожилам с новопереселенцами: «тот же назем, да со стороны везем».

В деревне сохранялась традиция родословной. Так, старожилы-старообрядцы, служилые люди, казачество сохраняли приверженность к старине в быту, в одежде, в обиходе, в обрядах. В воспоминаниях Ивана Васильевича Заречнева видна родовая гордость принадлежности его к казачеству. Прадеда, переселенного на ямской стан на реку Яма, прозвали драным. Прозвище осталось в народе. Дед и отец не могли терпеть обиду, когда их называли драными, так как казаку не подлежало быть битым. Казачьему роду быть в драных непристойно, но гордость считалось надевать казацкий картуз или папаху-кубанку.

Не могу судить о мастерстве и особенностях шитья и покроя одежды (это вопрос специалистов), но одежда казаков, посадских людей, старообрядцев, «россейских» и хохлов имела свои специфические особенности, которые соблюдались в роду.

Примечательной особенностью жителей Причумышья было и то, что почти каждая семья носила свою официальную административную фамилию и уличную по каким-то ранее принятым правилам. Такие двойные названия давались даже целым селениям: Верх-Марушка-Дергоусиха, Антипино-Бокорзово, Брагино-Дупленская. По фамилиям: Востриковы-Будановы, Востриковы-Воробьевы, Гавриковы-Ульяновы, Кочетовы-Грековы, Ивашевы-Бабины и т.д.

Поселений, имевших оборонительное значение в Причумышье, почти не было. Только на самом южном водоразделе к Салаиру — Верх-Нининский маяк, Пуштулимский полумаяк и несколько номерных названий по-

селений у Верх-Нининского маяка: Четвертое, Восьмое, Десяток, Тринадцатое (повидимому, они были по всем порядковым номерам — сведения о них не сохранились). Хотя по всей оборонительной Бийской линии от Колывано-Вознесенска до Кузнецка было 5 крепостей, 7 форпостов, 12 «маяков», 4 «полумаяка», 7 защит и 1 редут.

В Причумышье не было поселений, которые могли приобрести статус слободы, но образуются крупные поселения в десятки, сотни и более дворов: Поповичево, Чесноково, Мартыново, Тогул, Уксунай, Верх-Чумышское, Сорокино, Марушка, Яминское и другие, которые получили административный статус волости.

Застройка поселений носила разреженный характер, а поэтому деревня тянулась на 2–3 км. Усадьбы тоже занимали большие площади. Предписывалось поселениям «... в удобных к земледелию и санным покосам и с лесными угодьями местах, чтобы они поселены были деревнями не однодворками, одной семье давать больше под дворовое строение, кроме огорода, конопляников и гумен, поперечнику 12 сажен; малой семье — 8 сажен, а длину обеим по 15 сажен, да под огород по 10, под конопляники по 20, под овины по 10 сажен, а поперечнику по тому же числу, сколько и под дворовое строение быть надлежит».

Строения для сельскохозяйственных нужд: мельницы, кузницы, мастерские, смолокурни располагались на окраинах и даже на значительном удалении от деревень, где в последующие годы возникали новые селения или хутора, заселки, выселки.

Значительное уплотнение деревень происходит в начале XX в. Община решала вопрос приема переселенцев в свой состав со вступительными взносами: за усадьбу от 3 до 30 руб., за папшенную десятину по 3 руб., за выпас одной головы скота от 1 до 2 руб. в лето, гуртовый магарыч по 1 ведру самогона.

О материальном положении переселенцев можно судить по судному решению на Петра Плясова, у которого за неуплату обществу полеток проданы: самовар, чайные чашки, два чугуна, самопряха, пила, крыша из жердей с саманного амбара. Лагутину Михаилу за избу, лошадь и двух жеребят, 2 коровы и 4 десятины платить 45 руб. К этому необходимо отметить, что корова стоила до 12 руб., лошадь до 25 руб., пуд овса — 30 коп. Государственные подати платились отдельно.

Обычно переселенцы посылали ходоков. Ходоки обосновывали свои усадьбы. К ним подселялись односельчане. Поселенцы на новых местах обращались в администрацию

за правом образования общины и официальным признанием поселения.

В истории Причумышья этот период ознаменовался образованием большого количества поселков, названия которых указывают на первых переселенцев по их именам или фамилиям: Дрозды, Михайловск, Алексеевск, Черновск, Дорофеевск, Ульяновка, Захарьевка и т.д. Иногда названия давались по имени ручьев, речек, озер, урочищ: Озеринское, Топтан, Дресвянка, Загадное, Гнилой Лог и др. Переселялись в поселки и из крупных сел. Так, например, жителям правобережья Чумыша выделялись участки на левобережье на расстоянии 5–6 км. В весеннее время на посевную необходимо было не только ежедневно преодолеть такое расстояние, но и перевезти через Чумыш инвентарь, посевной материал; да и другие бытовые и хозяйственные неудобства. Из переселенцев сел Чесноково и Степной Чумыш возник поселок Верх-Шалапский. Там было построено более 30 добротных домов. Многие из них отличались благоустроенностью, были украшены резьбой по карнизу и наличникам.

Новопоселения переносили традиции обнесения пастбищных угодий поскотиной. В зависимости от наличия в хозяйстве скота вся поскотина делилась на участки, за которыми хозяин следил и возводил изгородь жердями, а при неимении их копали канаву. Канавы – это длинная траншея в земле с выбросом земли на одну сторону (образовывался своеобразный вал). В безлесных местах такие канавы и сейчас можно увидеть вокруг поселений. На проездных дорогах делались ворота в форме легкой рамы из жердей.

В послереформенное время в связи с расширением сел, когда постройки стали возникать за пределами поселения, поскотины становились недостаточными для выпаса скота, поэтому стали переходить от свободного выпаса к пастушескому. В притаежных районах поскотины часто сохранялись до 50-х гг. XX в.

В новых поселениях изменялась и система застройки. Они стали больше носить уличный характер, когда дома ставились вдоль речки или дороги с выходом лицевой стороны дома на улицу. Хозяйственные постройки и огороды уходили на задний план. Возникла необходимость оставления проулков и переулков для въезда в усадьбы.

Такая планировка внесла свои дополнения в культуру застройки. Больше стало уделяться внимания украшению фасадной стороны домов обшивкой, украшению резьбой, обнесению усадьбы оградой или заплотом (глухим забором) с изукрашенными во-

ротами и верями (воротцами). Особенно распространенными стали заплоты-заборы в старообрядческих поселениях. В силу своих религиозных убеждений они считали необходимостью ставить дом за глухим забором внутри усадьбы от «мирского глаза».

Переселенцы внесли свои особенности и в застройку по отношению улицы. Дома по длине ставились по ходу улицы с небольшим отступлением для палисадника. Палисадник засаживали деревьями и кустарниками: тополь, ива, черемуха, рябина. Усадьбы стали озеленяться, и в деревнях появились Зеленые Клины. Плодовые насаждения в Причумышье стали появляться сравнительно недавно, в 50–60-е гг. нашего столетия. Селения стали исчисляться сотнями дворов, выделяется и состав населения: «хохлацкий край», «россейский выселок», «рязань», «мордовский улус», «вацкий починок» и т.д.

Трудности переселения и освоения Сибири, в том числе и нашего Причумышья, привели к формированию традиций, обычаев, нравственных канонов и требований в экономической, социальной и культурной жизни сибиряков.

Несмотря на влияние новых потоков переселенцев, вносящих свои «поправки» в уклад жизни, сложился своеобразный сибирский домострой. Я осмелюсь сделать некоторые обобщения требований к общественному и семейному укладу, по отношению к мужчине и женщине, которые и поныне бытуют в памяти и сознании жителей Причумышья. Сибирский домострой требовал с пеленок воспитания в девочке матери-хозяйки, в мальчике – кормильца и хранителя дома. Мерилом будущего считалась поговорка «Какие куклы в игре, такие дети в жизни».

Что считалось привлекательным в женщине? Эти взгляды выражают больше всего сами женщины: стройность и сила стана, чистота тела и вещей, опрятность в одежде и убранстве, аккуратность в труде и быту (каждой вещи свое место, всякому делу свой час), спорность и сообразительность, размеренность в работе, потреблении и суждении, азартность и хватистость, бережливость без скряжничества, доброта без расточительности, спокойствие с рассудительностью, сдержанность без безразличия, общительность без распушенности, честность, совесть, нежность и обаятельность, услужливость без навязчивости, скромность без жеманства, простота без глупости, строгость без жестокости, верность супружества и материнства, безразличность к безнравственности, покорность и кротость.

Привлекательным в мужчине считалось: стройность и сила, решительность без ухарства, трудолюбие и бережливость, отзывчивость без корысти, сноровка и ухватистость, выдержка и выносливость, хозяйственность и аккуратность, верность семье, слову и делу, мастерство и сообразительность, размеренность в запросах, в труде, в чувствах, в словах, удаль без беспашабности, настойчивость без упрямства, умение с умом взяться за дело и довести его до разумного конца, распорядительность и сдержанность, требовательность без грубости, доброта без глупости, преданность без безрассудства, изобретательность с деловитостью, веселость и кротость, игривость и задушевность, целомудрие без зазнайства.

Наверное, и сейчас всякий семьянин был бы не против иметь супругу со всеми примечательностями такого домостроя, а всякая супруга – жить под теплым и надежным крылом хранителя и кормильца.

Приятно взглянуть на сибирский уклад жизни, чтобы увидеть жизнь в ее реальности с радостями и трудностями, заботами и обычаями, которые так часто не замечаем в сутолоке обыденной жизни. И как прекрасны эти картины требований к жизни и счастью людскому. Этот суровый и милый сибирский край в столетиях складывал дом жизни из кирпичиков требований к воспитанию матери-хозяйки и мужа-опоры.

О женщине мыслилось так:

Крепка, как береза, статна, как сосна.

К хорошей хозяйке грязь не льнет.

У доброй хозяйки посуда смеется.

На чистой тарелке и щи вкусней.

На неряхе всякая одежда колом.

У хорошей хозяйки все под рукой.

В умелых руках хозяйки из ничего что-то выйдет, у неумехи и что-то станет ничем.

Без доброго сердца доброго хлеба не бывает.

И наварит, и нажарит, и пригреет, и ода-рит, из ничего добудет, и у самой не убудет.

За дело возьмется, и дело смеется.

Из ее рук ничего не выпадет, спасет и уложит, и даст – тем умножит.

Ухватка не на языке, а на деле.

Будь судлива, да не будь судима.

Лен языком не чешут.

В миру не пень и во дворе не колода.

Жизнь, Вера, Надежда, Любовь, Доброта и Красота, Нежность и Ласка – все эти слова женского рода, и ждут их в жизни от женщины, от матери:

Доброта да ласка всем болячкам смазка.

Материнство от любви и любовь от материнства.

Если жена не награда, то и жизнь не отрада.

Все беды, если жена всегда права.

С болтливой женой, что в избе без крыши.

Болтливая жена, что дыра на срамном месте.

Жить с неласковой женою, что стоять у голого кола.

С женой упрямой не проживешь прямо.

С неласковой женой холодно и в зной.

Жена неласковая да лживая – то и жизнь плешивая.

Бабья сила – в мужской власти.

Без матери и печи ни тепла, ни свечи.

Пирог печет не печь, а мать.

Свет велик, а мать одна.

Жена мужем правит покорностью и уступчивостью.

Хочешь счастья роду – выбирай породу.

На морозе красна, на работе спешна, в стороне не грешна и в веселье смешна дорогая жена.

Какая жена – такая и мать.

В копах не сено, в займах не деньги, в соседях не жена.

Хороша смазанная телега, а не ворота.

Телега любит смазку, а жена ласку.

У двуликой жены, как на чужом подворье.

Со злой женой – как в работниках.

Злой барин на случай, злая жена на каждый день.

Злая жена всегда права.

Натуру узнают не в веселье, а в деле.

Зло делами не восполнишь.

Обдуманная глупость горчее поспешной.

Жена не для услады, а мать для детей.

Добрая жена и для мужа мать.

Когда зло кипит, не добро варится.

Доброта крикливой не бывает.

Нежность на вожжах не вытянешь.

Дитя и на солнышке около матери греется.

С умной женой мед и покой.

Отец несет, а мать к делу торочит.

Будь простой и открытой, да не для стирки корытом.

Простота хуже воровства.

От женской нежности весна и зимою будет.

От женской нежности и камень перина, от злой и холодной и перина – нож.

Упрямая и сердитая всегда будет битая.

Упрямая и надутая всегда глупая.

Совесть и лед прожигает.

При бесчестье и мед горек.

В мужской власти бабья сила и жизни сласти.

Со строптивой женой как в рукопашной.
Муж с рогами не будет с пирогами.
Честь дороже золота, хотя и не блестит.
Злоба совесть разъедает.
Без поношенного не видеть хорошего.
И плачься и злись, а за дело берись.
Нет счастья в начале без хорошего конца.

Дом начинается с венца, жизнь с жеманьбы.

Думай не о женитьбе, а о жизни.
Честь без совести, что море без воды.
Всякий родится, да не всякий годится.

У жадного, если желудок и сыт, то глаза всегда голодные.

Кто продал совесть, то все другое — бесценно.

В народе говорили:

У бедного счастья щепотью, а беда пригоршней.

Не радуйся задумке, радуйся исходу.

Домашняя думка на базар не годится.
Богатому всегда ветер попутный, а бедному встречный.

У бедного горе всегда за опояской.

Шубуром горе не согреешь.

От счастья горят глаза, а от горя душа стынет.

Горя мужик не искал, оно всегда было рядом — и от сибирского холода, и от постоянного голода, и от болезней, и от неустойчивости жизни. И во всех этих невзгодах сибиряки всегда стремились сохранить человечность и нравственность души. Отсюда и складывались все требования к семейному укладу и общественным отношениям. Именно общественные отношения давали возможность жить, сообща преодолевая все трудности. Поэтому бытовало и такое мнение, что на миру и смерть красна.

Библиографический список

1. Абдулганеев М.Т. Керамика эпохи ранней бронзы с Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 117–129.
2. Абдулганеев М.Т. Поселение Комарово-1 – новый памятник эпохи раннего металла // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 67–80.
3. Абдулганеев М.Т. Материалы эпохи железа из раскопок у с. Комарово // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990. С. 143–149.
4. Абдулганеев М.Т. Бийский этап (хронологические рамки и содержание понятия) // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1991. С. 91–105.
5. Абдулганеев М.Т. К этнокультурной ситуации в северных предгорьях Алтая в середине I тыс. до н.э. – середине I тыс. н.э. (по материалам поселений) // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Горно-Алтайск, 1992. С. 59–63.
6. Абдулганеев М.Т. О культурной принадлежности бронзолитейной мастерской в пункте БЕ-12 // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 121–124, 219–221.
7. Абдулганеев М.Т. Отчет об археологических раскопках на Иткульских озерах Алтайского края летом 1991 года // Архив музея археологии и этнографии (АГУ). Инв. № 110. Барнаул, 1992.
8. Абдулганеев М.Т. Майминская культура (предварительные итоги и перспективы изучения) // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993. С. 3–5.
9. Абдулганеев М.Т. Памятники бийского этапа на Верхней Оби // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 51–56.
10. Абдулганеев М.Т. Алтай в раннем железном веке // История Алтая: Учеб. пос. Ч. 1. Барнаул, 1995. С. 59–82.
11. Абдулганеев М.Т. «Неизвестные» памятники раннего железного века в северных предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 128–134.
12. Абдулганеев М.Т. Древнейшие городища северных предгорий Алтая // Известия лаборатории археологии. Вып. 2. Горно-Алтайск, 1997. С. 53–61.
13. Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н. Статистическая обработка керамики и периодизация поселений лесостепного и предгорного Алтая 2-й половины I тыс. до н.э. // Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул, 1991. С. 93–108.
14. Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н. Типология поселений Алтая VI–II вв. до н.э. Барнаул, 1997. 148 с.
15. Абдулганеев М.Т., Казаков А.А. Верхнеобские памятники Иткульских озер // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990. С. 104–108.
16. Абдулганеев М.Т., Казаков А.А. Поселение Чудатская Гора // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 111–115.
17. Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л. Курганы быстринской культуры в междуречье Бии и Чумыша // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 143–155.
18. Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л., Фролов Я.В. Староалейская культура // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 52–55.
19. Абдулганеев М.Т., Кунгурова Н.Ю., Пугачев Д.А., Скопинцева Г.В. Раскопки и разведки в северных предгорьях Алтая // Изучение памятников археологии Алтайского края. Барнаул, 1995. С. 129–133.
20. Адамов А.А. Новосибирское Приобье // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. Томск, 1994. С. 225–234.
21. Акишев К.А. Курган Иссык. М., 1978. 132 с.
22. Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1964. 215 с.
23. Алехин Ю.П. Лесостепной Алтай в скифское время (V–I вв. до н.э.) // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986. С. 36–38.
24. Алехин Ю.П. Исследования в Семипалатинской области Казахстана // АО 1995 года. М., 1996. С. 385–387.
25. Арсланова Ф.Х. Могильник ранних кочевников на правом берегу Иртыша // Известия Академии наук Казахской ССР. Серия: история, археология, этнография. Вып. 2 (19). Алма-Ата, 1962. С. 77–93.
26. Арсланова Ф.Х. Погребальный комплекс VIII–VII вв. до н.э. из Восточного Казахстана // В глубь веков. Алма-Ата, 1974. С. 46–60.
27. Арсланова Ф.Х. Археологические находки в Казахстане // Бронзовый век степ-

ной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983. С. 119–126.

28. Барышников Г.Я., Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Пещера Иульчак – новый археологический памятник на Алтае // Древняя история Алтая. Барнаул, 1980. С. 3–15.

29. Бейсенов А.З. Культурно-ритуальные сооружения древних кочевников Центрального Казахстана // Известия АН Республики Казахстан. Серия общественных наук. Вып. 2 (207). Алматы, 1996. С. 31–41.

30. Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. Томск, 1983. 245 с.

31. Берс Е.М. Из раскопок в Горном Алтае у устья р. Куюм // Бронзовый и железный век Сибири: Материалы по истории Сибири. Вып. 4. Новосибирск, 1974. С. 18–31.

32. Бобров В.В., Михайлов Ю.И. Комплекс андроновской культуры поселения на берегу Тамбарского водохранилища // Проблемы археологических культур степей Евразии. Кемерово, 1987. С. 17–27.

33. Боковенко Н.А. Начальный этап культуры ранних кочевников Саяно-Алтая (по материалам конского снаряжения): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986. 24 с.

34. Болонев Ф.Ф. О гончарстве русского населения Забайкалья // Этнография народов Сибири. Новосибирск, 1984. С. 30–39.

35. Бородаев В.Б. Новообинцевский клад // Антропоморфные изображения. Новосибирск, 1987. С. 96–114.

36. Бородаев В.Б., Горбунов В.В. Троицк I – новое поселение кулайской культуры на левобережье Барнаульского Приобья // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. С. 183–189.

37. Бородаев В.Б., Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Археологические памятники на территории г. Барнаула // Памятники истории и культуры Барнаула. Барнаул, 1983. С. 7–30.

38. Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т. Могильники Кырлык 1 и Кырлык 2 в Горном Алтае // Проблемы охраны археологических памятников Сибири. Новосибирск, 1985. С. 51–88.

39. Бородовский А.П. Многослойный поселенческий комплекс Муны 1 на Нижней Катунь // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 18–22.

40. Бородовский А.П. Исследования на Нижней Катунь и Верхнем Приобье // Обзорение 1993 года. Новосибирск, 1995. С. 92–94.

41. Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986. 178 с.

42. Вадецкая Э.Б. Таштыкская культура // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 236–246.

43. Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Гирикрабатская культура в низовьях Сыр-Дарьи // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 47–60.

44. Варфоломеев В.В. О культурной принадлежности памятников с валиковой керамикой Сары-Арки // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1988. С. 80–99.

45. Васильев И.Б., Кузнецов И.Ф., Семенова А.Н. Потаковский курганный могильник индо-иранских племен на Волге. Самара, 1994. 208 с.

46. Васютин А.С. О культурно-хронологическом соотношении погребений с геральдическими бронзами лесостепной Западной Сибири и горно-степного Алтая // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993. С. 61–63.

47. Васютин А.С. Некоторые вопросы изучения одинцовского времени Верхнего Приобья // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 153–155.

48. Васютин А.С. Одинцовский погребально-поминальный комплекс Ваганово 1 из Кузнецкой котловины // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Новосибирск, 1996. С. 44–46.

49. Васютин А.С. Особенности культурогенеза в истории раннего средневековья Кузнецкой котловины (V–IX вв.) // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. Кемерово, 1997. С. 5–35.

50. Васютин А.С. Структура воинских погребений одинцовской культуры // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997. С. 187–189.

51. Васютин А.С. Этноархеологический подход и раннесредневековая археология Кузнецкой котловины // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск; Уфа, 1997. С. 34–37.

52. Васютин А.С., Кимеев В.М. Этноархеологический комплекс «Зимник» // Интеграция археологических и этнографических исследований. Ч. 2. Новосибирск; Омск, 1996. С. 22–25.

53. Васютин А.С., Окунева И.В. Погребальные костры позднего одинцовского могильника Ваганово 1 // Четвертые истори-

ческие чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1997. С. 31–34.

54. Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л. Грунтовый могильник староалейской культуры Обские Плеса 2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 88–114.

55. Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. М., 1993. 281 с.

56. Виноградов А.В. Памятники алдыбельской культуры в Туве // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенез тувинцев. Кызыл, 1980. С. 63.

57. Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII–V вв. до н.э. М., 1973. 160 с.

58. Владимиров В.Н., Шульга П.И. Новые материалы по скифской эпохе Горного Алтая // Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул, 1984. С. 97–104.

59. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории Алтайских племен. М.; Л., 1965. 146 с.

60. Гальченко А.В. К вопросу о хозяйственной деятельности афанасьевских племен // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 14–19.

61. Гальченко А.В., Шульга П.И. К вопросу об интерпретации костных остатков на материалах поселений раннего железного века Горного Алтая // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 94–106.

62. Гамап А.Д. Томское и Нарымское Приобье // Мир реальный и потусторонний: Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск, 1994. С. 234–245.

63. Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры (пьяноборская эпоха III в. до н.э. – II в. н.э.). М., 1983. 240 с.

64. Генинг В.Ф., Гусинцева Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И., Трофименко В.С. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970. С. 12–52.

65. Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Челябинск, 1992. 408 с.

66. Геологический словарь. Т. 2. М., 1973. 456 с.

67. Горбунов В.В. Грунтовый могильник с обрядом кремации Троицкий Елбан 1 // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 80–90.

68. Горбунов В.В. Грунтовый могильник Троицкий Елбан 1 (новые материалы) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1995. С. 148–152.

69. Городцов В.А. К вопросу о киммерийской культуре // ТСА РАНИОН. Т. II. М., 1928. С. 10–54.

70. Глоба Г.Д. Раскопки курганного могильника Белый Бом II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск, 1983. С. 116–126.

71. Глушков Г.И. Керамика как археологический источник. Новосибирск, 1996. 328 с.

72. Грач А.Д. Древние кочевники в Центре Азии. М., 1980. 256 с.

73. Грушин С.П. Изучение эпохи ранней бронзы на Алтае // XXIX Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция: Тез. докл. Челябинск, 1997. С. 33–34.

74. Грязнов М.П. Древние культуры Алтая // Материалы по изучению Сибири. Вып. 2. Новосибирск, 1930. 11 с.

75. Грязнов М.П. Древняя бронза Минусинских степей // ТОШКГЭ. Т. I. Л., 1941. С. 237–271.

76. Грязнов М.П. Из далекого прошлого Алтайского края. Барнаул, 1950. 20 с.

77. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопанному близ с. Большая Речка // МИА. № 48. М.; Л., 1956. 256 с.

78. Грязнов М.П. Аржан. Л., 1980. 63 с.

79. Грязнов М.П. Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Сибири. Кемерово, 1983. С. 3–18.

80. Грязнов М.П. Алтай и Приалтайская степь // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 161–178.

81. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. М., 1993. 576 с.

82. Гумилев Л.Н. Этносфера. История людей и история природы. М., 1993. 544 с.

83. Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1: Иволгинское городище. СПб., 1995. 283 с.

84. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. СПб.; М., 1978. 700 с.

85. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. СПб.; М., 1979. 779 с.

86. Деревянко А.П., Молодин В.И. Относительная хронология и культурная принадлежность памятника Кучерла I (Горный Алтай) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 3–7.

87. Деревянко А.П., Молодин В.И. Де-висова пещера. Ч. 1. Новосибирск, 1994. 262 с.
88. Деревянко А.П., Молодин В.И., Савинов Д.Г. и др. Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок). Новосибирск, 1994. 224 с.
89. Дьяконова В.П. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. III. Л., 1970. С. 80–209.
90. Егоров Я.В. Новое исследование погребения воина эпохи великого переселения народов на Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 77–80.
91. Завитухина М.П. Курганы у села Быстрианского в Алтайском крае (по раскопкам С.М. Сергеева в 1930 г.) // АСТЭ. Вып. 8. Л., 1966. С. 61–76.
92. Заднепровский Ю.А. Ранние кочевники Семиречья и Тянь-Шаня // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 73–80.
93. Засецкая И.П. Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датирования памятников восточноевропейских степей // КСИА. № 158. М., 1979. С. 5–17.
94. Зах В.А. Иня-3 – новая неолитическая стоянка Обь-Чумышского междуречья // Проблемы западно-сибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981. С. 22–27.
95. Зах В.А. Погребения эпохи неолита – ранней бронзы могильника Заречное 1 // Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень, 1985. С. 23–29.
96. Захаров А.А., Худяков Ю.С. Археологические изыскания на левобережье Катуня в 1984 году // Археологические исследования на Катуня. Новосибирск, 1990. С. 30–43.
97. Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. № 30. М., 1952. 300 с.
98. Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск, 1988. 188 с.
99. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991. 511 с.
100. Иванов Г.Е. Поселение Бочанцево I – памятник кулайской культуры в степном Алтае // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990. С. 117–122.
101. Иванов Г.Е. Поселение Крестьянское IX – памятник финальной бронзы степного Алтая // Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул, 1990. С. 86–104.
102. Иванов Г.Е. Два поселения эпохи поздней бронзы в степном Алтае // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул, 1993. С. 132–147.
103. Иванов Г.Е. Новые находки оружия раннего железного века в лесостепном Алтае // Культуры древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 56–62.
104. Иванов Г.Е. Археологические памятники из бывшего поселка Миронов Лог // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Ч. 2. Барнаул, 1995. С. 36–41.
105. Иванов Г.Е. Вооружение и военное дело населения лесостепного Обь-Иртышья в эпоху поздней бронзы и раннем железном веке: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1995. 28 с.
106. Илюшин А.М. Хронология и периодизация средневековых погребений по обряду кремации на стороне в Кузнецкой котловине // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 164–166.
107. Илюшин А.М. Верхнеобская этнокультурная общность (по материалам из Кузнецкой котловины) // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993. С. 74–77.
108. Илюшин А.М. Курганы-кладбища средневековых самодийцев Кузнецкой котловины // Проблемы этнической истории самодийских народов. Ч. 1. Омск, 1993. С. 45–49.
109. Илюшин А.М. Курганы средневековых кочевников долины реки Бачат. Кемерово, 1993. 116 с.
110. Илюшин А.М. К вопросу о тюркской миграции на территорию Кузнецкой котловины в эпоху средневековья // Палеодемографические и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 147–149.
111. Илюшин А.М. Средневековые курганы со рвами в Кузнецкой котловине // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тыс. н.э. Кемерово, 1994. С. 103–111.
112. Илюшин А.М. Памятники Алтая и их генетическая связь с памятниками Кузнецкой котловины в эпоху средневековья // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 155–158.
113. Илюшин А.М. История изучения вопросов средневековой этнической истории Кузнецкой котловины по археологическим

источникам // Четвертые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1997. С. 56–61.

114. Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Сулейменов М.Г. Аварийные раскопки курганов близ с. Сапогово. Кемерово, 1996. 206 с.

115. Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Курганный могильник Беково (новые материалы о появлении телеутов в Кузнецкой котловине) // Материалы по археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Абакан, 1993. С. 46–48.

116. Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Впускные погребения Шабаново 1 // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово, 1995. С. 208–224.

117. Кадиков Б.Х., Лапшин Б.И. Каратурук – новая стоянка каменного века Горного Алтая // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 3–10.

118. Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. 425 с.

119. Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алма-Ата, 1992.

120. Казаков А.А. Отчет о разведочных работах в Первомайском и Красногорском районах Алтайского края летом 1991 года // Архив музея археологии и этнографии (АГУ). Инв. № 116. Барнаул, 1992.

121. Казаков А.А. Аварийные работы в Павловском районе // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Ч. 1. Барнаул, 1995. С. 182–188.

122. Казаков А.А. К вопросу о формировании одинцовской культуры // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 166–177.

123. Казаков А.А. Одинцовская культура Барнаульско-Бийского Приобья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1996. 19 с.

124. Казаков А.А., Ведянин С.Д. Аварийные работы в Павловском районе // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Ч. 1. Барнаул, 1993. С. 174–182.

125. Казаков А.А., Демин М.А. Аварийные работы в Красногорском районе // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 70–71.

126. Казаков А.А., Исупов С.Ю. Керамический комплекс городища Бехтемир // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990. С. 109–112.

127. Казаков А.А., Кунгуров А.Л. Комплекс городищ около Бийска // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул, 1993. С. 219–231.

128. Казаков А.А., Неверов С.В. Хронология и периодизация памятников середины – второй половины I тыс. н.э. Верхнего Приобья // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 167–170.

129. Казаков А.А., Шамшин А.Б., Ведянин С.Д. Курганный могильник Телеутский Взвоз-I // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 78–83.

130. Кимеев В.М., Притчин А.В. Жилище и хозяйственные постройки шорцев // Жилища народов Западной Сибири. Томск, 1991. С. 16–30.

131. Киреев С.М. Поселение Майма 1 в предгорьях Алтая // Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1986. С. 165–191.

132. Киреев С.М. Майминский археологический комплекс // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988. С. 162–182.

133. Киреев С.М. Поселение Черемшанка // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 84–89.

134. Киреев С.М. Курганы «Майма XIX» // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 39–50, 181–185.

135. Киреев С.М. Новое обследование городища Черемшанка // Алтай и тюркомонгольский мир. Горно-Алтайск, 1995. С. 135–139.

136. Киреев С.М., Кучуганова Р.П. Лепные сосуды русского населения Горного Алтая (из фондов Горно-Алтайского областного краеведческого музея) (в печати).

137. Кирюшин Ю.Ф. К вопросу о происхождении культуры раннего железного века в Нарымском Приобье // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973. С. 211–214.

138. Кирюшин Ю.Ф. Работы Алтайской экспедиции // АО 1978 года. М., 1979. С. 228–229.

139. Кирюшин Ю.Ф. Работы Алтайской экспедиции // АО 1979 года. М., 1980. С. 208–209.

140. Кирюшин Ю.Ф. Новый могильник андроновской культуры у с. Елунино // Древняя история Алтая. Барнаул, 1980. С. 66–72.

141. Кирюшин Ю.Ф. Работы Алтайской экспедиции // АО 1980 года. М., 1981. С. 181–182.
142. Кирюшин Ю.Ф. Изобразительное искусство племен лесостепного Алтая в раннем железном веке // Скифо-сибирский мир. Кемерово, 1979. С. 28–31.
143. Кирюшин Ю.Ф. Итоги и перспективы изучения памятников энеолита и бронзы Алтая // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск, 1985. С. 46–53.
144. Кирюшин Ю.Ф. Новые могильники ранней бронзы на Верхней Оби // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 100–125.
145. Кирюшин Ю.Ф. Энеолит, ранняя и развитая бронза Верхнего и Среднего Приобья: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1986. 36 с.
146. Кирюшин Ю.Ф. Исследование энеолитических памятников лесостепного Алтая // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990. С. 35–39.
147. Кирюшин Ю.Ф. О феномене сейминско-турбинских бронз и времени формирования культур ранней бронзы в Западной Сибири // Северная Евразия от древности до средневековья. СПб., 1992. С. 66–69.
148. Кирюшин Ю.Ф., Абдулганеев М.Т., Неверов С.В. Аварийные раскопки на Средней Катунь // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 26–29.
149. Кирюшин Ю.Ф., Абдулганеев М.Т., Шамшин А.Б. К методике поиска археологических памятников эпохи энеолита и бронзы на Алтае // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. Барнаул, 1983. С. 146–152.
150. Кирюшин Ю.Ф., Гальченко А.В., Удодов В.С., Шамшин А.Б. Хозяйственно-культурные типы поздней бронзы лесостепного Алтая // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988. С. 138–142.
151. Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Удодов В.С. Новые материалы эпохи поздней бронзы степного Алтая // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990. С. 104–128.
152. Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А., Тишкин А.А. Новые памятники эпохи ранней бронзы на территории Алтайского края и перспективы их исследования // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Новосибирск, 1996. С. 116–119.
153. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А. Город Бийск. Памятники археологии // Бийск, Бийский район. Памятники истории и культуры. Бийск, 1992. С. 7–47.
154. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А. Бийский район. Памятники археологии // Бийск, Бийский район. Памятники истории и культуры. Бийск, 1992. С. 100–114.
155. Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Позднеэнеолитический горизонт поселения Тыткескень 2 // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Томск, 1992. С. 28–30.
156. Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Кунгурова Н.Ю. Хронологические комплексы поселения Тыткескень 2 // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 23–28.
157. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Новое верхнепалеолитическое местонахождение Ушлеп-1 на Алтае // Палеолит Сибири. Новосибирск, 1983. С. 34–36.
158. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Золотые украшения эпохи раннего железа Барнаульского Приобья // Золото Алтая. История и современность. Барнаул, 1995. С. 7–11.
159. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Андроновские находки на верхнем Чумыше // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул, 1996. С. 22–27.
160. Кирюшин Ю.Ф., Масленникова Г.В., Шамшин А.Б. Работы Алтайской экспедиции // АО 1980 года. М., 1981. С. 181–182.
161. Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю. Поселение Большой Лог 1 – новый памятник андроновской культуры Верхнего Приобья // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990. С. 42–56.
162. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Поселение Березовая Лука в Алейском районе // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Ч. 2. Барнаул, 1995. С. 47–51.
163. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997. 231 с.
164. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Степанова Н.Ф., Кунгурова Н.Ю. Поселение Сары-Бел // Известия лаборатории археологии. № 1. Горно-Алтайск, 1995. С. 6–19.
165. Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Корчажнинская культура лесостепного Алтайского Приобья // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 137–158.
166. Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Елунинское культовое место // Культура наро-

- дов евразийских степей в древности. Барнаул, 1993. С. 161–180.
167. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА. № 9. М.; Л., 1949. 246 с.
168. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 638 с.
169. Ковалева В.Т. О схемах развития неолита лесного Зауралья // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1981. С. 57–65.
170. Ковалева В.Т. Боборыкинская культура (итоги изучения) // Проблемы Урало-Сибирской археологии. Свердловск, 1986. С. 14–27.
171. Комарова М.Н. Томский могильник – памятник истории древних племен лесной полосы Верхней Оби // МИА. № 24. М., 1952. С. 7–50.
172. Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981. 275 с.
173. Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири. Человек и природная среда. М., 1991. 302 с.
174. Косарев М.Ф. Из древней истории Западной Сибири // Русский этнограф. Вып. 4. М., 1993. 283 с.
175. Кочеев В.А. Курганный могильник Айрыдаш III // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1986. С. 101–119.
176. Кочеев В.А. Курганный могильник Айрыдаш IV на Средней Катунь // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 134–137.
177. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 300 с.
178. Кубарев В.Д. Росписные сосуды из курганов Алтая // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 31–55.
179. Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. 190 с.
180. Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992. 220 с.
181. Кубарев В.Д., Журавлева А.Д. Керамическое производство хуннов Алтая // Палеоэкономика Сибири. Новосибирск, 1986. С. 101–119.
182. Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бийке // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 43–95.
183. Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // САИ. Вып. В4–9. М., 1966. 150 с.
184. Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? М., 1991. 400 с.
185. Кулемзин А.М. Тагарские костяные наконечники стрел // ИЛАИ. Вып. 7. Кемерово, 1976. С. 30–41.
186. Кулемзин А.М. Тагарские бронзовые наконечники стрел // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Кемерово, 1976. С. 43–56.
187. Кулемзин А.М., Лукина Н.В. Васюганско-Ваховские ханты в конце XIX – начале XX вв. Томск, 1977. 226 с.
188. Кунгуров А.Л. Разведка на востоке Алтайского края // АО 1979 года. М., 1980. С. 215.
189. Кунгуров А.Л. Работы Бийского отряда // АО 1980 года. М., 1981. С. 189–190.
190. Кунгуров А.Л. Финальный палеолит Алтая // Проблемы исследования каменного века Евразии. Красноярск, 1984. С. 28–30.
191. Кунгуров А.Л. Палеолитические находки в предгорьях Алтая // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1986. С. 66–69.
192. Кунгуров А.Л. Палеолит Солтона // Северная Азия в эпоху камня. Новосибирск, 1987. С. 52–70.
193. Кунгуров А.Л. Позднепалеолитическая стоянка Красная Гора // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 30–82.
194. Кунгуров А.Л. Относительная хронология палеолитических памятников бассейна Катунь // Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул, 1991. С. 50–63.
195. Кунгуров А.Л. К вопросу о восточной границе нижнекатунской палеолитической культуры // Культура народов евразийских степей. Барнаул, 1993. С. 34–41.
196. Кунгуров А.Л. Культуры палеолита-мезолита северного Алтая // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993. С. 22–24.
197. Кунгуров А.Л. Палеолит и мезолит Алтая. Барнаул, 1993. 89 с.
198. Кунгуров А.Л. Верхние культурные слои поселения Тыткескен 3 // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 43–58.
199. Кунгуров А.Л. Палеолитическая стоянка Куюк-5 на Чумыше // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Ч. 2. Барнаул, 1995. С. 3–7.
200. Кунгуров А.Л. Погребальные комплексы быстринской культуры на Чумыше // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 114–117.
201. Кунгуров А.Л. Мальтинский культурный слой поселения Ушлеп 6 // Сох-

ранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 45–50.

202. Кунгуров А.Л. Неолит Верхнего Причумышья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1997. С. 98–104.

203. Кунгуров А.Л. Памятники железного века Верхнего Причумышья (по материалам краеведческого музея с. Победа) // Алтайский сборник. Вып. XVIII. Барнаул, 1997. С. 221–240.

204. Кунгуров А.Л., Горбунов В.В. Средневековое поселение Ушлеп 5 // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 4–9.

205. Кунгуров А.Л., Кадиков Б.Х. Многослойное поселение Усть-Сема // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 29–50.

206. Кунгуров А.Л., Кунгурова Н.Ю. Раскопки могильника Аэродромный в г. Бийске // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1983. С. 7–30.

207. Кунгуров А.Л., Кунгурова Н.Ю. Разведка на востоке Алтая // АО 1981 года. М., 1983. С. 206–207.

208. Кунгуров А.Л., Кунгурова Н.Ю. Работы в предгорьях Алтая // АО 1984 года. М., 1986. С. 184.

209. Кунгуров А.Л., Маркин М.М. Палеолитические памятники среднего Причумышья // Изучение памятников археологии Алтайского края. Ч. II. Барнаул, 1995. С. 3–7.

210. Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Результаты исследования памятника эпохи раннего железа Усть-Иштовка 1 на Алтае // Археология, антропология, этнография Сибири. Барнаул, 1996. С. 124–146.

211. Кунгуров А.Л., Фролов Я.В. Могильник раннего железного века на МГК-1 // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 94–99.

212. Кунгурова Н.Ю. Микролитические памятники средней Катунь // Северная Азия в эпоху камня. Новосибирск, 1987. С. 37–51.

213. Кунгурова Н.Ю. Древнее поселение в устье р. Куом // Материалы к изучению Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С. 3–22.

214. Кунгурова Н.Ю. Палеолитическое жилище на поселении Усть-Куом // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 9–13.

215. Кунгурова Н.Ю. К вопросу о технологии производства афанасьевской культуры // Палеодемография и миграционные про-

цессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 47–48.

216. Кунгурова Н.Ю. Неолитические индустрии Катунь и озера Иткуль: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1995. 25 с.

217. Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. М., 1984. 168 с.

218. Кызласов Л.Р. Древнекавказская культура чаатас VI–IX вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 46–52.

219. Лапшин Б.И. История изучения Алтайского палеолита // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 3–17.

220. Лапшин Б.И., Кадиков Б.Х. Позднепалеолитическая стоянка у с. Майма в Горном Алтае (по материалам Бийского краеведческого музея) // Проблемы западно-сибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981. С. 9–21.

221. Лебедева А.А. К истории формирования русского населения Забайкалья, его хозяйственного и семейного быта (XIX – начало XX вв.) // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969. С. 104–188.

222. Левина Л.М. Памятники джетысарской культуры середины I тыс. до н.э. – середины I тыс. нашей эры // Степная полоса азиатской части СССР. М., 1992. С. 61–72.

223. Липинская В.А. Гончарство русских женщин Алтайского края // Полевые исследования института этнографии. М., 1978. С. 38–46.

224. Липинская В.А. Пища и утварь // Этнография восточных славян. М., 1987. С. 292–312.

225. Липинская В.А. Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае XVIII–начала XX века. М., 1996. 268 с.

226. Малолетко А.М. Палеогеография предальтайской части Западной Сибири в мезозое и кайнозое. Томск, 1972. 230 с.

227. Мамадаков Ю.Т. Новые материалы гунно-сарматского времени в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 173–191.

228. Мандельштам А.М. Исследование на могильном поле Аймырлыг // Древние культуры евразийских степей. Л., 1983. С. 25–33.

229. Мандельштам А.М. Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматский период. М., 1992. С. 10–13.

230. Мандрыка П.В., Макаров Н.П. Погребения с трупосожжением в окрестностях Красноярска (к вопросу о выделении памятников нового культурного типа) // Этно-

культурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тыс. до н.э. Кемерово, 1994. С. 68–84.

231. Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979. 336 с.

232. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Озарбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. 436 с.

233. Маркин М.М. К вопросу об особенностях техники обработки камня памятников ушлепского микрорайона // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. Барнаул, 1994. С. 12–14.

234. Маркин М.М. Палеолитические комплексы многослойного памятника Ушлеп 6 // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока. Кемерово, 1995. С. 39–41.

235. Маркин М.М. Материалы второго культурного слоя многослойного памятника Ушлеп 6 // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока. Ч. 1. Иркутск, 1996. С. 74–76.

236. Маркин М.М. Новые материалы к археологической карте Тогульского района // Известия лаборатории археологии. Вып. 2. Горно-Алтайск, 1997. С. 42–50.

237. Маркин С.В. Палеолитические памятники бассейна р. Томи. Новосибирск, 1986. 176 с.

238. Марсадолов Л.С. Хронология курганов Алтая (VIII–IV вв. до н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985. 16 с.

239. Марсадолов Л.С. Керамические сосуды в памятниках Горного Алтая VIII–VII вв. до н.э. // Проблемы археологии степной Евразии. Ч. II. Кемерово, 1987. С. 62–66.

240. Марсадолов Л.С., Зайцева Г.И., Семенцов А.А., Лебедева Л.М. Возможности радиоуглеродного датирования для привязки плавающей шкалы больших курганов Саяно-Алтая к календарному времени // Археология и радиоуглерод C₁₄. Вып. 1. Спб., 1996. С. 24–32.

241. Матвеев А.В. Некоторые проблемы и итоги изучения ирменской культуры // СА. 1986. № 2. С. 56–61.

242. Матвеева П.М. Ранний железный век Пришимья. Новосибирск, 1994. 152 с.

243. Матющенко В.И. Новые палеолитические местонахождения в районе г. Бийска // Вопросы археологии и этнографии Западной Сибири: Ученые записки ТГУ. 1966. № 60. С. 28–35.

244. Матющенко В.И. Омская стоянка // Вопросы археологии и этнографии Западной

Сибири: Ученые записки ТГУ. 1966. № 60. С. 77–93.

245. Матющенко В.И. Позднеолитический могильник у д. Иштаан на Оби // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск, 1985. С. 47–54.

246. Мерц В.К. Работы на стоянке Нурмамбет 1 // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 42–47.

247. Мерц В.К., Франк Д.А. Раскопки у села Мичурино // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 71–76.

248. Могильников В.А. Курганы Кара-Коба II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск, 1983. С. 52–89.

249. Могильников В.А. К этнокультурной ситуации на Алтае в скифское время // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986. С. 24–32.

250. Могильников В.А. Курганы Кер-Кечу // Проблемы изучения культурного наследия Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988. С. 60–107.

251. Могильников В.А. Эпоха поздней бронзы Верхнего Приобья и проблема происхождения большебереченской культуры // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков. Барнаул, 1988. С. 151–154.

252. Могильников В.А. Некоторые проблемы генезиса и этнической принадлежности культур раннего железного века лесостепной Западной Сибири // Западно-Сибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень, 1989. С. 62–77.

253. Могильников В.А. Саргатская культура // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 292–311.

254. Могильников В.А. Население верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н.э. М., 1997. 196 с.

255. Могильников В.А., Елин В.Н. Курганы Талдура I // КСИА. Вып. 170. М., 1982. С. 103–109.

256. Могильников В.А., Куйбышев А.В. Курганы Камень II (Верхнее Приобье) по раскопкам 1976 г. // СА. 1982. № 2. С. 113–134.

257. Могильников В.А., Неверов С.В., Телегин А.Н., Уманский А.П. Андроново I – могильник эпохи раннего железа в Восточной Кулунде // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск, 1971. С. 127–139.

258. Могильников В.А., Уманский А.П. Курган Масляха I по раскопкам 1979 года //

- Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 81–87.
259. Молодин В.И. Некоторые проблемы переходного от бронзы к железу времени в Новосибирском Приобье и лесостепной Барабе // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства. Кемерово, 1979. С. 110–112.
260. Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977. 171 с.
261. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985. 126 с.
262. Молодин В.И., Ефремова Н.С. К вопросу об обрядах охотничьей магии Горного Алтая в эпоху раннего железа (по материалам святилища Кучерла I) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. III. Новосибирск, 1997. С. 233–238.
263. Молодин В.И., Колонцов С.В. Туруновка 4 – памятник переходного от бронзы к железу времени // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1984. С. 69–86.
264. Молодин В.И., Чикишева Т.А. Погребение война IV–V вв. н.э. в Барабе // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 161–179.
265. Мосинкова М.П. Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника близ г. Орска // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М., 1972. С. 27–48.
266. Новиков А.В., Троицкая Т.Н. Керамика верхнеобской культуры // Памятники истории и культуры Омской области. Вып. 2. Омск, 1989. С. 41–43.
267. Неверов С.В., Степанова Н.Ф. Могильник скифского времени Кайнду в Горном Алтае // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 242–270.
268. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1987. 797 с.
269. Окладников А.П., Владыкин В.А. Древнее поселение на р. Куюм (Алтай) по раскопкам 1964–1965 гг. // ИЛАИ. Вып. 1. Кемерово, 1967. С. 66–79.
270. Окунева И.В. Лачиновская культура // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. Кемерово, 1997. С. 36–64.
271. Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной скифии (VII–III вв. до н.э.). М., 1991. 256 с.
272. Орлова Л.А. Радиоуглеродное датирование археологических памятников Сибири и Дальнего Востока // Методы естественных наук в археологии. Ч. II. Новосибирск, 1995. С. 207–232.
273. Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье: Археология России // САИ. Вып. В1–10. Саратов, 1993. 200 с.
274. Папин Д.В. К вопросу о миграции носителей крестовой керамики в Верхнем Приобье // Археология и этнография Сибири. Кемерово, 1995. С. 78–79.
275. Папин Д.В. Проблема переходного времени в Верхнем Приобье // Археология, антропология и этнография Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1996. С. 54–56.
276. Петров А.П. Екатерининский тип керамики на памятниках Среднего Прииртышья. Томск, 1980. С. 3–15.
277. Плетнева Л.М. Томское Приобье в конце I тыс. до н.э. – начале н.э. // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973. С. 198–199.
278. Плетнева Л.М. Томское Приобье в конце VIII–III вв. до н.э. Томск, 1977. 142 с.
279. Погожева А.П., Молодин В.И. Раскопки на поселении Кара-Тенеш (1978 г.) // Археологический поиск. Северная Азия. Новосибирск, 1980. С. 92–98.
280. Полосьяк Н.В. Керамический комплекс поселения Крохалевка-4 // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 36–46.
281. Полосьяк Н.В. «Стережущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск, 1994. 124 с.
282. Полторацкая В.Н. Памятники эпохи ранних кочевников в Туве // АСГЭ. Вып. 8. Л.; М., 1966. С. 78–102.
283. Пшеницина М.П., Поляков А.С. Погребения родоплеменной знати Тагарского общества на юге Хакасии // КСИА. Вып. 196. М., 1989. С. 58–66.
284. Рабинович М.Г. Московская керамика // МИА. № 12. Т. II. М.; Л., 1949. С. 57–105.
285. Родионов А.М. Красная книга ремесел. Барнаул, 1990. 319 с.
286. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. 300 с.
287. Семibrатов В.П. Мезолит Средней Катунь // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Томск, 1992. С. 16–18.
288. Сивинина Г.В. Игреково 1 – памятник неолита в Среднем Приобье // Палеолит и неолит. Л., 1986. С. 100–108.
289. Ситников С.М., Шульга П.И. Работы на Юго-Западном Алтае // Проблемы охраны, изучения и использования культур-

- ного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 59–62.
290. Скопинцева Г.В. Новые памятники 1 пол. I тыс. н.э. в предгорьях Алтая // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 62–71.
291. Словарь говоров Соликамского района Пермской области. Пермь, 1973. 706 с.
292. Словарь русских говоров Алтая. Т. 2. Ч. II. Барнаул, 1997. 136 с.
293. Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1971. 214 с.
294. Словарь русских народных говоров. Вып. 7. Л., 1972. 355 с.
295. Словарь русских народных говоров. Вып. 15. Л., 1979. 399 с.
296. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 5. М., 1989. 265 с.
297. Словарь современного русского народного говора. М., 1969. 611 с.
298. Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА. № 101. М., 1961. 168 с.
299. Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964. 379 с.
300. Сорокин С.С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы // АСГЭ. Вып. 8. Л., 1966. С. 39–60.
301. Сорокин С.С. Цепочка курганов времени ранних кочевников на правом берегу Кок-Су (Южный Алтай) // АСГЭ. Вып. 16. Л., 1974. С. 62–91.
302. Сосновский Г.П. Палеолитические находки в предгорьях Алтая // Труды советской секции Международной Ассоциации по изучению четвертичного периода. Вып. 2. М., 1937. С. 38.
303. Сосновский Г.П. Палеолитические стоянки около г. Бийска // Труды советской секции Международной Ассоциации по изучению четвертичного периода. Вып. 3. М., 1937. С. 154–158.
304. Сосновский Г.П. Новые палеолитические местонахождения Южной Сибири // КСИИМК. № 7. М., 1940. С. 86–90.
305. Сосновский Г.П. Палеолитическая стоянка у с. Сростки на Катунь // МИА. № 2. М., 1941. С. 109–125.
306. Степанова Н.Ф. Могильник скифского времени Кастахта // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 168–183.
307. Степанова Н.Ф. Поселение Малый Дуган – памятник эпохи бронзы Горного Алтая // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990. С. 73–86.
308. Степанова Н.Ф. Поселение Узнезя I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 19–26.
309. Степанова Н.Ф. Охранные раскопки на Усть-Куломском могильнике // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 115–119.
310. Степанова Н.Ф. Керамика большемысской культуры поселения Малый Дуган // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. VIII. Барнаул, 1997. С. 113–116.
311. Степанова Н.Ф., Неверов С.В. Курганный могильник Верх-Еланда II // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 11–24.
312. Степанова Н.Ф., Пугачев Д.А. Новые материалы эпохи энеолита и бронзы в Горном Алтае // Археологические исследования в Сибири. Барнаул, 1989. С. 37–39.
313. Стефанова Н.К. О керамике кротовской культуры в Среднем Прииртышье // Проблемы Урало-Сибирской археологии. Свердловск, 1986. С. 38–47.
314. Суразаков А.С. Раскопки памятников Курота II и Кор-Кобы I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 56–96.
315. Татаурова Л.В. Керамическое производство Нижней Тары в XVII–XX веках (по данным археологии и этнографии): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1997. 17 с.
316. Тишкин А.А. Погребальные сооружения курганного могильника Бийке в Горном Алтае и культура населения, оставившего их // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1997. С. 20–54.
317. Тишкин А.А., Казаков А.А., Горбунов В.В. Исследование курганов монгольского времени на Могильнике Телеутский Взвоз-I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1997. С. 203–207.
318. Тишкин А.А., Медникова Э.М. Некоторые изделия с городища Елбаны // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Ч. 1. Барнаул, 1993. С. 133–136.
319. Тишкин А.А., Тишкина Т.В. Комплекс аварийных археологических памятников близ Туриной Горы // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 106–110.
320. Тишкина Т.В. Характеристика керамического комплекса поселения Турина Гора I // Сохранение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1996. С. 147–150.
321. Ткачев А.А., Ткачева Н.А. Охранные раскопки могильника Мичурино II // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1997. С. 146–149.

322. Троицкая Т.Н. Поселение VII–II вв. до н.э. у с. Завьялово Новосибирской области // КСИА. Вып. 14. М., 1968. С. 99–104.
323. Троицкая Т.Н. О культурных связях населения Новосибирского Приобья в VII–VI вв. до н.э. // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970. С. 150–163.
324. Троицкая Т.Н. К вопросу о взаимосвязях населения Новосибирского Приобья с уральскими племенами в эпоху раннего железа // Археология и этнография Башкирии. Т. IV. Уфа, 1971. С. 93–97.
325. Троицкая Т.Н. Новосибирское Приобье в VII–IV вв. до н.э. // Вопросы археологии Сибири. Вып. 38. Новосибирск, 1972. С. 3–35.
326. Троицкая Т.Н. О северной границе распространения большепереченских племен // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск, 1978. С. 46–55.
327. Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979. 125 с.
328. Троицкая Т.Н. Одинцовская культура в Новосибирском Приобье // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск, 1981. С. 101–120.
329. Троицкая Т.Н. Завьяловская культура и ее место среди лесостепных культур Западной Сибири // Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень, 1985. С. 54–69.
330. Троицкая Т.Н. Верхнеобская культура лесостепного Приобья (V–VIII вв.) // Эпоха камня и палеометалла азиатской части СССР. Новосибирск, 1988. С. 95–101.
331. Троицкая Т.Н. Детские погребения VI–V вв. до н.э.–VII–VIII вв. н.э. в Новосибирском Приобье // Экономика и общественный строй древних и средневековых племен Западной Сибири. Новосибирск, 1989. С. 59–68.
332. Троицкая Т.Н. Погребения с сожжениями верхнеобской культуры в лесостепном Приобье // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 170–172.
333. Троицкая Т.Н. К вопросу о керамике бийского этапа большепереченской культуры // Известия лаборатории археологии. Вып. 2. Горно-Алтайск, 1997. С. 143–144.
334. Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большепереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1994. 184 с.
335. Троицкая Т.Н., Зах В.А., Сидоров Е.А. Новое о завьяловской культуре // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень, 1989. С. 103–116.
336. Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск, 1980. 184 с.
337. Труфанов А.Я. Материалы к происхождению и развитию красноозерской культуры лесостепного Прииртышья // Проблема этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1984. С. 57–77.
338. Труфанов А.Я. О специфике миграционных процессов в пределах гамаюно-молчановской общности // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 84–87.
339. Удодов В.С. О некоторых особенностях керамического комплекса поселения Переезд // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 74–76.
340. Уманский А.П. Могильники верхнеобской культуры на верхнем Чумыше // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 136–149.
341. Уманский А.П. Погребение эпохи «великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 129–163.
342. Уманский А.П. Рагозихинские курганы по раскопкам Барнаульского пединститута в 1985 году // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 51–59, 186–194.
343. Уманский А.П. Находки эпохи бронзы из Верхнего Приобья // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 18–27, 165–169.
344. Уманский А.П. Археологические памятники Павловского района (материалы к археологической карте) // Города и села Алтайского края: историческое наследие. Павловский район. Павловск, 1993. С. 5–12.
345. Уманский А.П. Находка 1961 г. из Нижней Суетки // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 51–55.
346. Уманский А.П., Ситников С.М. Керамические комплексы поселения Новоильинка // Известия лаборатории археологии. Вып. 1. Горно-Алтайск, 1995. С. 46–53.
347. Уманский А.П., Шамшин А.Б. Поселение Усть-Чумышская Пристань-I (пос. Мостовой) // Нижнее Причумышье: Очерки истории культуры. Тальменка, 1997. С. 26–36.

348. Фролов Я.В. Бийский этап (к постановке вопроса) // Археологические исследования в Сибири. Барнаул, 1989. С. 69–70.
349. Фролов Я.В. Грунтовый могильник раннего железного века Клепиково I // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 135–143.
350. Фролов Я.В. К вопросу о круговом расположении могил под курганной насыпью в могильниках раннего железного века Верхнего Приобья // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока. Ч. 2. Иркутск, 1996. С. 64–66.
351. Фролов Я.В., Шамшин А.Б. Погребения людей в скорченном положении из могильников раннего железного века Барнаульского Приобья // Социально-экономическая структура древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997. С. 123–125.
352. Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. 268 с.
353. Худяков Ю.С. Погребение позднескифского времени из могильника Усть-Эдиган // Altaica. 1993. № 2. С. 56–62.
354. Худяков Ю.С., Мороз М.В. Коллекция керамической посуды из могильника Усть-Эдиган // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 131–134.
355. Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 году // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 95–150.
356. Цэвэндорж Д. Чандманьская культура // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978. С. 108–117.
357. Чалая Л.А. Озерные стоянки Павлодарской области Пеньки 1,2 // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972. С. 163–181.
358. Чевалков Л.М. Раскопки в устье реки Эдиган в 1988 году // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 200–210.
359. Черников С.С. К вопросу о хронологических периодах в эпоху ранних кочевников (по археологическим материалам Восточного Казахстана) // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 132–137.
360. Чернецов В.Н. Усть-Полуйское время в Приобье // МИА. № 35. М., 1953. С. 221–241.
361. Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии. М., 1989. 320 с.
362. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск, 1984. 256 с.
363. Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (релкинская культура). Томск, 1991. 183 с.
364. Чиндина Л.А. Об археологических культурах Приобья // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993. С. 53–54.
365. Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. 300 с.
366. Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972. 248 с.
367. Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. М., 1994. 170 с.
368. Членова Н.Л. Центральная Азия и скифы. М., 1997. 98 с.
369. Шамшин А.Б. Поселение Мыльниково – памятник финальной бронзы и переходного времени от эпохи бронзы к эпохе железа // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986. С. 86–88.
370. Шамшин А.Б. Эпоха поздней бронзы и переходное время от бронзы к железу в Барнаульском Приобье // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового века Южной Сибири. Барнаул, 1988. С. 111–115.
371. Шамшин А.Б. Переходное время от эпохи бронзы к эпохе железа в Барнаульском Приобье (VIII–VI вв. до н.э.) // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень, 1989. С. 116–129.
372. Шамшин А.Б. К истории археологического изучения Павловского района // Города и села Алтайского края: историческое наследие. Павловский район. Павловск, 1993. С. 12–17.
373. Шамшин А.Б., Демин М.А., Навротский П.И. Раскопки курганного могильника раннего железного века Михайловский-VI на юге Кулунды // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 60–68, 195–197.
374. Шамшин А.Б., Казаков А.А. Аварийные археологические раскопки в Тальменском районе // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 61–62.
375. Шамшин А.Б., Лузин С.Ю. Находки изделий в скифо-сибирском стиле на памятниках Алтая (к вопросу о датировке) // Проблемы хронологии и периодизации памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 128–131.

376. Шамшин А.Б., Лузин С.Ю., Изоткин С.Л. Раскопки курганов раннего железного века в окрестностях г. Барнаула // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 52–56.
377. Шамшин А.Б., Лузин С.Ю., Неверов С.В., Изоткин С.Л. Раскопки курганного могильника Кучук I // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 71–73.
378. Шамшин А.Б., Фролов Я.В., Медникова Э.М. Бобровский грунтовый могильник // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 69–88.
379. Ширин Ю.В. Хронология фоминского этапа // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 157–158.
380. Ширин Ю.В. Источники по погребально-поминальной обрядности позднекулайской общности на юге Западной Сибири: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1994. 19 с.
381. Ширин Ю.В. Об одном из подходов к решению этнокультурных проблем в археологии Кузнецкой котловины // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск; Уфа, 1997. С. 178–182.
382. Ширин Ю.В. Поселения конца I тыс. н.э. в предгорьях Кузнецкого Алатау // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. Кемерово, 1997. С. 65–76.
383. Шульга П.И. К вопросу о культуре скотоводов Горного Алтая в VI–II вв. до н.э. // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986. С. 20–23.
384. Шульга П.И. Исследование поселений раннего железного века в Горном Алтае // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990. С. 83–87.
385. Шульга П.И. Поселения раннего железного века в Горном Алтае: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1990. 18 с.
386. Шульга П.И. Топография древних поселений Горного Алтая и методика их поисков // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 155–159.
387. Шульга П.И. Раскопки «скифского» поселения Аскат 2 на средней Катунь // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 64–65.
388. Шульга П.И. Раскопки афанасьевского кургана у с. Чепош // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. С. 86–89.
389. Шульга П.И. Хозяйство племен Горного Алтая в раннем железном веке // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 48–60.
390. Шульга П.И. Поселение Элекмонар 4 на средней Катунь // Известия лаборатории археологии. № 1. Горно-Алтайск, 1995. С. 59–75.
391. Шульга П.И. Изучение курганных погребений раннего железного века в Рудном Алтае // III итоговая сессия ИА и Эт СО РАН. Ноябрь 1995 года. Новосибирск, 1995. С. 107–109.
392. Шульга П.И. Поселение Чепош 2 на средней Катунь // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул, 1996. С. 106–123.
393. Шульга П.И. Новые материалы по культуре скифского времени северо-западных предгорий Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. III. Новосибирск, 1997. С. 336–342.
394. Шульга П.И. Поселение Куротинский Лог-1 // Известия лаборатории археологии. Вып. 2. Горно-Алтайск, 1997. С. 73–84.
395. Шульга П.И., Казаков А.А., Ведянин С.Д., Семибратов В.П., Ситников С.М. Аварийные работы на реке Чарыш // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1997. С. 124–128.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- АГУ** – Алтайский государственный университет
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АО – Археологические открытия
БЕ – Ближние Елбаны
ИЛАИ – Известия лаборатории археологических исследований
ИА и Эт СО РАН (ИАЭ СО РАН) – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
МГК – Малый Гоньбинский Кордон
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
САИ – Свод археологических источников
СА – Советская археология
ТЕ – Троицкий Елбан
ТГУ – Томский государственный университет
ТОПКТЭ – Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа
ТСА РАНИОН – Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Маркин М.М.</i> Археологический комплекс второго культурного слоя многослойного памятника Ушлеп-6	3
<i>Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Кирюшин К.Ю.</i> Эволюция пластинчатой индустрии в мезолите-неолите Алтая	22
<i>Кунгурова Н.Ю., Степанова Н.Ф.</i> Проявление традиций в каменном инвентаре поселения Малый Дуган	26
<i>Мерц В.К., Ткачев А.А.</i> Неолитические материалы могильника Мичурино II	34
<i>Кунгуров А.Л.</i> Многослойное поселение Усть-Васиха 2 на Верхнем Чумыше	39
<i>Лузгин Б.Н.</i> Геологические доказательства местного происхождения каменного материала из археологических памятников северо-западных предгорий Алтая	55
<i>Грушин С.П.</i> Керамический комплекс эпохи ранней бронзы с поселения Боровое III	61
<i>Ситников С.М.</i> Некоторые результаты исследования поселения Советский Путь-1	71
<i>Папин Д.В., Шамишин А.Б.</i> Поселения переходного времени от бронзы к железному веку в лесостепном Алтайском Приобье	85
<i>Кирюшин Ю.Ф., Фролов Я.В.</i> Комплекс памятников эпохи раннего железа в районе с. Елунино	110
<i>Степанова Н.Ф.</i> К вопросу о терминологии и типологии керамики раннего железного века Горного Алтая	137
<i>Шульга П.И.</i> Поселение Партизанская Катушка на Катунь	146
<i>Абдулганеев М.Т.</i> Поселение Майма 1 и культурно-хронологическая атрибуция земельельческих поселений Горного Алтая	165
<i>Казаков А.А.</i> О культурной принадлежности памятников эпохи раннего средневековья Кузнецкой котловины	172
<i>Казаков А.А.</i> Городище Сошниково I	192
<i>Худяков Ю.С.</i> Керамика хуннского времени из долины р. Эдиган	206
<i>Григорьев Е.В.</i> К вопросу о нижней хронологической границе памятников фоминского типа в Верхнем Приобье (по материалам поселений)	212
<i>Рыженко П.Ф.</i> К истории заселения Причумышья (по материалам музея с. Победа) ...	214
Библиографический список	223
Принятые сокращения	237

Научное издание

ДРЕВНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ

Сборник научных трудов

Редакторы: *Л. Базина,
Т. Березикова,
А. Россинская*

Набор – *М. Кузеванова*

Подготовка оригинал-макета – *З. Васильева*

ЛР 020261 от 14.01.1997

н/к

Подписано в печать 3.07.1998 г. Формат 84x108/32. Бумага типографская. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 16,3. Усл.-печ. л. 16,8. Тираж 300 экз. Заказ 395.

Типография Алтайского государственного университета:
656099, Барнаул, Димитрова, 66